

Эмануэл Сведенборг. Жизнь и Труды.

С. О. Сигштедт

Swedenborg Epic

C.O.Sigstedt

© Copyright Сириэль Сигштедт

© Copyright В. Малявин. Перевод с английского.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ИССЛЕДОВАНИЕ ПРИРОДЫ

Глава первая. Ребенок Эмануэль

В Швеции второе февраля с давних времен было Свечным Праздником. В этот день женщины несли в церкви свечи в память об очищении Богородицы и вносе Христа в храм. В 1688 году этот день был даже двойным праздником, и жители Стокгольма проснулись на рассвете от грома пушек, напоминавшего им, что в королевском дворце готовились крестить малолетнюю принцессу, которая должна была получить имя Ульрики Элеаноры. В городе готовили шумные парады и государственные обеды, большинству же горожан предстояло провести многие часы в церквях, слушая длинные проповеди, призывавшие их к благочестию и милосердию.

Перед дворцом мост через буструю реку Норрстрем вел к церкви Святого Якова. В этом приходе тоже готовились совершить крещение, ибо здесь, неподалеку от площади Густава Адольфа, в доме войскового капеллана Йеспера Сведберга и его жены Сары Бем, тоже не так давно появился на свет ребенок. Но в тот день не по нем гремели пушки, хотя этому мальчику, третьему ребенку Сведбергов, было предназначено стать очень знаменитым человеком. Он родился в Стокгольме в воскресенье, 29 января — день, который теперь много людей празднуют в память об Эммануэле Сведенборге.

В те дни крещению придавали гораздо больше значения, чем сейчас, и эта церемония проходила очень пышно. Обычно подбирали сразу три крестных отца и три крестных матери, чтобы ребенок обязательно вырос в лоне христианской церкви. Судя по записям в метрических книгах, совершил обряд пастор Маттиас Вагнер, а один из шести крестных родителей был королевский советник Норденхельм, наставник принца, который позднее взошел на престол под именем Карла XII. Старшие дети Сведбергов, четырехлетний Альберт и двухлетняя Анна, должны были присутствовать на церемонии вместе с их молодой тетей Ингрид Бем, их кузеном Йоханом Мореусом и их высоким, смуглым отцом. Маловероятно, что ребенка всено лишь четырех дней от рода крестили в присутствии его матери, ибо по закону обряд следовало совершить в церкви еще до утренней службы. Когда пастор Вагнер был готов начать обряд, ребенка — одетого, надо думать, в расшитую узорами крещальную рубашечку — внесла в церковь жена пастора и главная крестная мать Мария Сильвия.

И вот начался обряд крещения, немного напоминавший древние обряды изгнания нечистой силы. Обращаясь к ребенку, пастор спрашивал:

— Эммануэль, отрекаешься ли ты от Сатаны?

— Да! — отвечали за него крестные отцы и матери.
— И от деяний его?
— Да!
— И от всего бытия его?
— Да!
— Веруешь ли ты в Бога Отца Всемогущего, создателя неба и земли?
— Да.
— Веруешь ли ты в Иисуса Христа, Его единственного Сына, Нашего Господа, который произошел от Святого Духа, рожден Девой Марией, был мучим при Понтии Пилате, распят, умер и был погребен и сошел в ад, на третий же день восстал из мертвых, вознесся на небеса и сел по правую руку от Бога Всемогущего Отца и придет оттуда судить живых и мертвых?
— Да.
— Веруешь ли ты в Святой Дух, Христианскую Церковь, сонм святых, прощение грехов, воскресение во плоти и жизнь вечную?
— Да.
— Желает ли ты креститься?
— Да.
Затем священник спросил имя мальчика и, окропив его трижды святой водой, изрек:
— Крещу тебя, Эммануэль, во имя Отца, Сына и Святого Духа. Аминь.
Его отец записал позднее:
Имя моего сына Эммануэля означает: “ С нами Бог”, чтобы постоянно напоминать ему об этом особенном и священном союзе, в котором благодаря вере мы остаемся с нашим милосердным Богом; что Он с нами и в нас, и мы с Ним и в Нем...”

*

*

*

Жизненные труды Эммануэля требовали крепкого здоровья, и это он унаследовал от своих родителей. Его отец, Йеспер Сведберг, был родом из Далеккарлианских крестьян и рудокопов, чья независимость и бесстрашие дважды спасали страну от вражеских нашествий. Отец Йеспера, Даниэль Исааксон, владел долей заброшенного медного рудника, который был открыт вновь и благодаря новым, более совершенным методам обогащения руды принес немалые богатства его владельцам. Став неожиданно для себя богачом, Исааксон смог послать своего сына Даниэля в шведские университеты для изучения богословия. Свое фамильное имя Сведберг он взял по названию своей живописной родной округи близ Фалуна, которая издавна называлась “Сведен”. Первым назначением Йеспера была должность капеллана конных гвардейцев короля, и его страстное желание воспитать в солдатах любовь к чтению заслужило похвалу короля. Карл XI не скрывал своего восхищения бесстрашием капеллана и его умением к месту поминать Слово Божие, независимо от того, чья гордость оказывалась при этом задета. Йеспер Сведберг был благочестив, но благочестие в те дни было свойством не столь уж редкостным, и надо сказать, что Йеспер был не просто благочестив. Он был против распространенной тогда идеи, что божественность пребывала только в благочестивом поведении. Настоящая вера, утверждал он, была неотделима от деятельного служения, в противном случае “умственная вера”, как он называл ее, превратится в “дьявольскую веру”. Он сетовал на упадок нравов, который

наблюдал вокруг, и обличал безнравственность всюду, где находил ее, будь то знатные грешники при королевском дворе или безвестные грешники городских улиц. Этот реформаторский пафос наталкивался на сильное сопротивление.

— У вас много врагов, — сказал однажды король капеллану.

— Служитель Бога, не имеющий много врагов, немногого стоит, — гласил ответ Йеспера, столь для него характерный.

В те первые годы своей жизни в Стокгольме молодой священник и женился на Саре, дочери богатого владельца рудников Альбрехта Бема. Спустя шесть месяцев после свадьбы Йеспер попрощался со своей восемнадцатилетней женой и отправился в десятимесячную поездку по Европе для того, чтобы завершить свое образование и заложить прочные основы под свои мечты о жизни полезной для других — предприятие обычное для того времени, а в случае с Йеспером тем более доступное благодаря большому приданому жены.

Кроткая, миловидная Сара Бем, мать Эмануэля, была женщина с характером. Родившаяся в богатой семье, во времена весьма легкомысленных нравов, она тем не менее одевалась просто и ничуть не была склонна к легкомыслию. Она очень порадовала своего мужа тем, что отказалась носить предписываемые тогдашней модой пышные парики (Йеспер прилюдно объявил этот обычай пустой демонстрацией тщеславия). Сара была женщиной доброй и дружелюбной, известной благотворительными делами.

Стокгольм должен был произвести впечатление на ребенка, который прожил в нем первые четыре года своей жизни. Река быстро мчалась мимо, неся воды озера Малар в море, и по ее берегам выстраивались рыбаки, забрасывавшие в ее бурные воды длинные шесты, чтобы вытащить на берег сети с мелкой рыбешкой. Баржи, нагруженные железом и лесом из балтийских портов, и белокрылые шхуны останавливались и уходили опять в морской простор, направляясь в какой-нибудь далекий город, вроде Ливерпуля и Бремена. По брусчатке на площади катили кареты, в которых сидели нарядно одетые дамы и кавалеры. Впрочем, для детей куда более важен был крутой склон холма за церковь Святого Якова, с которого было так весело скатиться на санках.

Весной 1692 года семья Сведборгов переехала в маленький городок Вингокер, где Йеспер был назначен пастором местного прихода. Но еще через год король назначил его профессором богословия в университете Упсалы, а вскоре после того пожаловал ему звание управляющего Собором. Так что семья поехала вновь, на сей раз в древнюю колыбель образования, верстах в сорока от Стокгольма. Здесь для мальчика Эмануэля началась новая жизнь. Счастье и согласие последовали за Сведбергами в Упсалу. Новый настоятель Собора построил для себя большой каменный дом на центральной площади города и окружил его прекрасным садом. “Никакая работа не была сделана, ни один камень не был положен со смущенным сердцем” . — говорит Йеспер, — но все делалось радостно и весело. Не слышно было ни одного сердитого крика, ни одного бранного слова, никаких уговоров и обежаний...”

Однако дом Сведборгов был вскоре уничтожен пожаром, что случилось с множеством домов в те времена. Дом тотчас восстановили, и, когда работы были завершены, Йеспер отпраздновал второе рождение своего дома тем, что пригласил к себе на обед не знатных людей города, а бедняков своего прихода. Его жена и дети прислуживали гостям, и этот благотворительный пир закончился пением благодарственных песен и взаимными благословениями.

В этом ученом заповеднике было много работы, и настоятель Сведберг трудился без отдыха. Но он был неутомимый работник и, выполняя свои

многочисленные обязанности, даже нашел время подготовить новое издание шведской Библии. Однако, по его словам, ревность других членов прихода, не позволила ему опубликовать его. Эти люди упрямо настаивали на том, что в старой Библии следовало только исправить написание некоторых слов.

После этого Сведберг, который сам сочинил много прекрасных гимнов, потратил немало времени и денег на усовершенствование прежнего собрания церковных песен. Но и эта работа не получила завершения, главным образом, из-за протестов некоторых священников обиженных тем, что с ними не советовались. Они обвинили настоятеля в ереси и даже в желании учредить новую религию, возможно, по причине того, что он обращался к Спасителю как к Сыну Человеческому, а не только как Сыну Бога. Весь тираж нового сборника песен был конфискован.

Окружение этого университетского города и атмосфера дома соборного настоятеля, который постоянно посещали ученые люди и разные официальные делегации и где воскресенья и праздники без остатка посвящались посещению церкви и богослужениям, не могли не оказать глубокого влияния на маленького Эмануэля. Каковы бы ни были недостатки его отца (а признаки эгоизма не столь уж редки на страницах в его автобиографии, насчитывающей тысячу страниц), как учитель, это был сердечный и добрый человек, веривший, что лучшие результаты достигаются не розгами, а играми и состязаниями, пробуждающими интересы ученого мужа, — нечто очень близкое современному взгляду на образование. Ученики любили его.

О юности очень немногих людей мы имеем столь интимные сведения, какими располагаем о ранних годах Сведенборга. Судя по его позднейшим высказываниям и свидетельствам современников, его жизнь, и внешняя, и внутренняя, текла по не совсем обычному руслу. В одном из писем, оглядываясь на свою далекую молодость, он говорит:

“От четвертого до десятого года своей жизни я был поглощен мыслями о Боге, спасении и духовных недугах людей; и несколько раз мне открывались вещи, изумлявшие моего отца и мать... От шестого до двенадцатого года я любил беседовать со священниками о вере и о том, что жизнь веры есть любовь...”

Его способность к пронизательному наблюдению — черта зрелого ученого, — проявилась уже в детстве. Мальчик вдруг осознал связь между его мышлением и дыханием — факт огромной важности для его позднейших сверхчувственных прозрений. Он приучил себя к длительной задержке дыхания во время утренней и вечерней молитвы. Он открыл, что, когда он пытался привести ритм своего дыхания с ритмом биения сердца, поток мыслей в нем почти замирал. Оглядываясь на свои ранние годы, Сведенборг рассматривал подобную практику как необходимую подготовку для тех глубоких отвлечений ума, которые позднее имели столь поразительные результаты.

Первый известный образец его почерка — надпись на медицинском трактате, который, вероятно, дал ему его дядя Йохан Мореус, живший в доме Сведбергов и выполнявший обязанности учителя их детей в перерывах между занятиями медициной. Возможно, благодаря Мореусу, Сведенборг рано заинтересовался тайнами человеческого тела.

Те годы были отмечены целой серией бедствий и неурожаев, столь частых в истории Швеции. В апреле 1692 года случились сильные заморозки, а осенью пошли проливные дожди, помешавшие сбору урожая. На следующий год весной выпал снег, а летом была сильная засуха. А зима 1694-1695 годов выдалась необычайно суровая, и простым людям приходилось есть листья, кору

и коренья. Волки, которых голод заставил придти к людским жилищам, напали на людей прямо в их домах. Сердце Сары Бем было преисполнено сострадания к несчастным людям, и она задумала открыть приют для голодающих. У нее самой теперь была большая семья: после Эмануэля у Сведбергов родилось еще шестеро детей, так что их стало теперь в общей сложности девять: Альберт, Анна, Эмануэль, Хедвиг, Даниэль, Элизер, Катарина, Йеспер и Маргарита.

И тут на счастливое семейство обрушилась беда. В семнадцатый день июня 1696 года Сара Бем умерла от лихорадки, а спустя десять дней ее старший сын Альберт умер от той же болезни. Его похоронили рядом с матерью, внутри собора. Эти внезапные смерти породили много некрологов, и были отлиты серебряные ложки с изображением черепа и скрещенных костей. Одна из этих ложек хранится в Северном Музее в Стокгольме. Там же можно увидеть портрет матери Сведенборга.

Мальчик восьми лет потерял сразу мать и старшего брата. Некоторое время спустя настоятель Сведберг женился на богатой вдове доброго нрава и большого ума. Эта мачеха, Сара Бергия, была предана Эмануэлю.

Глава вторая. Дни в Упсале

Упсала — это больше чем центр учености, больше чем живописный старинный город с булыжными мостовыми и низкими, в выщерблинах домами и древним замком. Это больше чем государственный университет и почтенный готический собор, возвышающийся среди равнины на берегу реки Фирис. Нет нужды видеть могильные холмы вождей викингов или пить медовуху, все еще приготавливаемую на месте древних храмов, для того, чтобы почувствовать, что здесь вы прикасаетесь к глубочайшим корням шведской культуры; здесь прошлое всегда присутствует вокруг, и будущее навеки соединено с прошлым. Здесь прошлое растворено в самом воздухе.

Было бы полезно рассказать немного об интеллектуальной жизни университета, где Сведенборг получил свое образование. Новое столетие шло на смену веку, когда суеверие все еще крепко держало мир в своих оковах. В любой день кто-нибудь мог указать пальцем на какую-нибудь старуху, о которой ходила молва, что она летает верхом на метле на шабаш ведьм или наводит порчу на соседскую корову. В любой день кто-нибудь мог перейти на другую сторону улицы, чтобы не встретиться с человеком, о котором говорили, что он подписал договор с дьяволом. Церковь представляла высшим авторитетом во всех делах и для суеверных крестьян, и для их невежественных господ. Церкви с их колеблющимися огоньками свечей были единственным прибежищем для тех, кто искал решения своих проблем или мечтал о лучшей жизни в будущем. Как звук сирены в тумане, голос Церкви предостерегал людей об опасности для их душ и учил их, чему верить. Многие священники вели постоянную войну против суеверий, которые угрожали затянуть их паству обратно в язычество.

Йеспер Сведберг твердо верил в существование духов, добрых и злых, но не злоупотреблял доверием людей. Для него невидимый мир был совершенно реален. Добрые духи всегда стояли на страже вверенных им душ, Дьявол беспрестанно строил свои козни, и прогнать его можно было только молитвой. По разным случаям Сведберг предъявлял доказательства целительных сил духовного внушения, излечивая от истерии и душевных расстройств личными проповедями или чтением Священного Писания больным мужчинам и женщинам.

Что касается атмосферы в самом университете, то здесь были разные течения. В XVII веке, конечно, было принято относить все проблемы религии и учения к Церкви и разрешать все споры, исходя из церковных заповедей. Учение Аристотеля — разъясненное и очищенное богословами так, чтобы оно соответствовало их взглядам, — считалось правильной и достаточной дозой светской науки необходимой для развития человеческого ума. Однако в то время на повелительный голос Церкви уже накладывался и совсем другой, чистый, возвышенный и ясный, голос. В него вслушивались люди во Франции и Голландии, и вскоре он стал слышен по всей Европе. Это был нечто новое, нечто непохожее на старые голоса. Это был голос, обращавшийся к человеческому разуму. И шел он от французского философа Рене Декарта.

Философские занятия Декарта вели его в противоположную от схоластики сторону — к идее о том, что философские проблемы нельзя разрешить, читая книги и ссылаясь на авторитеты. Правильный путь познания, утверждал он, состоит не в том, чтобы знать, чему учили Платон или Аристотель, но в том, чтобы уметь делать собственные умозаключения. Декарт начал с математики, потому что это был единственный предмет, где допускались такие независимые суждения. В математике, говорил он, вы начинаете с простых положений и двигаетесь к неведомому. Почему бы не приложить этот способ и к другим предметам? Почему бы не определить неизвестные величины в философии посредством некоей универсальной математики, некоей *методической* науки? Декарт был французом и большим любителем точности. “В нашем поиске прямой дороги к истине, — писал он, — мы не должны заниматься предметами, в отношении которых мы не можем достичь такой же ясности, как в доказательствах арифметики и геометрии”. Впрочем, это правило, по Декарту, приложимо только к естественной истине. Он также верил в интуицию. “Первые принципы даются только интуицией”, — говорил он, определяя интуицию как несомненное понятие, происходящее из света самого разума. Такая интуиция есть факт самого нашего существования. Вы можете сомневаться в чем угодно, но вы не можете сомневаться в том, что вы есть. И Декарт начинает с аксиомы: “Я мыслю, следовательно я существую”.

Слово Декарта достигло ушей шведской королевы Кристины, которая в 1650 году пригласила этого незаурядного мыслителя на берега своей суровой страны, где спустя несколько месяцев великий ученый умер от воспаления легких. Но философия Декарта зажгла факел мысли в университете Упсалы. Между факультетами богословия и медицины завязалась оживленная дискуссия о свободе философии, и ученое общество уже потрясали еретические высказывания вроде: “Предмет веры дается Святым Духом, а не изысканиями физики”; “Ни один священник не должен подучить звание профессора медицины”. Когда спорившие, наконец, обратились за окончательным решением к королю Карлу XI, тот постановил, что “учение христианской веры не должно быть подвергаемо философской критике, а в остальном философия

должна быть свободна, как в делах своих, так и в суждениях”. И в результате в главном центре шведской учености была узаконена определенная свобода мысли, которая способствовала независимым научным исследованиям.

Такова была обстановка в университете Упсалы, когда имя Эмануэля пятнадцатого июня 1699 года было вписано в регистрационную книгу университета. Напротив его имени было написано: *Primari Pastoris et Professoris filius optimaе indolis* (“Сын пастора и профессора, превосходных способностей”).

В тот же день Эмануэль стал членом Вестманландского студенческого братства или “нации”. Каждый студент принадлежал к одному из таких клубов, которые подлинно демократическим способом представляли несколько провинций страны. То, что эти так называемые студенты университетов, некоторым из которых едва исполнилось одиннадцать лет, были еще во многом детьми, можно видеть из объявления, вывешенного ректором и запрещавшего студентам под страхом наказания взбираться на окружавшие университет стены.

В университете было четыре факультета: богословский, юридический, медицинский и философский, причем последний охватывал собой науки и математику. Сведенборг учился на философском факультете. Он мог также посещать занятия на юридическом факультете, поскольку принимал участие в дискуссиях по правовым вопросам. Его первой задачей было, конечно, совершенствование в латыни, основы которой он уже освоил с домашним учителем, ибо все обучение в то время происходило на этом древнем языке. Повидимому, спустя год к латыни добавился греческий язык, а позднее еще и иврит. Сосредоточившись на изучении классических языков, Сведенборг в то же время постигал естественные науки и математику. В это время у него зародился интерес к поэзии. Первое известное поэтическое сочинение Сведенборга — стихотворение по-шведски по случаю свадьбы “почтенного и ученного господина Йоханнеса Колмодина и благонравной девицы Беаты Хесселии”.

В ночь на 17 мая 1702 года в Упсале случился пожар, который за несколько часов обратил в пепел три четверти города. Студенты изо всех сил старались спасти горящий дом настоятеля Сведберга. Крыша, окна и двери дома сгорели дотла, но начертанное золотыми буквами библейское изречение, висевшее в главной зале дома, удалось спасти — лучшее доказательство для Йеспера, что слово Божие не пройдет вовек. Изречение гласило: “Страшись Бога и блюди заповеди его”. Тут же возникли планы восстановления города, и оставшиеся годы жизни Эмануэля в Упсале были временем созидания — как материального, так и духовного.

Следующей весной Йеспер Сведберг был назначен епископом Скарским в центральной Швеции. Он покинул Упсалу и студентов и поселился в епископской резиденции в Брунсбо в области Вестроготия. В то время Йеспер был куратором Вестманландского братства, в котором состояли его сыновья. На прощание студенты подарили ему два больших серебряных подсвечника, стоивших приличную сумму — 327 талеров. Подарок был принят “с явной благосклонностью”. Йеспер пригласил гостей в дом и на прощание дал им добрые советы:

“Я прошу вас со всей серьезностью бояться и любить Бога превыше всего на свете, ибо без этого страха Божия всякое обучение и всякий навык будут не в прок и даже навредят вам”. Трех принципам, сказал он, нужно следовать в

жизни, чтобы быть счастливым: во-первых, благочестию, которое следует возвращать в себе ежедневным чтением Библии; во-вторых, выбору своего призвания и, в-третьих, устремленности к единству воли. (Было бы интересно сравнить эти принципы с так называемыми “Правилами жизни”, которые постоянно встречаются в рукописях Сведенборга).

Епископ и его жена взяли в Брунсбо двух младших дочерей, оставив четырнадцатилетнего Эмануэля, его сестру Хедвиг и двух других братьев на попечение семнадцатилетней Анны, которая в том году вышла замуж за университетского библиотекаря Эрика Бензелиуса. Остаток своих студенческих лет Эмануэль прожил в доме сестры и смотрел на Бензелиуса как на родного отца. Это был, наверное, весьма шумный дом, тем более что молодая жена должна была смотреть за своими собственными детьми помимо четырех братьев и сестры.

Эрик Бензелиус, в доме которого Сведенборг провел шесть лет, оказал глубокое влияние на его жизнь. Ревностный картезианец, убежденный в том, что будущее учености принадлежит строгим наукам, Бензелиус вел переписку с самыми известными людьми своего времени и постоянно находился в контакте с новейшими течениями мысли. Прежде чем Эмануэль покинул Упсалу, в нем пробудилась неутолимая жажда учения, и, по его собственным словам, его шурин посоветовал ему посвятить себя изучению *матезиса*, как в то время называли точные науки.

То небольшое, что мы знаем о жизни Эмануэля в университетские годы, можно почерпнуть из записей в журналах студенческих братств. Осенью 1704 года он был выбран студентами одним из трех участников дебатов о “Божественном Провидении”, которые состоялись в марте. В следующем семестре он принял участие в дебатах о “Браке” и “Обязанностях родителей и детей”. Позднее он предложил себя в качестве председательствующего на дебатах о “Естественном законе”, но его прошение было отклонено по причине его юного возраста. Этот эпизод свидетельствует о большой активности молодого Эмануэля и его интересе к вопросам права, который сыграл важную роль в его жизни.

Первое июня 1709 года стал долгожданным днем окончания Эмануэлем университета, что, впрочем, не означало присвоения ему какого-либо ученого звания в современном смысле. В торжественном облачении кандидата он взошел на помост, чтобы зачитать свое выпускное сочинение в присутствии отца, который был назначен одним из судей на церемонии и проделал длинный путь из Скары, чтобы присутствовать на ней. Эмануэлт был среднего роста и внешностью напоминал мать, хотя унаследовал от отца слегка выступающую вперед нижнюю челюсть. Но вместо полных, чувственных губ Йеспера его рот имел, как и у его матери, спокойное и добродушное выражение. Но самой приметной чертой внешности Эмануэля были его серые, искрящиеся улыбкой глаза. Когда он начал читать, оказалось, что он страдал легким заиканием.

Сочинение Эмануэля представляло собой комментарий на латинских авторов, озаглавленный: “Избранные речения из Публиуса Сириса Мимуса и Аннэуса Сенеки”. Около двух третей работы состояло из цитат, остальное, очевидно, принадлежит перу Эмануэля, хотя в этом нет полной уверенности, поскольку все сочинение было написано для защиты взглядов его наставника, в данном случае — Магистра Фабиана Турнера.

Вот некоторые изречения, о которых говорится в работе:

“Дерущийся с пьяным, поражает того, кого нет”.

“Я покажу тебе, чего не хватает в том, кто владеет всем миром, — человека, который говорит истину”.

“Грех твоего друга будет на тебе самом, если ты не увещаешь согрешившего”.

“Не есть искусство то, что достигается волею случая”.

“Поимом разума в тебе нет ничего замечательного, ничего великого в том, кто велик”.

“Излишнее растяжение ломает лук; недостаток его ломает ум”.

“Сравнение прекрасное, — замечает здесь Сведенборг, — ибо как лук ломается, будучи слишком растянут, так ломается и ум, когда он слишком расслаблен. Таким образом, занятия и размышления суть пища для ума, и если ум не питать и не поддерживать постоянно, он погибнет”.

Это сочинение свидетельствует о весьма серьезном настроении мыслей Сведенборга. И еще оно показывает прекрасное знание им латыни и античных авторов, а также, что еще важнее, оно обозначает вполне определенное направление в его занятиях, предвосхищающее все его последующие труды. Ведь последние тридцать лет своей жизни он посвятил разъяснению Писания.

“Избранные изречения” сопровождалось посвящением отцу Эмануэлю, гласившим:

“Да вырасту я по прошествии лет в подражании тех деяний, которые покрыли имя моего родителя славой. Да уподоблюсь я ему в своих писаниях, а равно своим умом и характером!”

Глава третья. Брунсбо

Епископ Сведберг хотел, чтобы его сын поехал за границу и там завершил свое образование. Поэтому когда он посетил Стокгольм в мае 1709 года, он обратился к королевскому секретарю с просьбой выдать его сыну проезжую грамоту для заграничного путешествия. А после выпускной церемонии в университете епископ отправился обратно в Брунсбо в сопровождении сына, который предполагал выехать оттуда в Англию. В письме к мужу Анны Эрику Бензелиусу, посланному в июле того года из Брунсбо, он просит своего шурина дать ему рекомендательные письма к членам Королевского Общества в Лондона, чтобы он мог охотиться с из работами в области естественных наук.

Готовясь к путешествию, Эмануэль заявляет, что он должен собрать все доступное ему об этом предмете и что он очень хочет познакомиться с трудами великого шведского изобретателя и гения механики Кристофера Полхема, который, как он говорит, должен, пока не поздно, опубликовать описания своих изобретений.

Но планам Эмануэля отправиться в путешествие сузжено было сбыться лишь через несколько лет. Вместо двух недель Эмануэлю пришлось пробыть в Скаре целый год, поскольку Швеция в то время была в состоянии войны с Данией, и господство датского флота на море сделало почти невозможным безопасное плавание от берегов Швеции в Англию. К тому же в самой Швеции разрасталась эпидемия чумы, пришедшей с материка. Шведское правительство ввело строжайший карантин для всех въезжающих в страну, но и эта мера не смогла предотвратить распространение страшной болезни. В одном Стокгольме от чумы умерло около двадцати тысяч человек — треть жителей города.

Цветущий город превратился в пустыню. А вскоре пришло известие, что король Карл XII, который ушел в поход в далекую Россию, потерпел поражение в решающей битве при Полтаве. Королю пришлось бежать к Черному морю, где он оказался на положении почетного пленника турецких властей.

Теперь Швеция, оставшаяся без ее храброго короля, вновь подверглась нападению Дании, которая незадолго до того потеряла свою южную провинцию Сканию. Датские войска захватили город Хельсингборг. Несмотря на огромные потери и тяготы, вызванные длительными войнами и эпидемией, шведы были полны решимости пожертвовать всем ради спасения своих очагов и своего юного короля, покоровшего их сердца своей необыкновенной храбростью. Войско простых крестьян, вооруженных по большей части вилами и серпами, нанесло поражение датчанам и прогнало их из страны.

Молодой Сведенборг не принимал участия в военных действиях, но победа крестьянского войска, которым командовал Магнус Стенбок, подвигла его на написание “Триумфальной оды Стенбоку”. В тот год он написал еще несколько поэм, научился переплетному делу и достиг таких успехов в музицировании, что получил место органиста в местной церкви. Он возобновил знакомство со своим бывшим учителем Йоханом Мореусом, который к тому времени вернулся из Франции с дипломом врача и снова поселился в доме епископа Сведберга. Он осмотрел огромный скелет, найденный Мореусом в окрестностях города и организовал перевозку “костей средневекового великана” в музей Упсалы. То, что знатоки объявили находку окаменевшими костями кита, лишь окружило ее еще большей таинственностью, поскольку скелет был найден в ста с лишним верстах от берега моря.

Тихая, праздная жизнь Брунсбо была не по вкусу Эмануэлю, и он искал спасения от скуки в общении с Бензелиусом. Бензелиус, один из вождей движения за свободные методы исследований, уже превращался в одного из ведущих ученых своего времени. Эмануэль в письме к старшему другу признавался, что любит и чтит его, “как родного отца”. Бензелиус в свою очередь очень ценил свою дружбу с Эмануэлем и позднее включил более пятидесяти писем Сведенборга в свое многотомное собрание переписки с учеными мужами Европы. Известно, что Эмануэль просил своего отца и своего знаменитого шурина устроить ему встречу с Польхемом, у которого он собирался поучиться техническим наукам и изобретательству, но и этим планам не суждено было сбыться в то время. Прослышав о некоем капитане, который собрался вести свой корабль в Англию несмотря на риск быть взятым в плен датчанами или французами, которые в те годы тоже воевали с Англией, он взосел на этот корабль и в апреле или начале мая 1710 года отплыл на нем в Англию.

Глава четвертая. Англия и материк

Полный сил и амбиций направлялся молодой Эмануэль к неведомым берегам Англии. Некоторые сведения о его путешествии сохранились в его письмах и дневниках.

“На пути в Лондон моя жизнь четырежды подвергалась опасности, — говорит он. — Судно село на мель, а позже наткнулось на военную французскую шхуну, искавшую контрабанду. На следующий день английский патрульный корабль

принял нас за французов и открыл по нам огонь из пушек, к счастью, не причинив нам ущерба”.

Более серьезное испытание подстерегало Эмануэля, когда он прибыл в Лондон. До Англии дошло известии, что в Швеции свирепствует чума, и кораблю, на котором приплыл Эмануэль, было приказано оставаться на карантине в течение шести недель. Какие-то шведы приблизились к кораблю на яхте и уговорили юного путешественника отправиться с ними в город. Нарушителя карантина поймали и едва не повесили. “Я избежал виселицы, но с условием, что больше ни один человек не покинет судно”, — писал Эмануэль. Вероятно, Эмануэль смог избежать наказания потому, что имел с собой рекомендательные письма ко многим известным в Англии людям.

В Лондоне Эмануэль поселился сначала у часовщика, потом у краснодеревщика, а позднее у мастера по изготовлению духовых инструментов. “Я краду у них их искусство, которое может когда-нибудь мне пригодиться”, — писал он в письме домой. Довольно быстро Эмануэль освоил английский язык и изучил местные достопримечательности. “Все, что заслуживает изучения в городе, я уже осмотрел. Великолепный собор Святого Павла я окончил несколько дней назад во всех его деталях”, — писал он на родину.

Эмануэль купил в Лондоне подзорные трубы, призмы и прочее и намеревался, если у него останутся деньги, купить еще воздушный насос. Каждый день он посещал лучших математиков города. Один из них, с которым он провел большую часть времени в первый год жизни в Англии, был директор Гринвичской обсерватории отец Джон Флэмстид. Этот зрелый и опытный астроном, кажется, любил общество двадцатидвухлетнего студента, ибо оно часами беседовали о наблюдениях и вычислениях Флэмстида. Какой восторг, должно быть, охватывал молодого ученого, когда он направлял усовершенствованные телескопы Гринвичской обсерватории на звездное небо, открывая для себя все новые и новые глубины неведомого пространства! Известно, что Эмануэль занимался также проблемой наиболее точного способа расчета долготы, что было жизненно важной задачей для тогдашней Англии, ставшей главной морской державой мира.

Эрик Бензелиус писал ему из Швеции, что чума почти прекратилась и в университете Упсалы возобновились занятия. По просьбе друга Эмануэль отослал в Упсалу новейшие научные книги, а также большой телескоп и микроскоп. В Упсале также интересовались, как английские математики оценивают теорию тяготения Ньютона. Утверждение о том, что одни планеты могут притягивать другие силой тяготения, казалось этим картезианцам безосновательным домыслом. Сведенборг отвечал, что нельзя спрашивать у англичан их мнения по этому вопросу, соотечественниках, ибо в том, что касается соотечественников, они совершенно слепы. “Я не собираюсь возвращаться домой до 1715 года”, — заявлял он. С января по август 1712 года Эмануэль находился в Оксфорде, где обсуждал со знаменитым астрономом Эдмундом Галлеем методы расчета долготы. Вернулся в Лондон усталый и разочарованный. “Я не получил здесь, в Англии, большой поддержки моим расчетам от этих манерных и гордых людей, так что мне придется на время отложить в сторону мои планы” — писал он в Швецию.

Теперь его ученые амбиции обратились на другой предмет: поэзию. В письме из Лондона от августа 1712 года он сообщает:

“Поскольку мои размышления отдалили меня от общества в большей мере, чем это желательно и полезно для меня, и поскольку я чувствую некоторую

усталость, я на короткое время нашел прибежище в изучении поэзии, которая может освежить меня. Я намереваюсь в этом году заявить о себе в этой области...”

Эмануэль нашел, что “выдающиеся английские поэты — Драйден, Спенсер, Уаллер, Милтон, Шекспир, Бен Джонсон и прочие вполне заслуживают того, чтобы их читали уже благодаря их воображению”. Английская поэзия, несомненно, послужила образцом для стихотворных опытов Эмануэля по латыни. Этот отрывок из его “Строки поэтессе — почему песни ее доставляют удовольствие” весьма напоминает по стилю и тональности английских поэтов того времени:

“Скажите, отчего струна, тронутая прекрасной девой,
Исторгает звук столь пронзительно-сладостный?
Почему вливает она в свои стихи нектар юных нимф?
Почему голос прекрасней, если исходит он из прекрасных уст?”

Истинно, все, что ей любо сказать, слетает с ее пухлых губ;
Каждое слово ее несет в себе дыхание ее милых уст.
Но любовь — вот душа ее пения, а не губы и не слова,
Ибо голос ее, такой сладкий и нежный, столь мил нашему слуху...”

Стихи Сведенборга были высоко оценены его современниками. “В юности он был великий поэт, — говорит один из них. — В моем собрании есть несколько его произведений, под которыми не постыдился бы поставить свое имя сам Овидий”. Может быть, это слишком щедрая похвала. Не существует переводов поэзии Сведенборга на европейские языки, которые позволили бы оценить ее достоинства современному читателю. Сам же Эмануэль обращался к поэзии в моменты разочарования или усталости от ученых занятий. Но нет сомнения, что его поэтические упражнения помогли ему выработать столь ясный и выразительный стиль его латыни.

Пребывание в Англии, безусловно, значительно расширило духовный кругозор Эмануэля. Оно дало ему возможность встретиться с лучшими знатоками естественных и точных наук тогдашней Европы. Сам Сведенборг назвал то время “подготовкой к делу своей жизни”.

Пробыв в Англии два с половиной года, Сведенборг в начале 1713 года перебрался в Голландию. В Утрехте он имел возможность посетить конференцию, на которой посланники большинства европейских держав готовили проект большого международного договора. Эмануэль принял участие в дискуссиях по многим злободневным вопросам международной политики — хорошая подготовка для его будущей работы в шведском парламенте. В те дни Эмануэль особенно сдружился со шведским посланником, бароном Йоханом Пальмквистом, большим знатоком алгебры. Государственный муж нашел общество Эмануэля столь приятным, что не хотел отпускать его от себя.

Но Эмануэля манили новые города и люди. В Лейдене Эмануэль осмотрел отличную обсерваторию, столь подходящую для его астрономических проектов, а также освоил технику изготовления линз и закупил все необходимое для этого оборудование.

Затем Эмануэль переехал в Париж, где вскоре заболел и на шесть недель был отлучен от своих любимых занятий. Он ничего не сообщает о природе своей

болезни — единственной, о которой сохранились какие-то упоминания. Всю свою жизнь Сведенборг отличался крепким здоровьем.

Выздоровев, Эмануэль тут же стал искать встречи с известными учеными. Аббат Биньон, один из образованнейших людей своего времени и покровитель наук, со всей сердечностью принял его, высоко оценил его математические труды и дал рекомендательное письмо к знаменитому математику Полю Вариньону, который в свою очередь рекомендовал Эмануэля астроному Де Ла Гиру. Но, по всей видимости, и в Париже разработанный Эмануэлем метод расчета долготы по лунной орбите тоже не встретил поддержки, и лишь спустя много лет Сведенборг предстал перед ним на рассмотрение Британского Королевского Общества.

Эмануэль неутомимо работал и избегал компании соотечественников, которые могли отвлечь его от занятий. По его словам, ему даже не хватало времени для написания писем. Но незадолго до отъезда из Парижа молодой ученый позволил себе подробно осмотреть достопримечательности города в компании друзей.

Наконец, в августе 1714 года Эмануэль отправляется домой. По дороге, из немецкого города Росток, он пишет Бензелиусу письмо, в котором приводит поразительный список своих четырнадцати технических изобретений, сопровождаемый рисунками и подробными описаниями. В этом списке упоминаются, например, такие неслыханные для его времени новинки:

“Чертеж судна, которое вместе с командой способно плыть под поверхностью моря и причинять большой урон флоту неприятеля”.

“Универсальный музыкальный инструмент, посредством которой даже несведущий в музыке человек может исполнять любую мелодию, обозначенную нотной грамотой”.

“Летающий экипаж, или возможность быть подвешенным в воздухе или переноситься по воздуху”.

“Метод определения желаний и ощущений ума с помощью анализа”.

“Я чувствую некоторый стыд, — говорит он, — когда думаю о том, что обещаю так много, но до сих пор показал так мало”.

Пребывание в Ростке дало Эмануэлю возможность также привести в порядок свои новейшие поэтические произведения. Он написал несколько “басен в стиле Овидия, под оболочкой которых скрывается все, что происходило в Европе за последние десять-пятнадцать лет”. В другой поэме, озаглавленной “Северная Муза”, излагается история шведского народа и предсказывается его блестящее будущее в царствование великого Карла XII, “феникса древней готской нации и Монарха Севера”.

Для напечатания своих поэтических сочинений Сведенборг поехал в Грайфсвальде. Политические события, однако, не оправдывали его ожиданий. Русские войска вторглись в шведскую Финляндию и в любой день могли появиться у шведских берегов. Король Карл, разочарованный нежеланием Турции вступить в войну против России, возвращался домой через Европу.

Это и многое другое Эмануэль узнал в Грайфсвальде от соотечественников, возвращавшихся домой из неудачного похода в Россию. Оказалось, что “Монарх Севера” в сопровождении всего лишь двух слуг в это самое время направлялся инкогнито в Померанию. 10 декабря Карл прибыл в Стралзунд, преодолев последнюю тысячу верст за восемь дней — небывалая скорость по тем временам! От бешеной скачки ноги его распухли настолько, что, когда он прискакал в Стралзунд, сапоги пришлось срезать с него ножом.

Все это так распалило воображение молодого человека, что он написал “праздничную оду по случаю возвращения нашего любимого короля в родную Померанию”. Многие тогда сочли это произведение лучшим в поэтическом творчестве Сведенборга, но ода так и не увидела свет, и две ее рукописные копии были обнаружены в библиотеке Грайфсвальда лишь в XX столетии. Видно, действительное положение дел уж слишком резко расходилось с панегириком Эмануэля.

Между тем Эмануэль после четырех лет странствий и сам начал скучать по родине. В Грайфсвальде он не обнаружил ничего интересного для себя. Местный профессор математики “был годен к любому делу кроме его профессии”. Он пишет письма домой, в которых посылает теплые приветствия родным и выражает желание поскорее увидеться с Польшемом и изучить его изобретения. Были и другие причины, побуждавшие его поскорее вернуться в Швецию. Всего лишь в двадцати пяти верстах от Грайфсвальда, в Стралзунде, Карл был окружен соединенными силами Дании, Пруссии и Ганновера. В самом начале осады Стралзунда, в мае или начале июня 1715 года, Эмануэлю удалось на небольшой яхте перебраться на родину.

Вскоре на южном побережье Швеции высадился и Карл XII потерявший и Стралзунд — последнее шведское владение в Померании. Храбрый король по-прежнему не терял присутствия духа, но непомерное честолюбие этого монарха принесло неисчислимые бедствия его народу. Швеция была полностью разорена войной. Огромные суммы денег, которой она выплачивала другим государствам превышали доходы казны. Только долг Турции пришлось выплачивать в течение двадцати четырех лет.

Был в Швеции человек, которые предвидел страшные последствия завоевательных походов Карла XII. Им была бабка короля, любимая всеми вдовствующая королева Хедвиг Элеанора. Если бы Карл послушался ее советов и заключил мир, даже на условиях потери части территории на материке, исход его войн был бы совсем другим. Ее смерть в следующем году побудила Эмануэля написать в ее честь торжественные строки:

“Воины Швеции, придите к этой могиле,
С оружием, склоненным к обители вечного покоя;
С опущенным взором, явитесь в терниях скорби.
О Швеция, родина древних богов!
Плачь, мать храбрых народов!
С одеждами, разодранными скорбной рукой,
Плачь над этой могилой!”

Глава пятая. Северный изобретатель

В Швеции мало примечательных гор, но зато много прекрасных холмов. Одно из красивейших мест страны — гора Киннекулле, который вздымается ввысь на песчаной равнине у озера Веннер, величественно возвышаясь над несколькими меньшими холмами, стоящими вокруг на нее на почтительном расстоянии.

В один из дней августа 1715 года Сведенборг остановился у этой горы в пятнадцати верстах от Брунсбо.

После странствий по Европе Эмануэль осознал со всей ясностью, что Швеция намного отстала от других стран в науках, особенно в астрономии. Если бы швед мог претендовать на щедрую награду английского правительства, обещанную за лучший метод расчета долготы. Но разработанный им способ, признанный известными учеными за границами, требовал для завершения работы только точных лунных таблиц, а во всей Швеции не было ни одной обсерватории, где можно было бы составить такие таблицы. Единственная маленькая обсерватория в Упсале с ее устаревшими инструментами не позволяла рассчитать с достаточной точностью долготу и широту даже Стокгольма, чего добивались многие иностранные астрономы. Получить эти данные в обмен на их информацию было бы долгой каждой цивилизованной страны. Давно было уже пора учредить и в Швеции хорошую обсерваторию, чтобы не потерять окончательно уважения ученого мира. Такая обсерватория была крайне необходима и для мореплавания, и для изучения погоды и свойств воздуха, не говоря уже об изучении северного сияния.

Молодой Сведенборг искал место, где он мог бы построить маленькую частную обсерваторию. Здесь он собирался провести зимой наблюдения, которые были так нужны для завершения его астрономических проектов. Но и этому плану Эмануэля не суждено было сбыться. В конце того же года он посетил Упсалу, вновь встретился со старыми друзьями и увлекся другими проектами, возможно, предложенными Эриком Бензелиусом. Бензелиус и профессора считали Упсалу гораздо более подходящим местом для обсерватории, чем холм в какой-то глуши. И эта обсерватория была-таки построена — двадцать четыре года спустя.

Между тем Сведенборг ждал, как устроятся его дела в Швеции. Еще до его возвращения заботливый епископ Сведберг доложил королю, что его сын обнаружил незаурядные способности в математике и механике и мог бы оказать большие услуги государству, если бы ему дали пост в Упсале или где-нибудь еще. Но сам Эмануэль без энтузиазма относился к перспективе служить профессором в университете. Он был больше всего увлечен планом издания научного журнала. В Упсале лежали материалы Польхема, которые Бензелиус собирался опубликовать. Теперь пришло время обнародовать их “ради пользы науки и промышленности”. Было решено, что этот первый научный журнал в Швеции будет издаваться по образцу журналов иностранных научных обществ и притом не на латыни, а на шведском языке, поскольку он был обращен к широкой читающей публике и был призван пробудить в шведах интерес к научным изысканиям. Эмануэль надеялся, что новый журнал послужит основой для будущего ученого общества, что и произошло на самом деле: нынешнее Общество Наук в Упсале считает первый выпуск журнала своим первым бюллетенем. Сведенборг назвал свой журнал *Daedalus Hyperboreus*, или “Северный Дедал” по имени героя греческого мифа, который считается первым изобретателем в истории. Дедал и его сын Икар создали искусственные крылья, чтобы с их помощью убежать из лабиринта, в котором обитало страшное чудовище — Минотавр.

В ноябре 1719 года Сведенборг отправился из Упсалы в Стокгольм, чтобы осмотреть изобретенные Польхемом машины, которые хранились в Горном Ведомстве. Он обнаружил их в “Механической Лаборатории”, основанной Польхемом четырнадцать лет тому назад благодаря государственным субсидиям. Деньги, выделенные для лаборатории, уже давно были потрачены на военные нужды, и изготовленные Польхемом модели находились в плачевном

состоянии; большинство из них развалилось на части. “Через несколько лет экспонаты лаборатории будут годны только на дрова, если я не попытаюсь помочь им избежать этой судьбы с помощью бумаги и чернил”, — писал Сведенборг Бензелиусу из Стокгольма.

Все его интересы можно было бы успешно совместить, думал Сведенборг, если бы он получил пост профессора в университете. Но откуда взять деньги, если для этого поста нет вакансии? Может быть, спрашивал он Бензелиуса, для этой цели урезать жалованье уже существующих профессоров? Он предложил Бензелиусу создать факультет математики и науки, который не менее нужен, чем все прочие. Бензелиусу он предложил стать секретарем, а себе отводил должность профессора механики. Он даже наивно полагал, что профессора с готовностью согласятся пойти на маленькие жертвы ради блага общественного образования. Бензелиус сурового отчитал молодого мечтателя за это несколько неоднозначное предложение, и взамен предложил Сведенборгу стать директором Механической лаборатории, которую следует перевести в Упсалу, а Пульхему занять должность ассессора (члена) Торговой Палаты. Директор лаборатории, по мысли Бензелиуса, мог быть уравнен в положении с университетским профессором.

Впрочем, из этих планов так ничего и не вышло. Чуть позже Сведенборг даже отказался занять освободившееся место профессора в университета, поскольку был всецело занят подготовкой к изданию первого номера своего журнала. Польхем, получивший от Эмануэля материалы жернала, остался доволен ими и выразил желание поскорее встретиться с молодым ученым “прежде чем немногие оставшиеся дни лишат нас этой возможности”. Частые жалобы Польхема на приближающийся конец выглядят забавно, поскольку он дожил до весьма почтенного девяностолетнего возраста.

Десятого января 1716 года стокгольмские газеты объявили о выходе в свете первого номера “Северного Дедала”, в котором были опубликованы статья о музыкальных инструментах, изобретенных Польхемом, и некоторые работы Сведенборга. Сразу после этого, по-видимому, и состоялась долгожданная встреча Эмануэля со знаменитым изобретателем в его доме в местечке Стьернзунд. В следующем номере эурнала появились статья Польхема о подъемной машине, две статьи о технике чеканки монет и статья о недавнем солнечном затмении. В третьем номере появились статьи о весах и мерах, воздушных насосах и измерении воздуха. “В четвертом номере, — писал Эмануэль Бензелиусу, — я намереваюсь поместить некоторые дедаловы размышления о летающей машине”.

Летающую машину Сведенборга обычно считают скорее прообразом управляемого планера, нежели предтечей современных аэропланов. У нее не было никакого двигателя, который позволил бы ей самостоятельно отрываться от земли или лететь по воздуху. Машину Сведенборга нужно было запускать с крыши дома, используя силу попутного ветра. Она была снабжена движущимися крыльями, которыми управлял пилот, но в ней, в сущности, отсутствовала система управления. Польхем, кажется, сомневался в целесообразности публикации такой статьи. Построить искусственный летательный аппарат, говорил он, так же трудно, как сконструировать вечный двигатель или добыть философский камень.

Сам Сведенборг не утверждал, что изобрел машину, которая может летать. Он лишь допускал возможность существования такой машины и, не без юмора, приводил цитату из известного писателя Фонтанеля:

“Искусство полетов еще едва родилось. Оно будет усовершенствовано, и когданибудь люди полетят на Луну. Неужели мы должны утверждать, что открыли все на свете и довели свое знание до совершенства? Будем же милосердны, согласимся с тем, что и будущем поколениям тоже предстоит открыть что-нибудь!”

Польхем думал, что ученые должны лучше знать практические стороны предметов, которым они обучали и что “природа устроена совсем не так, как верил Декарт и его последователи”. Вместо созерцаний он предлагал ежедневные эксперименты в механике и размышления о причинах. “Я никогда не одобряю того, что не может быть испытано для всех случаев и обстоятельств, — говорил он. — И если одно противоречит другому, я считаю, что ложно самое наше суждение о вещах”.

Встречаясь в Стързунде, Польхем и Сведенборг сошлись на том, что как только кончится война, они создают институт механики в Упсале. Этот институт будут снабжать людей разными полезными машинами, вроде новой молотилки, применение которой значительно увеличивало сбор зерна. Все большие имения и деревни должны были получить такие молотилки, причем институту отходила половина прибыли, Польхему — треть, а директору — шестая часть.

Вернувшись в Брунсбо, Эмануэль стал совершать длительные прогулки по окрестностям, осматривая камни, источники, почву и грязь и беседуя с крестьянами о своих находках. Он обнаружил черную глину, которая могла пригодиться для изготовления черной краски, и белую глину пригодную для выделки трубок. Одновременно он продолжал работу над следующими номерами “Северного Дедала”, готовя к публикации трактат Польхема “О причинах вещей”.

Сведенборгу было теперь двадцать восемь лет, он был, как никогда, полон планов, но все еще не имел устойчивого положения. Надежда попасть вместе с Польхемом на аудиенцию к Карлу XII оставалась призрачной, ибо к этому времени король затеял поход в Норвегию, чтобы изгнать оттуда своих давних врагов датчан. “Кажется, Швеция на сей раз не имеет сил подняться, и ее последняя агония уже близка. Многие хотят, чтобы ее мучения продлились недолго”, — писал Эмануэль Польхему, который в ответ соглашался с ним, что “все добрые планы окончились ничем”.

Сестра короля, принцесса Ульрика Элеанора, жила в то время в замке Вадстена, неподалеку от Брунсбо. Вняв ее просьбам, Карл XII в конце концов согласился нанести ей короткий визит. Инкогнито, под проливным дождем Карл пересек озеро Веттер в лодке, проскакал от озера до замка сестры восемь миль верхом, провел ночь в замке и на следующий день уехал. Это была их первая встреча за восемнадцать лет, и она же стала последней!

В конце сентября Сведенборг опять приехал в Упсалу, рассчитывая получить освободившийся пост профессора, но тут события приняли благоприятный для него оборот. Король приказал Польхему построить сухой док для военной базы в Карлскроне, чтобы облегчить ведение морской войны против Дании. Было решено, что Эмануэль поедет вместе с Польхемом к королю, представит ему своего “Дедала” и расскажет о своих планах развития науки.

Так Сведенборг в компании Польхема поехал в королевскую ставку в Лунде. Подобно их мифическим предшественникам, эти два изобретателя отправились на поиски своего счастья. Какая судьба ждала их? В древней легенде Икар подлетел слишком близко к солнцу, солнечные лучи растопили его восковые

крылья, и он рухнул на землю с огромной высоты. Изобретательство тоже должно следовать мудрому пути, если оно хочет пережить плоды своего новаторства!

Глава шестая. У Его Величества в Лунде

Король Карл учредил свою ставку в Лунде, старом университетском городе на юге Швеции, и пробыл там до 1718 года. Там он жил в доме профессора Хагардта и однажды благосклонно взял на себя роль крестного отца малолетнего сына хозяина. Жизнь королевского двора была наипростейшая — ни празднеств, ни развлечений. Столовый приборы были подарены Польхемом, и все предметы в них были сделаны из мельхиора. Сведенборг опубликовал небольшой трактат о том, как ухаживать за мельхиоровой посудой, чтобы она не потускнела.

Карл был учтив, скромен и заботлив по отношению к окружающим. Он был также очень благочестив, о чем можно судить из записок его духовника Йорана Нордберга.

Но атмосфера маленького двора Карла была пропитана ревностью и интригами. Власть находилась в руках партии барона Гертца, заботившейся не столько о благе подданных, сколько о продолжении войны любой ценой. И были при дворе люди вроде Польхема, которые желали вернуть страну к мирной, созидательной жизни. Любое новое назначение вызывало завистливый отпор противоположной партии.

В Лунде Эмануэль поселился у своего старого товарища Бернарда Седерхольма, служившего теперь в королевском секретариате. Шестого декабря 1716 года Польхем направил Карлу прошение о пожаловании Сведенборгу какой-нибудь почетной должности. Если король желал поддержать успехи отечественной математики, то лучшим способом сделать это было бы особо выделить того, кто обладает исключительными способностями в этой области, нежели позволить ему занять обычную профессорскую должность, чего Сведенборг, впрочем, тоже вполне достоин.

Его Величество осмотрел изданный специально для него изящный выпуск “Северного Дедала” с посвящением обожаемому монарху и остался очень доволен. Он предложил Эмануэлю на выбор три должности, среди них посты экстраординарного ассессора в Королевском Колледже или Горном Ведомстве. Сведенборг выбрал работу в Горном Ведомстве, что соответствовало и планам Польхема, желавшего иметь в Горном Ведомстве знатока механики.

Но не все было так просто. Внимательно прочитав королевский указ о его назначении, Эмануэль увидел, что кто-то пытался его обмануть. Из текста указа отнюдь не явствовало со всей однозначностью, что он получал место ассессора в ведомстве и регулярное жалованье. Сведенборг возвратил указ королю, через три дня вновь предстал перед ним на аудиенции и получил указ в желаемой формулировке прямо на месте. В тот же день Польхем получил дворянский титул.

Король часто приглашал к себе обоих ученых и имел с ними долгие беседы. Однажды они обсуждали преимущества десятичной системы, которая произошла от обычая считать на пальцах руки. Король полагал, что восьмеричная система счета (принятая тогда в Швеции) не менее удобна и даже вручил на следующий день Сведенборгу целое сочинение в защиту своей точки

зрения. Во время этих бесед затрагивались и более практические темы, например, о способах выпаривания соли из морской воды. Но главной темой разговоров было, конечно, строительство сухого дока в Карлскроне. Этот док, насчитывавший семьдесят футов в длину и двадцать два в высоту и притом построенный на совершенно необжитом месте, был тогда крупнейшим в Европе.

Интересовался Карл и планами строительства канала из центральной Швеции до Атлантического берега. Польшем и Сведенборг убеждали короля, что постройка такого канала вполне возможна и даже не потребует больших средств. Денег на канал в казне не было, но Карл так увлекся этой идеей, что пожертвовал часть своего личного состояния. Лето 1718 года Сведенборг провел на озере Веннер, определяя маршрут будущего канала. Вскоре там побывал сам Карл, чтобы лично ознакомиться с тем, как идут подготовительные работы. Известно, что Сведенборг сопровождал короля, когда он наблюдал лунное затмение 29 августа 1718 года. А вскоре Карл во главе шестидесятитысячного войска ушел в поход в норвежские земли.

Пока король Карл воевал на западе с норвежцами и датчанами — на сей раз успешно — в жизни Эмануэля произошла серьезная личная драма. Ее причиной была женщина.

По собственному признанию Сведенборга, он всегда чувствовал сильное влечение к противоположному полу. И, однако же, он никогда не был женат. Это обстоятельство послужило поводом для самых разнообразных толкований его биографов, тем более что сам Сведенборг весьма двусмысленно высказывался на сей счет. В нашем распоряжении имеется очень мало свидетельств, на основании которых мы могли бы делать заключения о неудачных попытках Сведенборга заключить брак. Одно из таких свидетельств — признание, которое Сведенборг уже в пожилом возрасте сделал одному из своих друзей в Дании. Отвечая на вопрос, почему он никогда не женился, он ответил, что “отднажды в молодости я был на пути к женитьбе, потому что король Карл XII посоветовал Польшему выдать за него замуж свою дочь”. Когда же его спросили, что помешало женитьбе, он сказал: “Она не хотела меня, поскольку дала обещание другому человеку, к которому была привязана”.

О какой дочери идет речь? У Польшема было две дочери: старшей, Марии, исполнилось в то время двадцать три года, младшей, Эмерентии, шел шестнадцатый. По обычаю того времени, полагалось сначала выдать замуж старшую дочь, и, по-видимому, именно ее имел в виду Карл XII, предлагая Польшему породниться с талантливым молодым ученым. Однако есть сведения о том, что сам Эмануэль отдавал предпочтение Эмерентии, находя ее более красивой и умной. Известно, что как раз в тот год состоялась помолвка Марии с придворным священником, и это событие как раз давало возможность Эмануэлю просить руки и сердца Эмерентии. Но, судя по всему, он был отвергнут своей избранницей. Много позже, в 1789 году, брат Эмерентии, Габриэль Польшем, утверждал, что во время строительства канала “ассессор страстно влюбился во вторую дочь Польшема, Эмерентию”. Но юная красавица упорно отказывалась стать невестой Эмануэля. Тогда отец, который очень любил Сведенборга, дал ему письменное поручительство в том, что брак непременно состоится по достижении его дочерью совершеннолетия. Однако Эмерентия была так опечалена этим решением отца, что Эмануэль, видя ее страдания, сам отказался от женитьбы.

Сразу после неудачной попытки устроить свой брак Сведенборг уехал к отцу в Брунсбо. Там его и настигла весть о гибели Карла XII при осаде крепости Фредерикшалл. Прах короля-героя, заслужившего то ли почетное, то ли унижительное прозвище “Безумца Севера”, торжественно захоронили в церкви Риддархолм в Стокгольме. А войско Карла бесслвно отступило в Швецию, оставив позади тысячи солдат, замерзших на дорогах Норвегии.

Среди тех, кто провожал короля к месту его последнего успокоения, был и Сведенборг. Смерть Карла расстроила его планы. Работы на канале были немедленно прекращены. Следующее поколение построило-таки водный путь в море, но на некотором расстоянии от прежнего маршрута. Впрочем, неудачи начального этапа работ во многом способствовали их успешному завершению позднее. Издание “Северного Дедала” тоже пришлось отложить, отчасти из-за нехватки средств, отчасти из-за равнодушия публики. Что еще хуже, в отношениях между Сведенборгом и Польхемом появилась холодность, грозившая перерасти в открытый разрыв. Неизвестно, что послужило тому поводом. Быть может, дело было в излишних притязаниях Польхема, известного своей скарденостью, на доходы от соляного дела, которым занимался и Сведенборг. Но нельзя не учитывать и явного различия характеров двух ученых, усугубленного значительной разницей в возрасте. Не только общение с Польхемом перестало доставлять Эмануэлю радость. В письме Эрику Бензелиусу, датированном октябрем 1718 года, он сетовал, что среди родственников шурина не было “никого, кто желал бы мне добра”.

Но самая большая неприятность подстерегала Эмануэля, когда он пришел в Горное Ведомство для представления себя в должности ассессора. Ведомство отказалось признать в нем своего штатного служащего, под тем предлогом, что он был специально назначен для проведения особых работ, а кроме того ничего не сделал для развития горнорудного дела в стране. К тому же он был приближенным короля, разорившим государство, а его отец был известен как убежденный сторонник прежнего режима.

Отказ Горного Ведомства в поступлении на службу был тем более обидным для Эмануэля, что он, желая показать себя полезным знатоком горнорудного дела, уже совершил поездку по главным рудникам Швеции и составил доклад о типах печей, которые применялись в то время для выплавки руды. Этот доклад, озаглавленный “О шведских плавильных печах”, был обнаружен лишь недавно и признан полезным даже для современной металлургии. В нем содержится уникальное в своем роде описание всех плавильных печей, использовавшихся в то время в Швеции, вплоть до обычных деревенских горнов. Доклад явно не произвел впечатления на членов коллегии ведомства, большинство из которых никогда и близко не подходили к “этим уродливым железным печам”, предпочитая решать в своих кабинетах судебные споры между кузнецом Йонсоном и рудокопом Эриксоном.

Сведенборг представил также небольшой трактат “О новых способах определения минеральных жил”, в котором высказал предположение о том, что, поскольку каждый минерал имеет свое земляное “дыхание”, пронизывающее в этом месте всю почву, то по особенностям растительности в той или иной местности можно определить и залежи руд, “как бы вынюхивая их, подобно охотничьим собакам”. В словах, напоминающих стиль его отца, Эмануэль затем сетует на nepозволительную расточительность его современников, отмечая, что “лучшие жилы металлов и богатейшие руды должны заставить нас отказаться от роскоши и быть экономными, чтобы доходы и расходы находились в

равновесии”. Ибо, продолжает он, “какой толк в открытии новых богатств, если мы расходует на украшение своих тел вдвое больше золота и серебра, чем доставляют нам все рудники Швеции?”

Но и этот доклад не вызвал сочувственного отклика среди начальников ведомства. После нескольких дней бесплодного хождения на службу, где Сведенборгу даже не разрешали подписывать официальные бумаги, он покинул Стокгольм.

Глава седьмая. Доказательства потопа

Пуля, убившая Карла XII под стенами крепости Фредрикшалл, убила в его лице целую эпоху шведской истории, так называемую “Эру величия”, которая началась с успешных войн короля Густава Адольфа во время Тридцатилетней войны. Но эта эпоха больших завоеваний и громкой славы шведского двора была также временем абсолютизма и тирании, и когда она кончилась, люди решили, что она не должна повториться. Идея самоуправления имела в Швеции древние корни, и теперь она расцвела вновь с невиданной силой. История предоставила возможность существенно изменить природу королевской власти, поскольку после внезапной гибели Карла XII в вопросе престолонаследия отнюдь не было ясности, и это давало возможность подданным шведской короны самим решить судьбу монархии. Шведский парламент, или Рикслаг, который собрался в Дворянском собрании решать вопрос о наследнике престола, согласился передать власть младшей сестре Карла Ульрике Элеаноре, но с условием, что она откажется от всех притязаний на единоличную власть. Ульрика согласилась, получив власть ценой отказа от многих королевских привилегий, и одним росчерком пера сделала Швецию ограниченной монархией.

Так в истории Швеции началась “Эра свободы” — время большого культурного развития. На целую сотню лет главной заботой правительства стало решение внутренних проблем страны и воспитания в людях чувства гражданской ответственности, во многом утраченного за годы ожесточенных войн. Потеря территорий в конце концов обернулась для Швецией приобретениями.

Королева Ульрика Элеанора обещала управлять королевством с помощью Государственного совета и Парламента, состоявшего из четырех палат по числу основных сословий в стране. Одной из насущнейших задач, стоявших перед новой властью, было восстановление государственных финансов, совершенно разрушенных при Карле XII. Страну наводнили медные деньги, приравненные к серебряным монетам, что в конце концов привело к параличу торговли; люди отказывались принять в качестве жалованья медяки, которые должны были считаться серебром. Сведенборг, в числе прочих, подал свой доклад о проведении денежной реформы. Он предложил, чтобы те, кто хотели получить полную стоимость своих медных денег, могли вернуть ее себе в течение 25 лет, а те, кто были готовы потерять от 25 до 75% номинальной стоимости, могли получить свои деньги в более короткие сроки, от двух до десяти лет.

Предложение Сведенборга было сочтено одним из лучших, хотя оно было представлено анонимно.

Молодой ученый был среди тех, кто в теплый мартовский день 1719 года пришел в кафедральный собор Упсалы, чтобы преклонить колени перед новой правительницей Швеции. Он принес с собой свое последнее сочинение, “Высота вод и сильные приливы в первобытные времена”, которое он посвятил королеве в день ее коронации:

“Я горячо молю Бога о том, чтобы королевская корона, которая сегодня, среди всеобщей радости и ликования, будет возложена на голову Вашего Величества, держалась бы долго и прочно и, подобно звездной короне небес, светила бы во славу Божью и непреходящую честь Вашего Величества, на радость Ваших подданных и для процветания изящных искусств”.

Спустя два месяца после коронации, 26 мая 1718 года, Сведбергам было пожаловано дворянство, и их фамильное имя изменено на Сведенборг. Причиной тому были не какие-то особые заслуги семейства. Просто по обычаю все епископы в Швеции получали дворянское звание. Теперь Эмануэль мог занять свое обитое бархатом, но далеко не роскошное место в Дворянском Собрании. Там же был вывешен фамильный герб Сведенборгов, выписанный маслом на меди.

Ульрика оставалась королевой немногим более года, после чего она с общего согласия передала власть своему мужу, взошедшему на престол под именем Фредерика I. Возвращение на трон мужчины объяснялось необходимостью дать отпор экспансии России на Балтике. Летом 1719 года русский флот напал на восточное побережье страны, захватив на время несколько прибрежных городов. Впрочем, спустя два года при посредничестве Англии, Швеция и Россия заключили мир. Полоса изнурительных войн окончательно ушла в прошлое.

Королевы редко читают книги, которые посвящены им, и Ульрика Элеанора вряд ли прочла преподнесенный ей Сведенборгом трактат “Высоты воды”. В любом случае она не могла знать, что держала в руках первый опыт геологического описания страны, которой правила. Это была земля очень необычной и интересной конфигурации, где в некоторых местах на поверхность выходил гладкий гранит, а в других чередовались до странности регулярным образом полосы песка и известняка. Это была земля озер и горных цепей. Королева не могла знать, что автор трактата впервые обратил внимание на то обстоятельство, что полосы песка и гравия в Швеции шли параллельно друг другу почти точно с севера на юг и что между этими полосами лежали широкие полосы песка, перемежавшиеся с разными породами глины. Автор трактата подметил также, что на этих полосах, вообще говоря широких и ровных, местами лежали массивы камней, иногда величиной с дом, словно их играючи разбросали какие-то неизвестные гиганты.

Для крестьян, которые из поколение в поколение вытаскивали эти камни из почвы и складывали из них ограды вокруг своих домов, они служили напоминанием о злейшем враге земледельцев в тех краях. Но для Сведенборга они были как знаки неведомого алфавита, который он только-только начал учиться понимать. Что было причиной всего этого? Как возник мир? Почему за много миль от моря люди находили окаменелые останки рыб? Что означали огромные круглые дыры, вырезанные в склонах гор с такой точностью, как если бы в самом деле чья-то могучая рука прочертила их гигантским циркулем?

Какая сила перенесла громадные валуны за сотни миль от гор, где они первоначально находились?

Сведенборг искал ответ в доводах разума и в Священном Писании. Разум подсказывал ему, что полосы песка и известняка когда-то находились в воде, а впоследствии окаменели; что меловые отложения с окаменевшими “насекомыми”, которые он находил на горе Кинекулле, когда-то были водами, в которых жили и умирали мириады моллюсков.

Его вывод о том, что это море когда-то было частью безбрежного океана, совпадавшего со всеобщим потопом во времена Ноя, был подсказан ему Священным Писанием, достоверность которого не подлежала сомнению. Для Сведенборга вообще было характерно стремление соединить то и другое. Мы читаем в предисловии к трактату:

“Из Слова Божьего мы знаем о всеобщем потопе, который покрыл все четыре стороны света подобно океану и уничтожил все предшествующее творение Божие вместе со всеми существами, обитавшими на суше. И если бы Ной не имел новой машины, которая могла передвигаться по поверхности вод, все живое на Земле неминуемо погибло бы... Никто не сомневается в том, что великий поток покрыл всю Землю, но мирская мудрость тоже желает добыть сведения об этом. Поэтому она собирает и рассматривает вещественные свидетельства, оставленные потопом. И поскольку я знаю, что это послужит утверждению Слова Божия и истины, я лелею надежду, что высказанное и подтвержденное здесь с наилучшими намерениями может быть с равным благорасположением подвергнуто толкованию другими...”

В письме, написанном два года спустя, Сведенборг существенно изменил свои выводы. По его словам, структура земли со всей ясностью свидетельствовала о том, что когда-то поверхность океана намного возвышалась над сушей. Полосы гравия, полагал он, образовались вследствие сильных приливов, оттого же эти полосы тянутся с севера на юг. Даже наличие твердой каменной породы на вершине горы Кинекалле, состоявшей в нижних своих слоях из известняка, Сведенборг объяснял тем, что вершина горы когда-то находилась под водой, а впоследствии отвердела до “гранита”.

Сведенборг был совершенно прав, когда утверждал, что низший горизонтальный слой горы Кинекулле находился в воде. Чего он *не* мог знать, так это то, что он наблюдал вулканический песчаник, самый древний, после базальта, камень на Земле. А поскольку изучение окаменелостей находилось еще в младенческой стадии, он не мог знать, что окаменелые морские раковины с той же горы восходят к палеозойской эре, за миллионы лет до появления на Земле человека.

Спустя полтора столетия после опубликования трактата Сведенборга ученые все еще считали, что параллельные гряды круглых камней и гравия когда-то были берегом моря. Так что мы имеем все основания восхищаться способностями Сведенборга к наблюдениям и умозаключениям и не упрекать его за то, что он еще не знал, что явление, приписанное им действию сильных приливов, было порождено сильнейшими течениями у основания ледника, покрывавшего всю страну наподобие огромной ледяной шапки и оставившего большую часть своего наследства в виде конечных морен. Он не мог знать, что этот ледник и был той могучей рукой, которая посредством быстрых и сильных течений проделала гигантские дыры в горах и разбросала валуны в полях. Возможно, если бы Сведенборг был знаком с пейзажем некоторых областей

Норвегии, он мог бы догадаться, что создателями их были в первую очередь лед и вода, и тем самым предвосхитить современную ледниковую теорию.

В те времена не было известно и то, что верхушка горы Кинекулле образовалась в результате вулканического извержения, которое сохранило низшие слои песчаника. Сведенборг, наблюдая необыкновенную правильность и четкость линий верхней части горы, решил, что эта вершина тоже находилась под водой. Не мог он предположить и то, что глина разных цветов, залегающая в разных областях Швеции, тоже была наследством ледника, который унес всю плодородную почву в Балтийское море и на континент.

Тем не менее позднейшие ученые признали Сведенборга одним из создателей современной геологии. По словам профессора А.Г. Натхорста, “вклад Сведенборга в геологию столь значителен и масштабен, что его одного было бы достаточно для того, чтобы обеспечить ему почетное имя в науке и подтвердить его способности интеллектуального гения высшего класса, который с его необыкновенной наблюдательностью не упускал из вида ни одной детали”.

* * * *

До сих пор вклад Сведенборга в науку ограничивался естественными науками, но ум ученого уже привлекали и загадки человеческого тела. Его особенно впечатляла идея о том, что законы физики и механики можно приложить к телу как машине. Эту идею он выразил в написанном в то время небольшом трактате, который вышел в Лондоне на английском языке под заголовком “О колебании, или анатомия нашей тончайшей природы”.

Переход Сведенборга от физики к анатомии не выглядит столь уж резким, если учесть, что в шестом номере “Северного Дедала” он опубликовал короткую статью о колебаниях в человеческом теле. В ней высказываются несколько важных положений, касающихся природы колебаний в мире. Первое положение гласит, что всякое твердое тело подвержено колебаниям, хотя бы и в самой малой степени. Согласно второму положению, лучшая Среда для передачи колебаний — это натянутая мембрана, вроде струны музыкального инструмента. Затем он прилагает эти правила физики к человеческой анатомии, чтобы показать, что жизненная сила тела есть не что иное как те же колебания. Речь — это колебания, слух — это собирание таких колебаний через ушные мембраны, и то же самое справедливо в отношении всех органов восприятия. Сухожилия и нервы в теле тоже суть сложные сплетения таких мембран, и само тело рассматривается здесь, в сущности, как инструмент. Источником же телесных колебаний, по Сведенборгу, являются внутренние потоки в теле.

Сведенборг сделал доклад по новым для него темам в Упсальском Литературном Обществе, и ученые профессора проявили большой интерес к его идеям, хотя далеко не во всем соглашались с ним. По словам Сведенборга, ему хотелось услышать отклики ученых людей Упсалы, чтобы определить для себя, правильной ли дорогой он идет в своих исследованиях. Его аргумент был предельно прост: нужно обратить внимание на геометрию вместо того, чтобы увязать в схоластических рассуждениях и толковать о каких-то “духах жизни”. В сущности, он добивался внимания к себе во имя великих принципов разума, которые он впоследствии детально разработает в своих работах по анатомии.

Одновременно Сведенборг занялся переводом своих работ на латынь с целью опубликования их в Голландии или Англии. Планы его теперь окончательно определились. “Если судьбе будет угодно предоставить мне необходимые

средства, моим намерением будет искать свое счастье в моем ремесле, которое заключается во всем, что имеет отношение к рудному делу...” Он сетует на свою бедность, мешающую ему уделять больше времени любимым изысканиям и сравнивает себя с бродячим музыкантом, который “спел уже достаточно, чтобы посмотреть, не положит ли кто-нибудь хлеб в его руку”. Он подумывает о новой поездке на материк и не исключает возможности, что ученый мир забудет его и он проведет остаток жизни в безвестности в сонном Брунсбо. Он жалуется, что правители Швеции неспособны понять истинную пользу наук и считают исследования, подобные тем, которыми занят он, напрасной тратой времени. И все же он не оставляет надежд на перемены к лучшему.

В марте 1719 года Сведенборг получил известие о смерти своей мачехи Сары Бергии и немедленно отправился в родительский дом в Брунсбо. Сара Бергия завещала свою значительную собственность в рудниках всем шести детям Йеспера Сведберга, но лучшую часть своего богатства, права владения рудником в Старбо, она передала своему любимому сыну Эмануэлю. Доля наследства Эмануэля составляла примерно четыре с половиной тысячи талеров — сумма весьма приличная по тем временам. Теперь Сведенборг стал состоятельным человеком и мог посвятить все свое время научным занятиям.

В Брунсбо Сведенборг находит в доме своего друга Йохана Гесселиуса хорошее собрание книг по химии и с головой погружается в изучение этой науки. “Я хочу досконально исследовать все, что относится к огню и металлам... Я провожу химические опыты по Бойлю и изучаю природу в ее мельчайших частях, сопоставляя их с геометрией и механикой”, — писал он в письме Эрику Бензелиусу в мае 1720 года. Разумеется, химия была тесно связано с избранной им профессией — рудным делом. Но Сведенборга в особенности увлекала идея применить законы известных ему наук — геометрии и механики — в других областях знания. Казалось, он открыл всеобщий принцип вселенной, ключ к пещере Аладдина, и теперь ему хотелось узнать, откроет ли этот ключ все двери, ведущие к истине. При помощи этого ключа можно было узнать структуру всей материи. *Химию можно объяснить с помощью математики!*

В сочинении “О причинах вещей”, написанном рукой Сведенборга, но созданном, вероятно, Польхемом в период совместной работы со Сведенборгом по строительству канала, мы впервые встречаем идею о том, что частицы, из которых состоит атмосфера, имеют круглую форму и три степени плотности, причем более инертные и пассивные частицы образуются путем сжатия более активных и легких частиц.

В своих философских воззрениях Сведенборг, как и Польхем, был картезианцем, то есть он верил вслед за Декартом, что природа подобна машине. Но хотя он принимал положение Декарта о том, что все различия в материи зависят от движения, представления Сведенборга о движении были во многом новы и даже революционны для своего времени. Они заключали в себе начала теории динамического происхождения вселенной. Сведенборг принимал мнение Декарта о том, что первоначально из Бесконечного произошли серии конечных субстанциональных форм. Но в определении форм и свойств этих частиц он расходился с Декартом. Он резко возражал uppsальским профессорам, которые безоговорочно принимали систему Декарта, хотя сам без колебаний принимал идеи других, если считал их правильными. Но он всегда включал их в собственную модель мышления.

“Я посылаю вам нечто новое в физике воздушных и водяных частиц, где я показываю, что эти частицы круглые, что идет наперекор взглядам многих. Но я основываю мою теорию на доказательствах и геометрии, я надуюсь, что никто, оставаясь на почве разума, не отвергнет их...”. Его цель заключалась в том, чтобы “досконально исследовать природу воздуха и воды во всех их частях; ибо если мы откроем истинную форму частиц, мы узнаем и все свойства, сопутствующие такой форме” (письмо из Старбо от 30 января 1718 года).

В декабре 1720 года епископ Сведенберг женился в третий раз. Его супругой стала Кристина Аррузия родом из Фалуна. Эмануэль, вероятно, присутствовал на свадебной церемонии в Брунсбо. В следующем месяце Сведенберг опять находился в Старбо, где стал крестным отцом новорожденной дочери его сестры Хедвиги.

Пришло время, когда Сведенбергу следовало осуществить свой план опубликования за границей своих важнейших научных работ. Теперь, как мы уже знаем, у него появились деньги для такого путешествия. В конце мая он отправился в Голландию через Копенгаген и Гамбург. С ним поехал его двоюродный брат Йохан Гесселиус, намеревавшийся получить диплом врача в университете Гардервика. Покидая Швецию, Сведенберг направил письмо в Горное Ведомство, показывающее, что он не расстался с мыслью сотрудничать с этим учреждением. В письме он заявлял, что намерен внимательно ознакомиться с заграничными рудниками и изучить зарубежный рынок металлов и просил инструкций на этот счет. Его письмо осталось без ответа. Новое правительство отреклось от всего, что могло связывать его с прежним режимом, а Польхем и Сведенберг числились в фаворитах Карла XII. Судьба толкала полного амбиций молодого ученого искать признания на другом поприще.

Глава восьмая. Ранняя философия

Летом 1721 года Сведенберг жил в Амстердаме, где он решил опубликовать три своих трактата, переведенных им на латынь. Все сочинения были изданы анонимно, что вызывает некоторое удивление, поскольку, получив из печатни готовые книги, Сведенберг тут же послал своим друзьям в Голландии два экземпляра с дарственной надписью от себя. Возможно, Сведенберг решил не открывать своего имени, желая услышать как можно более беспристрастную критику ученого сообщества. Если он действительно хотел этого, то своей цели не достиг, так как авторство вновь изданных трактатов стало немедленно известно во всей Европе. Сведенберг извлек урок из этого опыта: выпустив много лет спустя анонимные издания своих теологических работ, он смог успешно скрывать свое авторство в течение десятков лет.

* декабря того же года Сведенберг и его спутник Гесселиус оказались свидетелями грандиозного праздника, устроенного в Амстердаме Петром I по случаю окончания двадцатилетней войны между Швецией и Россией. Играл военный оркестр, палили ружья со специально построенной для празднеств деревянной башни, украшенной огромным двуглавым орлом. Помимо шумного официального банкета посланники русского царя бесплатно поили вином всех прохожих и повеселили амстердамских обывателей красочным фейерверком. Воодушевленный этими торжествами, Сведенберг написал стихи во славу мира,

восстановленного на Севере, где “реки крови сменились реками нектара” и где теперь “Марс закован в цепи, и царствует Бахус”.

В скором времени двое путешественников переехали из Амстердама в Экс-ля-Шапель, откуда Сведенборг в одиночку отправился в Кельн и Лейпциг. В апреле он опубликовал собрание своих научных статей под заголовком “Разные наблюдения”, посвятив его новому президенту Горного ведомства графу Гусафу Бонде. Путешествуя по Германии, Сведенборг посетил рудники в Саксонии, в горах Гарц и в Брунсвике, правитель которого, герцог Людвиг Рудольф, оказал шведскому ученому большие почести и наградил его золотой медалью. Не удивительно, что изданная вскоре четвертая часть “Разных наблюдений” была посвящена герцогу-меценату.

К этому времени мечты Сведенборга о его всеевропейском признании начали сбываться. Ведущий журнал научной критики в тогдашней Европе, “Acta Eruditorum”, издававшийся в Дейпциге, помещал на своих страницах одну за другой пространные и в высшей степени одобрительные отклики на появившиеся трактаты Сведенборга.

Сведенборг имел намерение посетить Италию, но письмо от отца заставило его изменить свои планы. Отец сообщал Эмануэлю, что некоторые наследники недавно умершего брата мачехи Альбрехта де Бема, одного из богатейших людей Швеции, сочли свои права ущемленными и подали иск против семьи Сведбергов. Эмануэль решил прервать свое путешествие и в июле 1722 года вернулся в Швецию.

*

*

*

Чтобы оценить положение Сведенборга в современном уме ученом мире, полезно вспомнить некоторые обстоятельства истории науки.

Вопрос о происхождении материи никогда не вызывал большого интереса широкой публики. Что делать с материалами, которыми мы обладаем и каким образом иметь их в большем количестве — это интересовало в первую очередь большинство людей. Вопрос же о том, откуда же все это взялось, занимал умы лишь немногих философов. Многие столетия ответ “Это создал Бог” удовлетворял почти всех.

Древние немало размышляли о происхождении вещей, и их размышления составили основу для современных взглядов на этот вопрос. Греки пришли к идее о том, что все сущее состоит из мельчайших непроницаемых частиц. Демокрит называл их “атомами”. Он мыслил вселенную как бесчисленное множество атомов, двигающихся в пустоте или вакууме.

Во времена Сведенборга идея атомов развивалась в двух разных направлениях, заданных Декартом и Ньютоном. Для Декарта любая теория происхождения вселенной должна была основываться на принципе движения. Первичное движение повлекло за собой формирование разнообразных вращающихся сфер, напоминающих водовороты. Так Декарт объяснял происхождение солнечной системы, где звезда является центром мелких частиц, двигающийся с большой скоростью. Материю, из которой состоит Земля, он трактовал как скопление более твердых частиц, каждая из которых имеет свою скорость. Для Декарта не существовало понятия вакуума, поскольку пространство между любыми двумя частицами немедленно заполнялось еще более мелкими частицами и так далее до бесконечности. Следовательно, по Декарту, существует только один вид материи тождественный пространству.

Картезианская теория получила признание по всей Европе за исключением Англии, где Исаак Ньютон разработал другую идею материальных частиц, из которых состоит весь мир. “Представляется вероятным, — говорил Ньютон, — что Бог в начале создал материю из твердых, непроницаемых, движущихся частиц .. настолько твердых, что они никогда не исчезают и не распадаются; никакая обыкновенная сила неспособно разделить то, что Бог создал при сотворении мира”. Ньютоновские твердые частицы предположительно двигались в вакууме. Этим объясняется долгое нежелание ученого мира признать его учение о силе тяготения, которое основывалось на идее взаимного притяжения материальных тел. Считалось невозможным, что планеты могут воздействовать друг на друга в вакууме, без соединяющей их атмосферы.

Оценивая отношение Сведенборга к Декарту и Ньютону, нельзя забывать о Кристофере Польхеме. У идей есть своя родословная, и если Декарт оказал сильное влияние на мышление Сведенборга, то механический гений Польхема во многом сформировал взгляды Сведенборга на физический мир. Польхем восхищался работами Ньютонами, хотя чтение их “доставляло ему головную боль”, ибо Ньютон писал чересчур усложненным языком.

Что касается взглядов самого Польхема, то он соглашался с Декартом в том, что материя возникла из движения. Польхем различал шесть видов частиц, которые все имели сферическую форму. Основа всех живых существ, писал он, — “это бесчисленного множества маленьких живых частиц, форма и величина которых не поддаются описанию, если не дать им общее наименование движения”. Польхем думал, что многое в теории Декарта придется, вероятно, изменить в результате экспериментов. Но более всего его поражало то, что у Декарта “все свойства природы основываются на принципах математики и механики”.

Сведенборг хорошо сознавал различие между идеями Декарта и Ньютона. Как мы видели, его взгляды поначалу были очень близки взглядам Польхема. Как и его учитель, он отвергал ньютоновские идеи вакуума и воздействия на расстоянии. Он принимал картезианский принцип воронки и идею движения как единой основы всех материальных частиц. Но, подобно Польхему, он не соглашался с Декартом с вопросе о природе материи. Он утверждал, что всякую вещь можно объяснить при помощи принципов геометрии и механики. Все разнообразные *свойства материи*, настаивал он, зависят от форм и размеров различных частиц, из которых состоит материя, от их форм и их движений, образуемых упорядоченными сериями изменений в последовательно отвердевающей субстанции. Сколь бы ограниченными ни выглядели представления Сведенборга в свете позднейшего развития науки, нужно ли говорить, что он был на правильном пути? В течение целого столетия после него научный прогресс основывался на тезисе о том, что внутренние связи между свойствами материи зависят от геометрических расположений. Но будем помнить — единство и простота теории Сведенборга основывалась на идее Бесконечного Творца!

Так была открыта дверь, которая выводила из лабиринта смутных мистических рассуждений алхимиков на ясный свет современной науки. Многие задавали вопрос: что такое химическое взаимодействие? “Таинственное влечение”, — говорили алхимики. “Жействие электричества”, — сказал Ньютон. “То же, что гравитация”, — утверждал позже Бюффон. Сведенборг объяснял его в категориях давления.

Обыкновенная соль, полагал он, возникла в результате давления в огромном первозданном океане, покрывавшим всю планету. Давление этой гигантской массы воды приводило к распаду некоторых частиц воды. Распавшиеся частицы были стиснуты в пространстве между частицы воды таким образом, что одна частица соли держала вместе шесть частиц воды. “Если древний океан находился намного выше нынешней суши, — писал Сведенборг, — и если суша обязана своей формой и в известном смысле своим происхождением этому родителю, то необходимо заключить, что соляные горы должны были возникнуть на дне океана”.

В своем химическом трактате он высказывает и сомнения в прежнем своем отождествлении океана с Великим Потопом. “Обстоятельства, описанные здесь, могли вызвать потоп, но можно усомниться в том, что они имели место именно во времена Ноева потопа, ибо последний продолжался только один год”.

Это была опасная почва. Подобные рассуждения могли привести к отрицанию библейской истории творения. Сведенборг очень быстро нашел способ избежать этой опасности, прибегая к символическому истолкованию библейских сюжетов. Так, в одном из писем Бензелиусу он утверждает, что огонь, который доставляет мучения душам грешников в аду, не может быть материальным, поскольку этот огонь не уничтожает их. Его следует понимать, скорее, как угрызения совести. “Я наде.сь, — прибавляет он, — что это суждение не воспримут как попытку умствовать о сем предмете. Слово Божие — это основа всему” (письмо от 26 ноября 1719 года).

Интерес Сведенборга к огню был тогда особенно велик, ибо он только что закончил свой доклад о плавильных печах в Швеции — плод его трехлетней работы. Загадка огня продолжала волновать его и позднее. В трактате “Химия” он признается, что “ни один предмет не вселяет столько недоумения, как внутренний механизм огня и природа его частиц”. Он утверждает в той же книге, что “частицы огня суть в точности пузырьки”, что они “малы и утонченны” и “на поверхности выглядят как математические точки”. Надо сказать, что в своих ранних работах Сведенборг высказывал более правильное мнение о природе огня, отождествляя пламя с “эфиром”, что ближе современным представлениям.

По возвращении на родину Сведенборг обнаружил, что его теории встретили сопротивление. Его трактат “Об определении долготы на суше и море посредством луны”, опубликованный на латыни, не вызвал никакого интереса. Но, по крайней мере, в иностранной печати он был отмечен без каких-либо отрицательных комментариев. Однако в университета Лунда Конрад Квенсель напечатал весьма критическую статью о нем в номере шведского журнала “Acta Literaria” за январь-март 1722 года. Вскоре в том же журнале появился и ответ на критику Квенселя, предположительно написанный “в отсутствие автора его другом”. Но письма Сведенборга того времени свидетельствуют о том, что он и был автором этого ответа.

“Разные наблюдения” тоже были отмечены лейпцигским журналом, оценившим эту книгу как “собрание наблюдений и опытов, в которых только и заключена надежда на рост знания..” Совсем иную оценку этот сборник получил в новом немецком журнале “История науки нашего времени”. Журнал издавался анонимно и претендовал на роль ведущего журнала научной критики в Европе. Неизвестные авторы рецензии отметил обилие типографских ошибок в книге, ее недостаточно изящный стиль и заключил, что ее автор явно не имел желания

приобрести репутацию знатока тайн высшей геометрии. Они критиковали физические теории Сведенборга, которые “основываются на воображении их открывателя”. Рецензенты решительно не соглашались со Сведенборгом в том, что движения воды на дне мирового океана могло создать гигантские гряды гравия — предположение, противоречащее всем законам гидростатики. Лни, разумеется, тоже не догадывались, что имеют дело с результатами движения ледников.

Наибольший интерес представляет критика авторов рецензии математической основы теорий Сведенборга. Например, относительно происхождения материи Сведенборг писал следующее:

“Если природа частиц происходит из того же начала, что и геометрия, то откуда же берется линия? Не из бесконечности ли точек, составляющих линию? И откуда берется плоскость, если не из бесконечности линий, образующей ширину? Откуда берется тело, если не из бесконечности плоскостей, образующих глубину? Так же обстоит дело, если мы предположим, что в начале вещей существовали только математические точки, лишенные формы, измерений или геометрических свойств; и затем допустим существование движения между этими точками”.

На это рецензенты отвечали, что между математическими точками не может быть пространства для движения.

“Это, по крайней мере, мы знаем... не существует линии, состоящей из точек, не существует плоскости, состоящей из линий, и не существует тела, состоящего из плоскостей... Математические точки — это не части, а только знаки начала или конца линии... неделимый знак, существующий только в воображении. Когда говорят, что движение точки описывает линию, эта линия существует только в воображении... Физик или математик, любящий точность, не скажет, что математические тела действительно состоят из точек, линий и плоскостей, как они описываются в математике”.

Но представлял ли когда-либо Сведенборг творение в понятиях чисто математических точек? Сразу после пассажа, процитированного выше, он пишет:

“Здесь, однако, читатель возразит, что не может быть движения до тех пор, пока из бесконечности не возникнет плоскость или тело. Я отвечаю, что я принимаю на веру принцип движения... Но если кто-нибудь спросит о причине этого движения, я скажу ему, что никакой конечный ум не может проникнуть в это. Ибо первичное движение, очевидно, должно происходить от Верховного ДвижителяЮ от Бога, Творца всех вещей...”

Выходит, критики Сведенборга не заметили, что он уже предвосхитил их возражения? Он пояснил, что его точки *не были лишены качества*, но были наделены Творцом определенными атрибутами. Позднее Сведенборг существенно уточнит свои аргументы, касающиеся природы “точек”. В одной из своих богословских работ он укажет на бесплодность рассуждений о первичной субстанции и форме без ясной идеи Бога. Такие рассуждения, скажет он, будут фантазией, которая побудит разум выводить творение мировой субстанции из “точек а затем геометрических линий, которые по существу своему являют собой ничто, ибо им нельзя приписать никаких свойств”.

Но вернемся к критической статье в “Истории науки”:

“Нам стоит только рассмотреть вкратце природу воздушных частиц у Сведенборга. Как уже говорилось, они представляют собой мельчайшие пузырьки; но их внешняя оболочка состоит из чистых частиц огня. В

соответствии с воображением автора, эти частицы огня круглы, твердые и пропорционально маленькие. Вот почему в нашем подлунном мире огонь не может существовать без воздуха... Но как, согласно этой теории, твердые, не похожие на пузырьки частицы огня возникают из математических точек? И каким образом воздушные пузырьки оказываются окруженными блестящими маленькими огненными шариками?..”

Ответом Сведенборга на эту критику стала статья, опубликованная им в журнале “Acta Literaria Suecia, озаглавленная “Закон гидростатики”. В этой статье он просто указал на отзыв, напечатанный в лейпцигском журнале, и заметил, что

“в своем предисловии авторы сообщают нам, что они пишут анонимно, не имеют ни главного, ни закона между собой; что один автор не знает другого и тем не менее благодаря вдохновению они каждый год публикуют том своего журнала под таким названием. Кто они — сие нас не касается, но поскольку они анонимы и не имеют ни закона, ни вождя, чтобы, не подвергая себя опасности, лежать в засаде и внезапно нападать на прохожих, мы хотим уведомить их, что мы не считаем благоразумным вступать с ними в какой бы то ни было спор”.

Критики Сведенборга не заметили, что вооружение, вообще говоря, есть способность более высокая, чем наблюдение и столь же необходимая философу, как и художнику, и деловому человеку. Если бы он не имел воображения, он едва ли был назван в наши дни предшественником Пристли в открытии кислорода или, как отозвался о нем известный французский химик Дюма, основателем кристаллографии, поскольку он применял геометрию для объяснения законов внутренней природы.

Глава десятая. Государственное хозяйство

В любой стране есть люди, которые готовы служить обществу и взять на себя ответственность за смелые действия, когда обстановка того требует, или же благодаря ясному мышлению достичь нужных целей. К такой категории людей принадлежал Сведенборг. Он очень серьезно отнесся к своему участию в органах государственного управления.

Вернувшись из поездки по Голландии и Германии, он услышал о принятом Риксдагом плане девальвировать шведские деньги. Поскольку одна из целей его путешествия состояла как раз в изучении европейского рынка для шведского железа, за рубежом он часто обсуждал вопросы денежного обращения с соотечественниками. Он считал, что дальнейшая девальвация шведской валюты представляет большую опасность, поскольку за годы войн она и так уже значительно обесценилась.

Если бы Сведенборг был хороший оратор, он вполне мог бы стать видным политическим деятелем. Но, как полагают, Сведенборг за все время своей политической деятельности не произнес ни одной речи. Его оружием было перо. Еще в 1719 году он подал правительству проект восстановления покупательной способности шведских денег. Летом 1722 года он написал памфлет о денежной реформе и хотел сделать свои взгляды по этому вопросу доступными широкой публике. Он назвал свой памфлет “Скромные мысли о падении и возрождении шведских денег”.

Памфлет был издан анонимно в ноябре, но в правительственных кругах отлично знали личность его автора. Его аргументы против девальвации денег были столь

убедительны, что они вызвали настоящий переполох в правительстве. Он утверждал:

“Если деньги государства суть основа его хозяйства, нет ничего важнее укрепления этой основы. И после того как они приобретут устойчивость, их надлежит оставить в этом состоянии, поскольку нарушать без нужды денежное обращение означает разрушать торговлю всего государства и вносить разлад в хозяйственные дела каждого его подданного...”

Возьмем, к примеру, железо и медь, которые дают государству основной доход. Железоделательное производство будет разрушено вследствие девальвации монеты, и соответственно понесет ущерб государственная казна. Договоры о поставке железа, заключенные на основе прежних цен, будут расторгнуты; заграничные цены на железо возрастут, и торговый баланс нарушится. Более того, для всех государственных служащих обесценение денег будет равнозначно уменьшению их жалованья, и это потрясет сами основы общественного благосостояния.

Доводы Сведенборга звучали столь убедительно, что спустя полвека знаток политической экономии Андерс Хидениус, известный финский либерал, дал памфлету исключительно высокую оценку. Этот памфлет, писал Хидениус, “осевщает предмет с такой ясностью и силой, что его едва ли возможно превзойти, и следует лишь приспособить его положения к обстоятельствам современного кризиса”. Остается добавить, что авторство памфлета было Хидениусу неизвестно.

Аргументы Сведенборга не могли не встретить возражений. Когда Сведенборг обратился в королевский секретариат за разрешением опубликовать свое сочинение, в котором было показано, что в результате девальвации государство потеряет несколько миллионов талеров, часть членов правительства были склонны ответить отказом, ссылаясь на неправильность расчетов Сведенборга.

Не удовлетворяясь распространением своего памфлета в правительстве, Сведенборг хотел напечатать уведомление о нем в правительственном бюллетене с тем, чтобы он мог, по его словам, “услышать мнение других и разъяснить предмет более полно”. В этой просьбе ему было отказано на том основании, что публикация памфлета в правительственном вестнике было бы знаком его официальной поддержки.

*

*

*

*

Памфлет о денежной реформе был далеко не единственным донесением Сведенборга в Риксдаг. Еще в феврале он представил доклад “Баланс в торговле”, который был прочитан на заседании Комитета по торговле.

В своем докладе Сведенборг высказывал сожаление о том, что Швеция ввозит больше товаров, чем способна оплатить, и это ведет к обнищанию страны и падению ее престижа в глазах других наций. Он напомнил о временах короля Карла XI, когда Швеция получала ежегодно четыре с половиной миллионов флоринов дохода от внешней торговли, тогда как в его времена эта торговля приносила казне убытки размером в два-три миллиона флоринов. Для оживления торговли Сведенборг предлагал увеличить производство товаров, вывозимых из страны, в первую очередь железа. Вторым по важности товаром в этом отношении была медь. Что же касается товаров, ввозимых из-за границы, то ввозить следовало только действительно нужные предметы.

В другом докладе Сведенборга, “О драгоценных и черных металлах”, который был послан в Комитет по рудникам 20 февраля, осуждалось повсеместное предпочтение драгоценных металлов, так что рудник, производящий много железа, мог пострадать от того, что рядом находили маленькую жилу серебра. Железодельное производство, хотя оно и не очень ценится в мире, способно приносить большие выгоды стране.

Еще одним источником беспокойства было то обстоятельство, что медные рудники не получали достаточно угля для плавильных печей, поскольку они не могли платить за уголь столько, сколько платили более богатые железные рудники. Правительство предписало оказывать предпочтение в снабжении углем рудникам, производящим медь, — “металл более благородный и более ценный”. Сведенборг решительно возражал против такой меры. Он написал пространный доклад, в котором пункт за пунктом доказал первостепенную важность железа для благосостояния страны и, следовательно, как важно защищать этот “черный металл” от металлов, “имеющих более приятные названия”. Доклад был прочитан в Дворянском Собрании и позже дошел до правительства.

В другом докладе Сведенборг предлагал программу строительства цехов для обогащения железа. Это предложение тоже обсуждалось в различных правительственных учреждениях, и Сведенборг был назначен членом Комитета по торговле, таможне и рудникам, где он выполнял обязанности секретаря.

Как ни был озабочен Сведенборг развитием отечественного производства, он всегда отстаивал принцип свободы хозяйственной деятельности. Когда в правительство поступило предложение запретить иностранным купеческим кораблям заходить в шведские порты, он решительно возражал против подобной изоляционистской политики. Полвека спустя Хидениус, касаясь доклада Сведенборга о внешней торговле, писал:

“Уважаемый член Парламента представил предмет с большой ясностью, силой и страстью... Он показывает, что допущение в страну иностранных купеческих судов означало бы серьезное нарушение гражданских прав, чего не было даже во времена самовластья и менее всего имеет право на существование в свободной стране; ибо промышленность, предпринимательство и самое государство были бы уничтожены такой политикой, и собственностью части подданных пришлось бы пожертвовать ради собственности других”.

Глава десятая. Горное ведомство

Неоднократные петиции Сведенборга в Горное ведомство о признании его назначения покойным королем в конце концов возымели действие: в марте 1723 года он получил приглашение участвовать в заседаниях коллегии ведомства. Парламент к тому времени уже работал в полную силу, и Сведенборг мог вынести на его обсуждение вопрос об отказе признать его служащим ведомства. Когда члены Горного ведомства поняли этого, они признали его экстраординарным ассессором. Сведенборг по-прежнему не получал жалованья, но ему было обещано, что он займет очередную вакансию штатного служащего. Сведенборг все еще ждал обещанной вакансии, когда через год он получил письмо от Эрика Бензелиуса, в котором его старый друг сообщал, что в университете Упсалы открылась вакансия на должность профессора математики. Нигде таланты Сведенборга не знали так хорошо, как в Упсале. В

известном смысле он был основателем местного Литературного Общества, поскольку его переписка с членами общества никогда не прерывалась еще со времен его поездки в Англию. Он преподнес обществу свои неизданные сочинения, а его опубликованные труды регулярно рецензировались в журнале общества. Как раз в то время он посылал им гранки свои трактата “О меди”. Кроме того, должность профессора давала солидное жалование, а Бензелиус и Анна были бы рады обществу Эмануэля. Тем не менее Сведенборг отклонил это предложение, сославшись на то, что “в Упсале много прекрасных людей, способных занять кафедру математики”, — пишет он в письме Бензелиусу и поясняет: “Отказаться от того, что позволит мнесослужить добрую службу, было бы непростительно”.

Наконец, в июле 1724 года он получил должность управляющего рудниками с жалованием в 800 талеров, которое позднее было повышено до 1200 талеров. Сбылась старая шведская поговорка: “Тот, кто ждет чего-то хорошего, никогда не ждет долго”.

Так в жизни Сведенборга закончилась полоса праздности, которую ученый использовал для занятий, путешествий и публикаций. Ему уже исполнилось тридцать пять лет. В течение последующих десяти лет с его пера не сошел ни один памфлет, хотя он продолжал углубленные исследования и писал научные труды, которые получают завершение позднее. Прекратились даже петиции в Риксдаг.

Началась его служебная карьера, которая займет следующие двадцать пять лет его жизни. Пока ему не исполнилось почти шестьдесят, хотя и со значительными периодами отсутствия на службе, Сведенборг тянул лямку как все люди, выполняя свои ежедневные обязанности, делая то, что приказывали его коллеги и там вырабатывая в себе суждения, которые происходят только от совместного труда с другими людьми и от рабочей дисциплины. Несомненно, он с большим удовольствием мог теперь применить одно из тех “Правил жизни”, которые он особенно ценил:

“Исполняя усердно обязанности службы и во всех делах будь полезен обществу”.

Здание, в котором размешалось Горное ведомство, все еще стоит на своем месте, и мы можем подняться по изъеденной временем лестнице между двумя классическими колоннами и даже, в воображении, придти вместе с ним на службу к девяти часам утра в своей рабочей одежде, каким он был известен своим коллегам. Эти дипломаты, агенты, рудокопы, владельцы рудников, дровосеки, плавильщики меди мало знали и еще меньше интересовались космологическими теориями или анатомическими рассуждениями, но внимательно следили за докладами о сохранении лесов, подъемных машинах, плавильных печах и ценами на купорос.

Тогда, как и сейчас, большая доля богатства Швеции заключалась в рудниках. С ранних времен последние находились под особым контролем двора, который всегда получал от них немалые доходы. По этой причине *Bergskollegium*, или Горная коллегия, подчинялась непосредственно Его Величеству.

Семь человек, составлявших Ведомство, собирались каждый день и начинали свои заседания с переклички. Если кто-нибудь отсутствовал, выяснялась причина его неявки. Длительный отпуск давался только с разрешения короля. Председательствующий служащий именовался президентом, два старших члена — советниками, а остальные — ассессорами. Каждый член ведомства имел свое

место и голос в коллегии по порядку старшинства, так что старший ассессор получал звание советника, когда освобождалась вакансия.

Во времена Сведенборга заседания коллегии начинались в сентябре и продолжались без перерыва до середины июля с перерывом в одну или две недели на Рождество и Пасху. В летний период ассессорам часто вменялось в обязанность совершать инспекционные поездки по рудникам. Пост в Горном ведомстве был отнюдь не синекурой.

Ведомство решало, какие металлы следовало добывать и в каком количестве. Оно улаживало споры между партнерами в горнорудном деле. Оно надзидало за качеством железа, посылая своих служащих для проверок. В обязанности ведомства входило и соблюдение закона о том, что десятая часть производимого в стране железа должна поступать в распоряжение правительства. Кроме того оно рассматривало назначения на низшие должности в ведомстве. Коллегии ведомства предписывалось также изыскивать способы совершенствования плавки металлов. Оно устанавливало цены и контролировало взимание налогов с металлов. Каждое новое здание на руднике, даже хижина, строилось с согласия ведомства; то же касалось и применения новых машин. Ведомство решало, откуда подвозить уголь в места выплавки металла, и кто должен иметь разрешение на поставки угля. Предприятия, освобожденные от налогов, часто вели тяжбы с правительством, и каждый такой спор требовал многотомного делопроизводства. Малейшее нарушение распорядка на рудниках рассматривалось на заседании коллегии ведомства. На тех же заседаниях, а не в обычных судах, рассматривались и все тяжбы между работниками рудников. Ассессорам обычно поручали самые хлопотные работы — например, определение качества произведенного железа, особенно предназначенного для вывоза за границу.

За время своей службы Сведенборг семь раз выезжал в летние инспекционные поездки по рудникам. Сохранились его отчеты об этих поездках, насчитывающие сотни страниц. К докладам прилагались подробные отчеты о расходах. Изучая эти доклады, можно проследить работу Сведенборгу день за днем — как он ехал верхом многие мили через бесконечные леса, останавливаясь в крестьянских домах или постоянных дворах для еды, посещая заготовителей угля в их уединенных домиках или встречаясь с местными представителями ведомства и владельцами рудников в деревенской школе, улаживая споры между рабочими, устраивая приюты для осиротевших детей рудокопов. Мы можем даже представить, как он рискует жизнью, спускаясь в подземные пещеры, где люди добывали сокровища земных недр. Шаткие мостки вели в гулкие пустоты, где приходилось ладить по грубым лестницам, наверх уходили корзины, наполненные рудой, а сверху по скользкому настилу спускались пустые корзины — опасное занятие для того, кто не работал на руднике каждый день.

В это время Сведенборг вновь заинтересовался моделями машин Польхема. Эти модели хранились в одной из комнат Горного ведомства, и здесь с помощью двух молодых соискателей должностей в ведомстве он осмотрел модели и сообщил, что их следует восстановить, для чего требуется 50 талеров серебром, включая починку окон в комнате. Эти модели польхемовских машин, сохраненные для потомства Сведенборгом, теперь составляют ядро ценной исторической коллекции, выставленной в стокгольмском Музее техники и в Горнорудном музее в Фалуне.

Участие Сведенборга в работе Горного ведомства засвидетельствовано в томах его ежедневных протоколов. Тема эта, конечно, слишком широка для того, чтобы рассматривать ее здесь, но несколько эпизодов следовало бы упомянуть, например, его доклад о случае сокрытия доходов казны и выдаче вознаграждения человеку, сообщившему об этом. В деле о краже медной руды неким рабочим Сведенборг показывает себя милосердным судьей, который хочет не только разобраться в составе преступления, но и понять намерения преступника. В другом случае вдова владельца рудника просит разрешения выплавить больше железа, чем позволялось ее лицензией, и тут Сведенборг вынужден ответить ей, что, поскольку она имеет достаточно железа и угля, только высшие правительственные органы могут удовлетворить ее просьбу. Был случай, когда кого-то обвинили в продаже некачественного железа. Сведенборг вместе с помощником проверил качество этого железа, после чего конфисковал его в пользу казны. Посещение Сведенборгом одного из рудников в Фалуне было сопряжено с риском для его жизни: он сообщает ведомству об опасности обвала в руднике. Был в его практике и один драматический случай, касавшийся писаря ведомства по имени Йохан Дусеен. Последний был обвинен в пьянстве на службе и грубом обращении с коллегами. Государственный адвокат делал все для того, чтобы молодой человек был наказан и потерял должность. Но Сведенборг, назначенный следователем по этому делу, установил, что пристрастие писаря к вину было вызвано отчасти наследственной душевной болезнью. Он постановил освободить писаря от должности, но, ввиду его болезни, сохранить за ним часть жалованья.

Служба в Горном ведомстве, несомненно, значительно расширяла жизненный кругозор ученого. Он встречался и работал с самыми разными людьми, учился собирать сведения и извлекать из них главное; государственная служба развивала в нем способность к наблюдениям и многие другие качества необходимые для поздней жизни.

Особенно интересно видеть деятельность Сведенборга на поприще юриспруденции, ведь именно способность приходить в объективным и взвешенным суждениям так способствовала развитию его главного орудия — разума. Его ум формировали не мечты и фантазии, не мистические созерцания, а занятие практическими вопросами человеческой жизни и отправление правосудия. Сведенборг был служащий, который в течение тридцати лет исправно выполнял свои обязанности в государственном учреждении. Когда факты его жизни рассматриваются в их действительном хронологическом порядке, мы открываем в его жизненном пути удивительную последовательность и развитие.

*

*

*

*

В мае 1724 года, возвращаясь из Аксмара в Стокгольм, Сведенборг остановился в Упсале у Бензелиусов. Здесь он впервые попал на заседание Литературного Общества, с которым давно поддерживал заочные связи. Вернувшись в Стокгольм, он застал там своего младшего брата Йеспера, который только что вернулся на родину, проведя двенадцать лет в качестве пастора в поселениях Делаваара. Последний раз братья жили вместе в Упсале, в студенческие годы Йеспера.

Йеспер был совсем не похож на своего старшего брата Эмануэля. Как и его отец, он был седьмым ребенком в семье и поэтому, подобно своему отцу,

получил имя Йеспер. В молодые годы Йеспера отец называл его “диковатым” и отмечал его страстное желание посмотреть мир. Склонности Йеспера к наукам были выбиты из него излишне суровым учителем (в действительности его кузеном Андреасом Гесселиусом) и превратились в отвращение к учености.

Одно время Йеспер служил в армии Карла XII, затем отец послал его в Англию учиться лоцманскому делу, а потом и в Америку — учиться дисциплине и порядку.

Теперь, после девяти лет жизни в Пенсильвании, Йеспер решил навестить родных. Впрочем, Америка пришлась ему по душе, и он собирался поселиться там навсегда. В этой далекой стране язычников и христиан разной веры Йеспер Сведенборг узнал Бога и самого себя. Кормился он преподаванием в школе для детей шведских переселенцев. Эти люди жили праведной, христианской жизнью, во многом благодаря хорошим священникам и книгам, которые посылал им епископ Сведберг. Индейцы любили шведов, и Йеспер утверждал, что, не будь в той местности шведского поселения, индейцы уже давно прогнали бы со своих земель всех христиан.

Как было бы интересно поприсутствовать на встрече двух братьев, проживших такие разные жизни, и послушать их разговор и “что-с-тобой-случалось” в неповторимом темпераментно-возвышенном стиле того времени. Эмануэль мог бы воспользоваться случаем расспросить брата о производстве железа в Новом Свете, ведь крупнейшие железоделательные заводы Америки находились тогда как раз вдоль реки Делавер. Йеспер мог бы рассказать Эмануэлю о многих неделях, проведенных в бурном море и о нарастающей с каждым днем тоске по суше и радости, охватывающей мореплавателей, когда они впервые видят в туманные дымке берег Англии.

Йеспера поджидал на родине сюрприз: Эмануэль вручил ему четыре с половиной тысячи талеров — его доля в наследстве мачехи. Спустя год Йеспер вновь отплыл в Америку, там женился, но вскоре опять возвратился в Швецию и купил маленькую ферму, где и прожил до конца своих дней. У него родились десять детей, один из которых положил начало сохранившейся до наших дней ветви семейства Сведенборгов.

Но почему сам Эмануэль не женился и не устроил свой быт на нормальный семейный лад? Этот вопрос, кажется, уже всерьез беспокоил его родственников. “Я прошу тебя обдумать, почему ты упустил все возможности устроить хороший брак? — писал Эмануэлю его отец в письме от марта 1729 года. — Во имя Бога собери свое мужество и доверься Его милосердному провидению. На долгие раздумья нет времени, промедление чревато опасностью”.

Мы не знаем, как отнесся Сведенборг к этому совету. Но мы знаем, что три года ранее он сделал предложение дочери епископа карлштадского Йонса Стейхюса Стине Майе, которой тогда исполнилось семнадцать лет. Но избранница Эмануэля предпочла другого. По-видимому, неудачное сватовство не смутило Эмануэля. Известно, что осенью 1726 он снял квартиру в Стокгольме и нанял слугу, явно давая понять, что хочет иметь собственный дом. Но хозяйки в нем так и не появилось.

В 1728 году, после смерти своей сестры Хедвиги, Сведенборг переехал в дом в западной части Стокгольма. Здесь он жил в течение пяти лет до завершения своего трехтомного труда “Opera Philosophica et Mineralia” (“Философские и минералогические сочинения”).

Всматриваясь в жизнь Сведенборга в эти годы, приходишь к пониманию того, что философский шедевр Сведенборга был результатом времени свободного от службы в Горном ведомстве. Работа над ним заняла десять его жизни, и это был плод рационалистического периода его научной карьеры, когда логика имела для него такое же большое значение, как научные изыскания в предшествующие годы. Подготовка к нему началась значительно раньше, так как уже до 1729 года Сведенборг написал сочинение в 560 страниц известное под названием “Малые Принципы” — его первый эскиз философской системы. В этой работе он дает тот же общий план строения материи, как и в позднейшем труде, но оперирует несколько иным рядом понятий.

С этого момента наш интерес смещается от внешних обстоятельств жизни Сведенборга к развитию его мысли. Сведенборг словно взбирается вверх по крутой горе знания к вершине, все еще скрытой в тумане. Дойдет ли он до этой вершины, где всегда светит солнце истины или же падет жертвой своих амбиций? Пока он занимался служебными делами, его ум был поглощен этим трудным восхождением. Он продолжал свои занятия, увеличивая свои знания, погружаясь все глубже в тайны философии.

Что руководило им? Мечты о славе и власти, эта мечта о познании всех вещей, чтобы подчинить их своей воле? Видел ли он себя в своих мечтах средоточием вселенной? Или им двигало желание открыть секреты природы и жизни ради блага человечества? Для такого человека благополучие людей важнее славы и удовольствий, и такой человек видит себя только маленькой частью творения, а не всем мирозданием. Для него знание — средство, а не цель. И если тщеславие приносит разочарование и печаль, то скромность дарит удовлетворение и радость.

Горизонты системы Сведенборга в его “Принципах”, — первого тома “Философских и Минералогических сочинений” — где объясняются начала конечного творения, что описать их здесь во всей полноте было бы невозможно. Но можно изложить ее основные идеи, его “принципы естественных вещей”, и это необходимо сделать, поскольку “Принципы” — крупный вклад в космологию.

Крайне важно, впрочем, рассматривать философскую систему Сведенборга в динамике. Перед нами не окончательное слово о происхождении природного мира, а честная попытка найти правильный подход к решению этой проблемы.

В первой главе книги, носящей название “О средствах, которые ведут к правильной философии”, Сведенборг определяет свои методы и цели:

“Если разум прочно соединен с органами чувств или, другими словами, способен быть действительно разумным, он вечно ищет мудрость... Тот, кто желает достичь некоей цели, должен равным образом знать свои цели. Средства же, которые наиболее надежно ведут к подлинно философскому знанию, суть *опыт, геометрия и способность размышления*.”

...Под философией подразумевается здесь знание механизма нашего мира или всего в мире, что подчиняется законам геометрии... В этом огромном океане я бы не рискнул расправлять свой парус, не обладая опытом и геометрией, которые каждый момент способны вести мою руку...”

Опыт, говорит Сведенборг, не является достоянием одного человека или одного века. Науки настолько продвинулись вперед, что проникновение в незримое действие природы больше не терпит отлагательства. Обилие фактов, однако, может сбить с толку, подобно тому, как человек, исследующий лабиринт, способен заблудиться среди множества доступных ему путей движения, если у него нет представления об устройстве лабиринта в целом. Чрезмерное количество фактов может затруднить продвижение к истине.

Сведенборг жил в конце эпохи, когда для одного человека все еще было возможно знать практически все, что было известно в его время о мире. Тогда знали все еще очень мало о химии, физике и анатомии. Наука еще не имела представления о природе кислорода, о составе крови и воды, о спектральном анализе или строении атома. Научные приборы — микроскопы, термометры, весы, насосы — были примитивны, и с их помощью нельзя было достичь точных результатов в исследованиях. И тем не менее законы природы, сформулированные великими химиками, астрономами и математиками того времени, сохраняют свое значение по сей день.

Человек отличается от дикарей только образованием, говорит Сведенборг, а образование дается из опытного восприятия объектов и связи опыта, разума и суждения. Образование управляет мембранами и органами тела для передачи тончайших колебаний и тем самым — открытия сокровенных путей души. Человек научается чему-то. “Но в конце концов, увы! Что есть наша мудрость?” — восклицает он. — “Воистину, то, что конечное является по отношению к бесконечному, и, следовательно, по отношению к бесконечной мудрости, она есть ничто!”

Наиболее образованные — отнюдь не обязательно самые мудрые. Мудрость рождается из *расположения* знания, *способности соединять его в цепи суждений*.

Настоящий философ должен знать, как переварить свои знания, рассуждать на их основе. Художник не является мастером своего дела просто потому, что обладает красками; создатель музыкальных инструментов не обязательно музыкант.

Конечное имеет свое основание в бесконечном, без которого оно не может ни начаться ни продолжать существовать. Но все управляется геометрическим законом. *Мельчайшая, а равно и величайшая из физических вещей действует механическим образом и управляется законами геометрии или меры*. Здесь мы подходим к главной теме книги, которая является развитием идей, выраженных в предшествующих работах. Живое тело управляется этими законами независимо от своих размеров. Ноги или легкие слонов или китов функционируют так же, как аналогичные органы существ столь маленьких, что их невозможно увидеть невооруженным глазом.

Есть, однако, вещи, которые не подчиняются законам механики. Так, например, “разумный принцип” в животных, а именно их души — как свидетельствуют житрые уловки лисы. Эти предметы тоже следуют законам, но законам, которые превосходят область механического. Но хотя разум сам по себе не механичен, его *манера действия механична*.

Настоящий философ — тот, кто способен постичь незримые причины действия вещей в мире механического. В своем первозданном неиспорченном состоянии человек был настоящим философом, так что он мог чтить Бога — Существо, которое все во всем. “Когда философ достигает предела своих познаний — даже если предположить, что он достиг полного и совершенного знания о всех вещах

в мире, — он должен остановиться; ибо он никогда не сможет познать природу Бесконечного Существа и Его Высший Разум...”

В наше время человек рождается извращенным и несовершенным. Его пороки разрушают его изначальное целомудрие, его тончайшие фибры расстроены. Безумства, управляющие теперь его волей, отнимают у него способность быть разумным, а его нечистые эмоции и желания разрывают связи между телом и сознанием. Гнев, например, уничтожает эту тонкую связь. Дурман и эмель отнимают у нас способность к анализу. Потакание низким наслаждениям и похотям словно пачкают грязью каждого человека с младенческого возраста, так что его умственный взор тускнеет, как если бы черная туча находилась между его глазами и солнцем.

Некоторые идеи, изложенные Сведенборгом в “Принципах”, являются основополагающими для его позднейших работ. Одну из них он заимствовал от древнегреческих философов, в частности, принцип, гласящий: *“Природа подобна как в своих величайших, так и в своих мельчайших частях”*. Это драгоценное семя мысли зрело в уме честного ученого, чтобы потом быть приложенным ко всему мирозданию, которое оказывается как бы сценой, на которой развертывается порядок и гармония. На основании этого принципа он смог высказать оригинальные предположения о сжимании материи и внутреннем строении мозга и нервной системы. Более того, эта идея позволила Сведенборгу разработать столь важный в его теологической системе понятие “степеней”.

Другое фундаментальное понятие в космологической системе Сведенборга — это закон активного и пассивного. *Всегда имеется нечто, что действует, и нечто, подвергающееся действию*. Позднее это стало основой учения о “наитии и восприятии”. И опять: “Каждый в свете разума может постичь, что природа, сообразуясь с законами геометрии, всегда следует по простейшему пути, наиболее естественному и истинно механическому”.

За исключением Бесконечного ничто не может существовать без причины. Сведенборг постулирует простое бытие, выходящее из Бесконечного, из которого происходит все сущее. Он называет это бытие “первичный природный пункт” и утверждает, что это средство, с помощью которого сотворено все прочее, и оно есть не что иное как чистое движение, ибо без движения ничего не может существовать. Этому простому бытию можно приписать лишь свойство единичного предела, а именно: границу, которое очерчивает творение вселенной. Другая сторона его обращена к Бесконечному и, следовательно, не имеет предела.

“Первичный пункт” возник не случайно, а благодаря разумному действию или воле. Поскольку он посредует между конечным и бесконечным, в него входит нечто от бесконечного. Он похож на двуликого Януса, мифического привратника богов, который смотрел сразу в две стороны. Все конечные вещи происходят от этой первой причины. Точку нельзя рассматривать геометрически, поскольку она есть чистое и всеобщее движение, предшествующее миру механических вещей. Но ее можно рассматривать рациональным путем, и она в самом деле рациональна по своей природе. По той же причине она ни в коем случае не есть ничто. В сущности, это не движение, а *побуждение к движению, к спиральному движению* — наиболее совершенному из всех форм движения. Благодаря этому побуждению к спиральному движению оно способно образовывать все новые плоскости. Сведенборг добавляет, что доказать это невозможно, но данный тезис согласуется с

движением самой природы. Сведенборг был первый, кто внес различие между актуальным и потенциальным движением, дав им разные имена.

Точки, или простейшие фигуры, изливаясь в сложное спиралевидное движение, создают “первую конечную вещь” — мельчайшую природную вещь, и из нее в свою очередь происходит все сущее. Эта реальность геометрическая и ограниченная. Ее части — немисливо мелкие — выстраиваются тем не менее в спиральную фигуру, благодаря чему “первая конечная вещь” имеет экватор, полюса, меридианы и т.д., что сообщает ей одновременно и возвратное, и поступательное движение. Когда “первая конечность” переходит в поступательное движение, она активна, а когда она не находится в этом состоянии, она пассивна.

Вторая конечная вещь происходит из первой посредством движения, сходного с предыдущим этапом творения. Из этих двух образуется первая из всех сложных вещей — элементарная частица, которая создает универсальный элемент, первую атмосферу вселенной. В маленьких спиралевидных сущностях, из которых состоит первый элемент, вторая конечность соответствует поверхности, тогда как первая конечность, воплощая активное начало, находится в центре.

Первый элемент — это исток всех последующих элементов мироздания, и потому он является наиболее универсальной средой, заполняя все пространство и соединяя звезды друг с другом. Когда сущности первичной атмосферы сжимаются, так что их центральная “активная” сфера исчезает, вторая конечная вещь занимает место центра. Из этого возникает новая сущность — третья конечная вещь, из которой путем последовательного усложнения происходит вторичная атмосфера, каковая есть магнетический элемент мира.

Частицы магнетического элемента, как и частицы первичной стихии, могут сжиматься или расширяться. Вокруг больших активных солнечных систем они превращаются посредством сжатия в новые сущности, которые Сведенборг называет четвертыми конечными вещами. Вторичная атмосфера создает спираль околосолнечного пространства и является главной причиной магнетических явлений. Теперь мы имеем солнце — мать всех планет в ее системе.

Прежде чем перейти к вопросам строения вселенной Сведенборг подробно обсуждает в начале второй части “Принципов” природу магнетизма и его сил. Согласно его взглядам, вторичный, или магнетический, элемент состоит из тончайшей дымки, вращающейся спиралевидным образом вокруг центральной оси, солнца. Эта дымка порождает линии силы, которые воздействуют на магнит, располагая его частицы в определенном порядке. Намагничивание железа есть такое устройство частиц железа, при котором магнетическая аура или атмосфера может свободно протекать сквозь них, как доказано множеством экспериментов.

Природа везде одинакова, как в своих величайших, так и в мельчайших частях, в макрокосме и микрокосме. Магнит — это картина вселенной! Каждая солнечная масса есть большой магнит и, более того, — звезды сами располагаются в таком же порядке, центральной осью которого является галактика или Млечный Путь! Но мы не должны делать из этого вывод, что, согласно Сведенборгу, не может быть разнообразия в порядке расположения миров. Законы геометрии действительно повсюду одинаковы, но законы механики могут действовать по-разному в разных солнечных системах. “В других мирах воздух или эфир, если там существует нечто подобное,

вибрируют иначе”. Как следствие, воздействие Среды на органы слуха и зрения тоже будет иным. Архимед, который гордо утверждал, что сможет перевернуть мир, если будет иметь точку опоры, едва ли может быть столь уверен в своих силах, находясь в других мирах, где законы механики действуют иначе. Сведенборг замечает:

“Из этих наблюдений мы можем заключить, сколь велико наше невежество. Каждый меряет свою мудрость своим пониманием вещей, с которыми он знаком. Предел своей осведомленности он считает пределом любого возможного знания... Но признак высшей мудрости — хвать, что наше знание распространяется на очень немногие предметы”.

Завершая рассмотрение “конечных вещей”, Сведенборг высказывает предположение о существовании “четвертой конечности”, которая происходит из частиц вторичной атмосферы таким же образом, как третий элемент происходит из первого, а именно: посредством сжатия. Весь солнечный и планетарный хаос первоначально состояли из этой четвертой конечности. Мы имеем теперь первовещество. Последнее обвалакивает солнце и препятствует его воздействию вовне, тем самым устанавливая предел солнечной системе, которая теперь может быть названа пространством. Но пока что здесь нет времени — ни часов, ни дней, ни лет; нет ни востока, ни запада, ни миров. Тем не менее в этом активном солнечном пространстве имелось все, что могло породить миры. Древние философы любили эту идею хаоса, из которого рождается космос. Мозаичная история сотворения мира тоже предполагает идею некоего первозданного хаоса:

“Земля была без формы и пуста, тьма простиралась над бездною... и Дух Божий носился над водами” (Быт. I).

Сведенборг описывает воздействие движения на плотную массу, окружающую Солнце, которая теперь имеет вид очень плотного облака пыли, вращающегося вокруг солнечной оси. Под действием центробежной силы материя в облаке все больше удалялась от активного центра, занимала все большее пространства и растягивалась до тех пор, пока она не окружила солнце наподобие пояса или широкого кольца. Этот пояс со временем распался на большие и малые сферические тела, соответствующие числу планет в гашей солнечной системе. Центральная часть каждой планеты состояла из конечных вещей четырех порядков — первозданной субстанции.

Постепенно расширяя свои орбиты, эти планетарные массы медленно отдалялись от солнца до тех пор, пока каждое из них не заняло такую орбиту, на которой их вес уравновешивался силой вращения. Некоторые планеты привели с собой маленькие спутники, а наша Земля получила Луну. Эти спутники находились в особой атмосфере, окружавшей каждую планету и соответствовавшей эфиру, иои третьему элементу. Пузыри эфира больше по размерам и относительно пассивны по сравнению с телами предшествовавших аур. Эфир — это атмосфера, которая отражает свет и порождает явления электричества. Теперь вокруг каждой планеты возникает еще одна атмосфера — воздух — Среда для звука, подобно тому как эфир есть Среда для света. Частицы воздуха подобны частицам эфира, но они грубее и плотнее по своей структуре. Их поверхности состоят из “пятой конечной вещи”, а их центры — из магнетической ауры. Огонь происходит из активности четвертой и пятой конечностей. Первая инертная частица — частица воды — являет чисто материальной, не атмосферной.

“Нить наших принципов простирается от простейшего до предельного без единого разорванного звена, и мы можем, следовательно, видеть, каким образом все вещи берут свое начало от одной и той же силы и причины”.

Приспосабливая системц “Принципов” к своему позднему учению, Сведенборг сократил число аур до трех.

“Конечные вещи”, о которых говорится в “Принципах”, различались друг от друга не строением, а размерами. Разнице в величине между первой² и второй конечной средой была предположительно определена Сведенборгом в пропорции 1:100, хотя, по признанию философа, могла составлять и 1:1000.

Не раз делались попытки сопоставить учение Сведенборга о “конечных вещах” с открытиями современной физики. Некоторые ученые отождествляют пятую конечность с кислородом, другие уподобляют четвертую конечность водороду. Пятую конечность сравнивали даже с электроном. В главном же пункте “Принципов”, а именно в том, что атомы суть не что иное как сгустки энергии или поля активности, учение Сведенборга и современная наука полностью сходятся. Современная картина строения атома, где ядро составляют протон и электрон, вокруг которых вращаются электроны, очень напоминает строение элементарной частицы у Сведенборга, в центре которой находятся активные элементы, окруженные слоями пассивных конечностей. Мы видим, что Сведенборг, подобно всем создателям ранних космологических теорий, — Кеплеру, Декарту, Лейбницу — объяснял происхождение и движение небесных тел посредством идеи гипотетических спиралей. Новейшие эксперименты показали, что эфирных колебаний не существует, и это обстоятельство заставляет подвергнуть сомнению существование статичного эфира, долгое время признававшегося наукой. Однако они не опровергают свиденборговскую теорию эфира, который, как воздух, движется *вместе* с землей.

Характерной чертой системы Сведенборга является то обстоятельство, что в ней активны все части вселенной, даже самые малые. Не только растительное царство, но и минералы, обладают как бы дыханием. Из опытов с магнитом и его силовыми линиями, а также из явления фосфорического свечения, Сведенборг заключил, что в частицах материи есть активность, которая способна воздействовать на третий слой “конечных вещей”, представляющей собою среду передачи света к глазу. Очевидно, что он не мог бы придти к своей замечательной теории механики материи, если бы он не изучал кристаллографию, магнетизм и фосфорическое свечение.

Уверенность Сведенборга, что будущее подтвердит истинность его представлений о материи, получила неоспоримое подтверждение в 1899 году с открытием радиоактивности, уничтожившим прежний постулат о неделимости атома. Оказалось, что основой материи являются именно “сгустки энергии”. Тогда-то некоторые ученые стали оглядываться назад и перелистывать отвергнутые когда-то страницы “Принципов” Сведенборга. Они с изумлением обнаружили, что результату новейших опытов полностью вписываются в его теорию!

Система “Принципов” не отвечала на все вопросы и не во всех пунктах была удачной. Сведенборг был не лучший математик, но он смог выработать динамическое понятие материи, показав, что энергия, из которой состоит материя, может придти изнутри. Суждение в одной из его богословских работ показывает, каким образом его ранняя философия подготовила его к постижению идей, объявленных им откровением. Он говорит в “Истинной христианской религии”:

Если бы в каждом металле или камне не было бы подобия свободной воли, не было бы ни металла, ни камня, ни даже песчинки... ибо все это свободно поглощает эфир, выдыхает свои эссенции, отбрасывает изжитое и объединяется заново со свежими субстанциями. Вот почему каждая вещь имеет собственную сферу вокруг себя.

Сванте Аррхениус указывает, что некоторые идеи Бюффона, Канта, Лапласа, Райта и Ламберта обнаруживают поразительное сходство с идеями, которые уже обнаружил Сведенборг, а именно: что планеты произошли из солнечной массы; что звезды располагаются вдоль оси Млечного Пути и что сами галактики складываются в еще большие звездные системы.

Тот факт, что многие ученые после Сведенборга сознательно или бессознательно восприняли его идеи, побудило современного автора утверждать: “Долг исторической справедливости, очевидно, состоит в том, чтобы в изложениях истории попыток человеческого духа получить картину мира, основанную на философских рассуждениях, не забывать о человеке, который до Канта и Лапласа, вывел их результаты, — об Эмануэле Сведенборге”.

Но сам автор “Принципов” относился к этим глубоким и таинственным предметам с большой скромностью:

“Немногочисленны объекты, доступные нашему физическому зрению; более многочисленны те, которые постигаются разумом. Звездное небо, как бы ни было величественно, является лишь одной сферой, малую часть которой составляет наше солнечная система. Существуют бесчисленные другие миры и бесчисленные лпугие небеса подобные тем, которые окружают нас. Они столь многочисленны и столь величественны, что по отношению к ним наш мир является не более чем точкой...”

Что же такое человек? Может ли он быть тем, кем воображает себя? Тщеславный смертный, почему так возносишь себя? Почему считаешь все остальное творение ниже себя? Ничтожный червь! Что наполняет тебя такой необузданной гордыней, когда вокруг тебя разворачивается столь разнообразный и столь величественный мир? Взгляни на себя, пойми, какой ничтожной пылинкой выглядишь тц перед Небом и Землей. И в своих размышлениях помни, что, если ты можешь быть велик, то величие твое должно состоять в этом — в почитании Того, кто Сам есть Величайший и Бесконечный”.

Глава двенадцатая. Отец и отечество

Когда его большой труд по философии был закончен, Сведенборг попросил отпуск для поездки за границу и напечатания “Принципов”. Получив разрешение, он выехал из Стокгольма 13 мая 1733 года в компании графа Гилленберга и некоторых других. Его путь лежал в город Линкепинг, где Эрик Бензелиус был епископом. Пребывание у Бензелиусов было заполнено притными прогулками в окрестностях замка Стурефорс, в шести верстах от города. Посетил Сведенборг и местечко Стонгебро, где в 1598 году произошла решающая битва между претендовавшим на шведский престол польским королем Сигизмундом и принцем Карлом, будущим королем Карлом IX, спасителем шведского протестантства. “Если бы партия Сигизмунда одержала победу, — записывает по этому случаю Сведенборг в своем путевом дневнике,

— то жители этой северной страны вероятнее всего жили бы сейчас в рабстве у римской католической религии. Но Бог распорядился иначе”.

Распроцавшись с родственниками, Сведенборг отправился на крайний юг Швеции и переправился на корабле в Стральзунд, где был в последний раз тридцать лет тому назад. Далее в его дневнике следует длинное описание солдат Бранденбурга — рослых и могучих парней, маршировавших с точностью машины с лицами, повернутыми в одну сторону. “Немного театрально, может быть,” — отмечает Сведенборг и добавляет: “Если бы они демонстрировали такую слаженность в настоящем сражении, они могли бы подчинить пол-Европы Пруссии”.

Из записей Сведенборга о его поездке в Лейпциг немного можно узнать о его восприятии природы. Он подробно описывает производство оконного стекла, а шествие горных пейзажей перед его каретой осталось им незамеченным. Такие вещи еще не привлекали внимания ученых людей, которые оставили восторгу по поводу пляшущих волн и шепчущих деревьев на долю романтических поэтов следующего столетия. Но если Сведенборг аккуратно записывал устройство заборов, должны ли мы думать, что он никогда не видел цветов в полях, которые окружали эти заборы? Нельзя сказать, что он не любил искусство, ибо страницы его дневника полны похвал шедеврам живописи и скульптуры. Но ученые мужи привлекали его особенное внимание. Он замечает в своем дневнике:

“Было бы утомительно перечислять всех ученых людей, которых я посетил и с которыми познакомился во время путешествия, поскольку я никогда не упустил случая сделать это, а равно образом осмотреть библиотеки, собрания и другие интересные вещи”.

В Берлине он видел великолепный королевский дворец и бронзовую статую Фридриха Вильгельма, но его интересовало больше всего экономическое положение страны. Процветающие фабрики тех областей предоставляли хорошие жилища для рабочих и мастеровых людей. В других городах такие рабочие обычно жили в хижинах или бревенчатых домиках, и из этого он заключает, что не только торговля, но и мануфактуры могут сделать города богатыми.

В Берлинской библиотеке он видел Библию Карла Великого, удивительные китайские книги и Коран необычайно тонкой работы, а также предметы из янтаря, кораллов, прекрасного фарфора.

Из Берлина Сведенборг переехал в Дрезден, где в королевском саду, среди кипарисов и мандаринных деревьев, стояли в грациозных позах знаменитые мраморные статуи. Вдоль реки тянулись пышные виноградники; виднелись там и сям роскошные виллы. В этих местах можно было сполна насладиться сельскими пейзажами.

В июне Сведенборг прочитал и исправил рукопись его “Принципов”, а также прочел много ученых авторов по космологии, анатомии и другим предметам.

В доме знакомого он нашел экземпляр “Космологии” Кристиана Вольфа и был поражен метафизическими аргументами философа, которые “покоились на весьма прочном основании”. Редактируя свою работу, он сделал особую пометку на этот счет, добавив изящную похвалу в адрес Вольфа, “который много сделал для развития истинной философии”.

Посещение службы в католических церквах, отмечает он, наполняет восхищением все органы чувств: слух наслаждается могучими звуками барабанов, флейт и труб, а пуще того пением кастратов, чьи голоса напоминают

голоса невинных девушек. Обоняние услаждает аромат ладана, зрение — прекрасные картины и пышные одеяния священников. Для осязания имелась вода, разбрызгиваемая священником при входе в церковь. Лишь вкус оставался невознагражденным, если не считать ощущений священника, который один причащался вином. Более возвышенные чувства черпали вдохновение в атмосфере возвышенности и святости и преданности коленапреклоненных верующих. Таковы святыи силы моления, совершаемого для удовольствия внешних чувств, — каналы, через которые в людей входит память о Высшем Существо. Римская Католическая церковь, кажется, особенно преуспела в изобретении средств, способных доставить наслаждение органам чувств.

В дрезденских галереях Сведенборг изучал живопись. Он упоминает Джотто, одно из первых, кто внес жизнь в картины и за кем последовали Рафаэль, Корреджио, Тициан и многие другие. В области скульптуры он отметил Андреа Пизани, Ломбардо и Бернини, в архитектуре — Браманте и других, но особенно Микельанджело, который “овладел искусством чудесным образом”.

В Практике он осмотрел реликвии в Церкви Сан Лоретто, где францисканцы владеют огромными сокровищами. Он посетил могилу Святого Венцеслауса, стены которой украшены драгоценными камнями. Он нашел, что Карлсбад — очень интересный город, расположенный в глубокой долине, которая окружена со всех сторон высокими горами. В центре же города на несколько метров в высоту бьет горячий ключ.

Из Богемии он направился в Саксонию, где было много рудников. Теперь он был в своей стихии. Он описывает в деталях различные виды руды и способы получения купороса, олова, железа и серебра.

4 сентября 1733 года Сведенборг прибыл в Лейпциг, где и приступил к печатанию “Принципов”. “За эту неделю отпечатано шесть листов. Да будет Небо благосклонно!” — восклицает он. Печатание продолжалось почти год, и Сведенборг за это время написал новый трактат. Ибо помимо трех томов “Принципов” он напечатал также сочинение, озаглавленное “Очерк философского доказательства, касающегося бесконечного”. Его дневник сообщает:

“Из Лейпцига я поехал в Кассель и посетил все рудники между этим городом и Шмалкальденом. Затем я проехал через Готу в Бруншви́г, оттуда в Гамбург и наконец вернулся в Стокгольм. Я приехал домой в июле 1734 года, накануне открытия Парламента”.

*

*

*

*

Первый из трех красивых больших томов, которые составляют его “Философские и минералогические сочинения”, а именно “Принципы”, Сведенборг посвятил герцогу Людвигу Рудольфу Брауншвейгскому. Второй том, “О железе и стали”, был посвящен ландграфу Гессе-Касселя, а третий, “О меди и бронзе” — шведскому королю Фредерику I.

Это дорогостоящее издание, увенчавшее многолетние кропотливые труды, заслужили высокую оценку в научной печати. “По всей работе разлит свет неустанного искания истины и редкостного прозрения в философию природы”, — писал журнал “Acta Eruditorum”. Наибольших похвал удостоились два последних тома, где с небывалой подробностью и точностью описывался процесс плавки:

“Он раскрывает с полной искренностью секреты, которые мастера плавки металлов ревностно скрывают во многих случаях даже от любимых детей, — писал обозреватель. — Причем скромность г-на Сведенборга столь велика, что в своей работе о минералах он не считает своим творчеством более двух третей сочинения, но, напротив, честно утверждает, что составил третью часть книги из трудов других”.

Тут будет уместно привести отрывок из письма Сведенборга Бензелиусу, где он говорит, что посылает “сведения о плавке, которые держатся в секрете. Но по моему бесхитроственному разумению в металлургии вовсе не должно быть секретов, тбо в противном случае невозможен будет прогресс в изучении природы...”

Книга “О железе” не так давно была переведена на шведский язык и признана “фундаментальным трудом в истории минералогии”. Впрочем, уже вскоре после его выхода в свет это сочинение было сначала частично, а потом целиком опубликовано во Франции.

Публикация “Философских и минералогических сочинений” поставила Сведенборга в один ряд с самыми видными учеными того времени. Но чего на самом деле добивался он? Ответ можно найти в его приложении к третьей части “Принципов”:

“Мне не важно, будет ли мнение других благосклонно ко мне... У меня нет желания убеждать других оставить принципы разных просвещенных и талантливых авторов и принять вместо них мои убеждения. Если принципы, выдвинутые мною, содержат в себе больше истины, нежели принципы других, общество рано или поздно неминуемо последует им, если не сейчас, то в будущем”.

*

*

*

Сведенборг вернулся на службу в Горном ведомстве 3 июля 1734 года. В тот год ведомство работало без перерыва все лето, возможно, потому, что парламент не прервал на лето своих заседаний.

В стране усиливались антирусские настроения, ведь Россия нанесла Швеции первое в ее истории крупное поражение, отняв у нее часть территорий вокруг Балтийского моря. Глава правительства барон Горн, однако, действовал осмотрительности и предпочитал воздерживаться от открытых военных действий. Его политика подвергалась резким нападкам со стороны молодых людей, призывавших взяться за оружие ради освобождения утраченных земель. Народ, забывший поражения и разруху в годы царствования Карла XII, теперь предпочитал вспоминать о его блестящих победах. Партия войны в Швеции поддерживала претендента на польский престол Станислава Лезинского, которому противостоял ставленник России и Пруссии. Вопрос был в том, могла ли Швеция позволить себе вступить в войну.

Сведенборг, по-видимому, входил в состав тайного парламентского комитета, решавшего вопрос о войне. Сохранилась его записка под названием “Против войны с Россией”, где он убедительно доказывал бесперспективность военного противостояния с гигантской империей на Востоке: Швеция не располагала большим войском и ресурсами для ведения длительной войны, надежда на помощь Франции была слишком призрачна, Россия же в военном отношении сильна как никогда. Поэтому, даже если Швеция вернет себе часть своих

бывших земель, война отнимет у нее больше средств, чем смогут дать эти земли. Но если Швеция останется нейтральной и будут беречь свои ресурсы, она получит выгоду от военных действий на территории других государств. И если уж начинать войну, то лучше подождать момента, когда Швеция подвергнется нападению, и тогда ее война будет выглядеть не завоевательной, а оборонительной. Что же касается чести, то высшей честью для страны будет уважение, оказываемое ей другими государствами благодаря ее богатству. На аргументы партии войны, заявлявшими, что объявление войны принесет Швеции славу, Сведенборг отвечал, что “нападать на другого просто для того, чтобы показать свою силу и храбрость, есть ложная слава, тогда как истинная слава состоит в отважной защите себя в случае нападения”.

Что касается поддержки Станислава, то, несмотря на его всенародную поддержку в Швеции и законное право наследовать престол, было бы неразумно оказывать ему помощь ценой ослабления собственного государства: нельзя рисковать благосостоянием страны в лотерее.

В тот год Парламент высказался против объявления войны. Но пять лет спустя к власти пришли сторонники войны с Россией, каковая и состоялась с печальными для Швеции последствиями: в 1743 году Швеция была вынуждена уступить России значительную часть Финляндии и признать в качестве наследника престола Фдольфа Фредерика Гольштейнского, близкого родственника русской императрицы. Эти события доказали, хотя и слишком поздно, политическую мудрость Сведенборга, предвидевшего действительные последствия войны с Россией.

Надо сказать, что Сведенборг сделал дружеский жест в отношении России, представив его “Философские и минералогические сочинения” на рассмотрение Российской Академии наук. Академия назначила комитет для рассмотрения этого труда и представления доклада о его пользе для российского государства. Уже спустя месяц из Российской Академии в Стокгольм ушло письмо с благодарностью автору за его ценный дар и уведомлением о присвоении ему звания члена-корреспондента Академии.

В июле 1735 года умер епископ Сведберг. Похоны, как было принято тогда, состоялись намного позже — в январе следующего года.

Еакануне похорон Сведенборг приехал в родительский дом в Брунсбо, где так много вещей напоминали ему об отце. Вот два серебряных подсвечника, которые возвращали его в годы учения в Упсале, когда студенты подарили их на прощание своему декану и его отец дал им совет “превыше всего бояться Бога, ибо без этого всякое учение будет напрасным и даже, поистине, вредным”. Благочестие было необходимым компонентом в блюде счастья, верил Сведберг. Столь же необходимым было бесстрашие, ведомое совестью. Обе эти черты он передал Эмануэлю.

На стене висела искусно сделанная гравюра по меди, на которой был изображен епископ, сидящий перед Библией и указывающий пальцем в Писание. Гравюра каким-то чудом не пострадала при пожаре в 1712 году — событие, отмеченное Эмануэлем сочинением латинских стихов.

Доброго епископа как-будто всю жизнь преследовал огонь. Его дом дважды сгорал в Упсале и столько же раз в Брунсбо. Сохранились несколько писем епископа королю с просьбой оказать помощь “в покупке книг тому, кто теперь не имеет ни одной и во всем — в книгах, одежде, утвари — зависит от других”. Но

прежде всего книги! Потому что отец Сведенборга был страстный любитель книг, равно как и плодовитый писатель.

Несмотря на все невзгоды епископ Сведберг никогда не падал духом. “Бог с тех пор воздал мне вдвое, как Иову многострадальному”. Он был убежден, что Провидение заботится о нем. С благодарностью отмечает он, что все его письма в Америку, ни один листок не пропали в пути. Однажды, когда корабль, перевозивший его письма, затонул в бурю, пакет с письмами выловил какой-то фламандский рыбак и отправил их адресату с кораблем, уходившем в Америку. “Так Господь держит руку на моих письмах”, — заключал Сведберг, описывая этот случай в письме к другу.

В кабинете отца Эмануэль мог найти сочинение, обосновывавшее необходимость повсеместного использования в Швеции родного языка и реформу последнего. По вопросу о реформе шведской орфографии Сведберг вступил в горячий спор со своим старым другом, известным филологом Урбаном Хьерне. Спор этот закончился ссорой друзей, а попытки Эмануэля примирить их окончились ничем.

Строгий нрав Сведберга был не по вкусу и многим при королевском дворе. “У меня больше врагов, чем волос на голове”, — писал епископ незадолго до смерти.

Теперь битвы почтенного епископа были окончены. Его останки были захоронены в ближайшей церкви рядом с могилой его второй жены.

Несмотря на его догматизм, раздравший многих, его бесспорный эгоизм и самоуверенность, Йеспер Сведберг был настоящий христианин и преданный последователь Господа в своем стремлении создать на земле церковь, которая была бы отражением царства небесного. Он всегда нападал на догмат о спасении “только верой”, или верой без дел. Он считал вопиющей ошибкой полагать, что, как бы глубоко ни погряз в грехах человек, вера обеспечит ему спасение, если только он ходит в церковь. Многие сочли бы такого человека хорошим лютеранином и хорошим христианином. Если вы спросите одного из таких людей: “Вы чувствуете, что будете спасены?”, он ответит: “Конечно, ведь у меня есть *вера!*”.

Эмануэль любил отца и многому научился от него. Его латинские стихи, написанные к шестьдесят третьей годовщине епископа Сведберга, несмотря на некоторую громоздкость, исполнены искреннего обожания. Ими и можно закончить эту главу:

Хоть далеки твои молодые годы,
Пусть возраст не страшит тебя,
Покуда твои потомки не сравнятся
Числом с твоими годами.

Часть ВТОРАЯ

Глава 14. В поисках души

В своих “Принципах” Сведенборг пишет только о бесконечном и конечном. Бесконечное отождествляется с Богом, а конечное — с вещами, пребывающими в пространстве и времени. Он не обсуждает существование *духа* или чего-либо промежуточного между бесконечным и конечным. Его

философию, таким образом, нельзя определить ни как материалистическую, – поскольку материалисты отрицают бесконечное – ни как идеалистическую, ибо идеалисты не делают различия между духом и Богом.

После того, как “Принципы” были закончены и Сведенборг, находясь в 1734 году в Лейпциге, просматривал их свежий печатный экземпляр, его увлекла проблема соотношения бесконечного и конечного, и он написал небольшой трактат, освещающий этот вопрос смело и убедительно. Для него очевидно, что все творение – это средство для достижения цели и что конечная цель творения есть человек – духовное существо, обладающее бессмертной душой. Трактат “О бесконечном” имеет целью доказать бессмертие человеческой души. Он обращен, по-видимому, к неверующему философу, и в работе звучит несколько печальная нота, в особенности когда автор рассматривает преобладающую в ученом сообществе тенденцию к атеизму. Сведенборг, возможно, написал его за один месяц, ибо он сказал: “Если бы мне пришлось разъяснять все подробности этого предмета, то мне потребовались бы для написания этой работы годы, а не месяц...”

Эта весьма скромная работа тоже не осталась незамеченной в научной печати. В декабрьском номере журнала “Acta Eruditorum” за 1735 год появилась рецензия на него, автор которой называет “О бесконечном” “плодом очень эрудированного ума Сведенборга, который столь преуспел в рассуждениях о возвышенных предметах...”

В предисловии к трактату Сведенборг поясняет, почему он написал его простым языком. Он хочет, говорит он, отмежеваться от метафизической терминологии, чтобы она не затрудняла понимание и не вынуждала обращать внимание больше на слова, нежели на суть дела.

Его первый тезис состоит в том, что философия, если она хочет быть воистину разумной, не может противоречить религии, так что у философа не могут быть связаны руки, и ему нельзя отказать в праве рассматривать божественные предметы только на том основании, что они были даны в откровении. Ошибкой является не рассуждение о бесконечном, а сам способ рассуждения – сопоставление его с вещами, принадлежащими сфере конечного. У бесконечного и конечного нет единой меры для сравнения. Сколько ни делить конечное, невозможно даже приблизиться к бесконечному – последнее неизмеримо. Некоторые филозофы пришли к заключению, что Бог и природа – одно и то же. Рассуждая таким образом, можно придти к почитанию природы как Бога. Однако же должно существовать бесконечное, ибо ничего из конечного не может существовать без причины.

Что же касается первичной сущности, – первой сотворенной формы – то здесь Сведенборг отсылает читателя к “Принципам”. В первичной сущности заложена способность порождать следствия. Когда мы видим следствия, мы должны восхищаться их причиной, подобно тому, как в изысканных механических часах мы восхищаемся не шестеренками, но “причиной механизма, воплощенной в личности изобретателя”. Поэтому чем больше мы почитаем природу, тем большими почитателя Бога мы можем стать. К познанию Бога мы идем двумя путями: созерцанием природы и созерцанием строения человеческого тела. Столь восхитительные следствия не могут возникнуть случайно, ибо это потребовало признать существование причины вне разумности. Следовательно, мы должны признать силу, благодаря которой все простейшие вещи происходят из упорядоченного начала и приходят к упорядоченному концу. Бесконечный Бог есть

Помимо разциональных аргументов в душе человека существует *безмолвная наклонность* к признанию Бога. Многое здесь самоочевидно – например, гармония, “чувствование нашей души, которое говорит о существовании и бесконечности Бога”, кажется врожденным душе, когда душа не слишком смущена собственными идеями. Философ, который верит только в силу своего разума и приписывает божественность природе, немногим отличается от грубого идолопоклонника – в последнем разум недоразвит, а в первом переразвит.

Конечному уму бесконечное может казаться тождественным ничто, но это неверно. Ничто не может быть причиной чего бы то ни было: из ничего ничего не происходит.

Мы знаем, что между бесконечным и конечным имеется определенное отношение, но это отношение не является ни механическим, ни геометрическим, ни физическим. О нем вообще ничего не известно. Связь между бесконечным и конечным осуществлена Единственным Сыном Божиим. Связь эта, таким

образом, сама бесконечна. Но мы можем видеть, что человек есть предельное следствие, божественный венец творения. Все вещи сходятся в нем, чтобы сделать его венцом..

Для того, чтобы божественная цель была достигнута, человеку дан разум. В человеке должно быть что-то божественное, что-то восприимчивое к бытию Божьему, в противном случае цель творения оказалась бы недостижимой. Человек может и признает Бога, он верит в то, что Бог бесконечен. Хотя он неспособен познать природу Бога, он верит в его существование; и он знает, что такое любовь или наслаждение, исходящие из чувствования\ своей связи с Бесконечным.

Высшее Существо предвидело, что душа, которую оно дало человеку, окажется подчиненным плотским желаниям, так что человек может забыть о своем высшем предназначении. Поэтому Бог дал человеку разум как средство преодоления господства тела над душой. И все-таки божественная цель была недостижима, если бы его Единственный Сын не взял бы на Себя исполнения божественного промысла. Он – посредник между конечным и Бесконечным, ибо через Него нас может осенять нечто божественное, а именно способность знать, что Бог есть и что Он бесконечен. Но –

Является ли душа конечной или бесконечной?

Подчиняется ли душа каким-либо законам и существуют ли в конечных вещах какие-либо законы помимо механических?

Можно ли представить конечное вне протяженности?

Есть ли в душе пассивность, а равно и активность?

Уместно ли уподобление души машине?

Бессмертна ли душа?

Если душа сотворена, конечна и природна, следует заключить, что она подчиняется механическим и геометрическим законам. Это не означает, что она не духовна и умрет вместе с телом. Все, что конечно, пребывает в более чистом мире и, по благодати Бога, избавлено от уничтожения. Активный принцип всегда духовен, а не материален. Ибо всякий, кито несет в себе первую причину, не умрет, но будет вечно причастен бесконечному. Бессмертие души удостоверяется нашим собственным телом. Любовь с ее сладостными наслаждениями тем чище, чем чище природа. Она проникает грубые части тела и обеспечивает себе вечное существование через рождение потомства.

Человеческое тело состоит из мембран, которые воспринимают все движения элементов. Мембраны уха воспринимают колебания воздуха, мембраны глаза собирают лучи света и т.д. Почему же не могут существовать мембраны, которые оспринимают более тонкие колебания?

Мембраны должны быть упругими, ибо без упругости нельзя воспринять ни одно движение. Каждое прикосновение к мембране вызывает некое ощущение, ибо мембраны являются ни чем иным, как органов, посредующим между душой и телом. Душа – это центр всех вибраций. Она рассеяна по всему телу и состоит из высших конечных частиц, описанных в “Принципах”. Нет оснований считать душу непознаваемой, если мы допустим, что она состоит из движения и силы по природе своей механическими или она имеет форму, которая может быть выражена геометрическим способом:

“Если Богу будет угодно предоставить мне жизнь и досуг, я намереваюсь показать в подробностях, какой стадии исследования я достиг сейчас... Чем больше наше знание, тем больше у нас причин быть счастливыми и несчастными. Поэтому христианский философ может быть самым счастливым, или несчастным, из смертных”.

Течение всегда порождает противотечение, и это так же справедливо для умственной жизни, как и для физического мира. Популярность мистицизма в те дни могла подтолкнуть Сведенборга к механистическому объяснению физических явлений. Аналогичным образом, тенденция к отрицанию бытия Бога подвела его к поискам путей рационализации религии. К своему трактату Сведенборг приложил маленькое эссе “Вера в Христа”, из которого мы приводим следующие строки:

“Очевидно, что никто не может быть спасен иначе как верой в Бога. Что никто не может быть спасен иначе как Христом... Ему было угодно явить Себя, чтобы Он мог сказать, что Он пришел ради душ, а не ради земной империи. И чтобы мы могли видеть в Нем образ поклонения и жизни, мы должны наблюдать за тем, способны ли мы воспринимать веру и быть вознаграждены за это”.

В другом сочинении, оставшемся неопубликованным, Сведенборг делает набросок программы изысканий, которую намерен осуществить:

“Все предметы, относящиеся к одушевленному телу и душе, следует обосновывать посредством первой, или метафизической, философии, анализом природных вещей, геометрией и механикой, схемами и расчетами, экспериментами, анатомией человеческого тела, эффектами, страстями тела и ума, Священным Писанием... Мы погружены в неведение и сомнение относительно Бога потому, что создали себе так много секретов и так много облаков, отрезав себя от солнца...”

Путешествие в Голландию, Францию и Италию

Два часа пополудни в летний день 1736 года застали Сведенборга едущим на юг от Стокгольма в обществе одного англичанина и двух шведских купцов. Это было 10-е июля, и Сведенборг вновь направлялся за границу – уже в четвертый раз.

Теперь Сведенборг покидал родину надолго – года на три или четыре. Чтобы получить столь длительный отпуск, Сведенборг передал половину своего жалованья, вместе со своими обязанностями, трем коллегам по Горному ведомству.

Для чего Сведенборгу понадобилось опять ехать на континент спустя всего лишь год после того, как он опубликовал свои *opus magnum* – свои “Принципы”? По его собственным словам – для того, чтобы издать обещанное продолжение этого труда, над которым он работал с момента своего возвращения. Работа была уже почти закончена, осталось лишь собрать некоторую необходимую информацию в заграничных библиотеках и проконсультироваться у некоторых светил европейской науки.

К этому времени Сведенборг стал одним из самых знаменитых людей Швеции. Перед отъездом он посетил замок Карлсберг, чтобы официально проститься с королевской четой, которая оказала ему очень теплый прием.

17 июля Сведенборг прибыл в Данию и несколько дней провел в Копенгагене, посещая известных ученых, и работая в библиотеках, где он делал выписки из трудов Кристиана Вольфа. Оттуда он переехал в Амстердам, где “целый город дышал одной лишь выгодой”. Он, однако, весьма одобрительно отозвался о республиканской форме правления в Голландии.

“Я стал размышлять здесь над тем, почему Богу было угодно наградить этих грубых и жадных людей такой прекрасной страной; почему он в течение столь долгого времени оберегал их от невзгод и позволил им превзойти все прочие нации в торговле и предпринимательстве и страну местом, где живут богатейшие люди не только Европы, но и других областей Земли.

Главной причиной этого мне представляется существование республики, которая угодна Богу больше, чем монархические государства. Здесь никто не чужд обязанностям отдавать особые почести кому бы то ни было, но считает и низких, и высокопоставленных людей равными достоинством с королем или императором.

Единственное существо, которому они поклоняются, -- это Господь, а к смертным доверия они не питают. Когда же почитается только Высочайший, и ни один человек вместо него, то сие более всего угодно Господу. Кроме того, каждый обладает свободной волей, и из этого проистекает почитание Бога. Из этого же следует, что они не теряют – из страха, робости или излишней осторожности – своего мужества и своего самостоятельного разумного мышления...”

В Амстердаме Сведенборг начал свой труд “Экономия животного царства”. Начало же работы было отмечено его первым сверхъестественным опытом, о котором мы имеем письменное свидетельство. В гостинице “Золотой Лев”, где проживал Сведенборг, он однажды вошел в состояние глубокой созерцательности и вдруг увидел сияние, которое продолжалось некоторое время. Размышляя позднее над этим опытом, Сведенборг пришел к выводу, что это сияние во многом прояснило его мысли и придало его размышлениям большую пронизательность. И надо сказать, что в необыкновенной книге, которую он начал писать, есть очевидные признаки этого внутреннего проникновения в предмет. Ее

выводы основываются на углубленном исследовании и рациональных выводах, но также и на внутреннем убеждении в их истинности. “Все это истинно, ибо я имею к тому указание”, -- написал он в конце рукописи, в которой излагалась его общая теория упорядоченного творения. Что это было за “указание”, можно догадаться из его слов в первом томе “Экономии”, где Сведенборг утверждает, что при работе над книгой он был поощряем в поиске истины “неким вдохновляющим светом и веселым сиянием”, которые погружали его ум “как бы в мистическое излучение – я не знаю, откуда оно происходит, -- которые пронизывает некоторые сокровеннейшие пространства мозга”.

Позже он вновь скажет об этом опыте: “Когда я работал над одной маленькой книгой, не проходило дня в течение нескольких месяцев, чтобы я не видел в себе пламени столь же яркого, как огонь домашнего очага”. Это был, по его словам, знак божественного одобрения.

В тот же год Сведенборг начал записывать свои сны.

В августе он покинул Амстердам и по каналу отправился в Париж – приятное путешествие в страну, жители которой не в пример голландцам отличались хорошим воспитанием и вежливостью.

Два францисканских монаха часами молились на корме – возможно, за пассажиров, плывших с ними в одной лодке.

“Такие молитвы, несомненно, угодны Богу, -- записывает Сведенборг в своем дневнике, -- поскольку они исходят из честного и чистого сердца и возносятся с преданностью, а не в духе Фарисеев...”

Но Сведенборг переменил свое мнение о монахах, когда приехал во Францию, где народ жил в нищете:

“Повсюду монастыри, церкви и монахи очень богаты и владеют большими угодьями. Большинство монахов ведут праздную жизнь. Они не дают бедным ничего кроме благословений, а сами получают от бедных все. Какой прок от этих Францисканских монахов?..”

Задолго до революции он замечал признаки надвигающейся катастрофы: “Церковь владеет пятой частью всего богатства государства, и если так будет продолжаться долго, страна будет разорена”.

3 сентября 1736 года Сведенборг прибыл в Париж и остановился в Hotel d' Hamburg . Первые несколько недель он провел в прогулках по Париже, встречах с известными учеными и посещениях оперных театров.

Но все это были развлечения. Ум его был целиком занят задуманной работой. На прогулках он , по собственному признанию, “размышлял о формах частиц в атмосфере”. В те дни он написал черновик предисловия к своему новому труду, где доказывал, что душа мудрости – это признание Высшего Существа.

В начале октября он переехал на новую квартиру, расположенную совсем рядом со Школой Хирургии, основанную недавно под покровительством Людовика Четырнадцатого. Сведенборг ничего не сообщает в своих дневниках о занятиях анатомией, но есть много указаний к тому, что он в это время тщательно изучал строение человеческого тела. На протяжении примерно полутора лет его дневниковые записи становятся очень краткими. В этот период он, по всей видимости, напряженно работал над своим большим трудом по анатомии “Экономия животного царства”. Он несколько раз переписывал рукопись и менял план работы.

В марте 1738 года Сведенборг ранним утром выехал из Парижа, направляясь в Италию, где ему предстояло провести еще полтора года. Он миновал Бургундию с ее красивыми замками и виноградниками и углубился в Альпы, где всюду еще лежал снег. Часть пути Сведенборгу и его спутникам пришлось идти пешком, так как мулы с их поклажем буквально утопали в снежных заносах.

В Италии он сразу же попал на пасхальные торжества в Турине: шестеро монахов “секли себя бичами так, что кровь ручьем струилась по их телам; другие несли на себе огромные кресты; третьи шли с вытянутыми вперед руками; были и такие, которые имели на руках стигматы, а по улицам голода ехала повозка с множеством горящих свечей, на которой стояли изготовленные в полный рост фигуры Христа и Девы Марии”.

Из Турина Сведенборг отправился в Милан. Прежний слуга покинул его, и ему пришлось нанять нового проводника, который не внушал ему доверия. “Часто, поправляя свою одежду, он вынитмал стилет”, – говорит Сведенборг. – Я был начеку и дал ему понять, что не имею с собой ни гроша”.

Два дня спустя, в Милане, он осмотрел великолепный собор. Он упоминает статую Святого Варфоломея, который несет свою голову под мышкой, но, как знаток анатомии, отмечает неточности в изображении мышц тела.

Из Милана он переехал в Верону, где посетил оперу. Пение и танцы там настолько превосходили французскую оперу, что последняя казалась в сравнении с итальянской какой-то детской забавой. Прекрасные церкви. Древние амфитеатры. Продолжая свое путешествие, он прибыл 19 апреля в Венецию, где побывал в церкви Сан Марко и Санта Мария дель Салюте, присутствовал на празднике Вознесения и посмотрел на символическое обручение Венеции с морем и маскарад, продолжавшийся две недели.

9 августа Сведенборг отмечает в своем дневнике, что он окончил книгу и направляется в Падую. Какую работу имел он в виду? Судя по косвенным свидетельствам – свое первое сочинение по физиологии, посвященное мозгу.

После этого он провел некоторое время во Флоренции, наслаждаясь видом ее изящных дворцов, картин и скульптур. 25 сентября он выехал из Флоренции в Рим, не пропуская по дороге ни одного места, представлявшего интерес для любознательного путешественника. Вот и Рим: Ватикан, Пантеон, Церковь Святого Петра, Колизей, Виа Аппиа, Капитолийский музей...

В Ватикане он восхищался картинами Рафаэля в вилле Людовичи, ее превосходным садом и бесчисленными статуями. “Я был в библиотеке Ватикана и видел там великолепные картины, прекрасные вазы, большие залы... Я видел рукописи Вергилия и Теренция и некоторые древние маски; а равным образом и великолепный Новый Завет” (речь идет о Ватиканском Кодексе, датированном V в.).

В феврале 1739 года Сведенборг покинул Рим, чтобы вернуться в Париж через Геную. По всей вероятности, его путь лежал через Марсель, но на этом месте его дневник внезапно обрывается. Наследники Сведенборга изъяли страницы, посвященные последней части путешествия, и они так и не были найдены. Возможно, в них имелись описания некоторых снов интимного характера, который видел тогдашний усердный исследователь анатомии.

Сведенборг вернулся в Париж в начале мая, а оттуда проследовал в Амстердам, где и закончил первый том “Экономии животного царства”. В углу рукописи он делает пометку:

“Я закончил написание своей работы в Амстердаме, 27 декабря 1739 года, когда часы били двенадцать”.

Еще девять месяцев длилось печатание нового труда. Наконец, 10 сентября 1740 года Сведенборг послал своему другу, шведскому послу в Гааге Прейсу, свежотпечатанный экземпляр книги.

В начале ноября он был вновь в Стокгольме готовый исполнять свои служебные обязанности.

Глава.

Поиск души

Первый том “Экономии животного царства” посвящен главным образом кровообращению и сердцу, во второй томе рассматриваются мозг и душа. С самого начала Сведенборг заявляет, что его исследования вдохновляются поиском души, которую он понимал как “внутреннюю жизнь крови”, пребывающую в мозге.

Конечно, невозможно описать этот поразительный труд в нескольких словах. Сведенборг ушел далеко от привычных областей науки, далеко от уютных путей эксперимента и наблюдения в просторы интуитивной мысли. Он опередил свое время и создал книгу, обращенную больше к сегодняшним временам. Возможно, этим объясняется тот факт, что он не оказал значительного влияния на развитие биологических наук. Но теперь, когда мы берем с библиотечной полки его увесистые тома и сдуваем с них пыль, становится ясно, что теоретик иногда способен проникнуть в точные науки так же глубоко, как любой самый точный экспериментатор.

Известный шведский специалист по физиологии мозга, профессор Густаф Рециус, считает Сведенборга не только знающим анатомом, но и оригинальным, острым и глубоким анатомическим мыслителем. Профессор Макс Нейбургер из Вены выражает свое изумление блестящими предвидениями современных научных открытий, которые этот Аристотель Нового времени рассыпал по страницам своего труда. А профессор Мартин Рамстрем из Упсалы попытался объяснить, каким образом Сведенборг пришел к своим беспрецедентным выводам, которые были подтверждены в наши дни с помощью сложных технических методов.

Сведенборг знал, как рассортировать имеющийся у него материал и как соединить патологические факты с анатомическими наблюдениями. Но только его доскональное знание неодушевленной природы и его глубокие размышления об устройстве мироздания позволили ему сформулировать свои теории. Примером может служить следующий пассаж о природе крови:

“Кровь есть как бы комплекс всех вещей, которые существуют в мире и вместилище всего, что наличествует в теле. Она содержит всевозможные соли и масла, и спирты, и водные элементы – одним словом, все, что имеется в трех царствах мира: животном, растительном и минеральном. Более того, оно хранит в себе сокровища, имеющиеся в атмосфере и сообщается с воздухом посредством легких”.

Он заключал, что, поскольку кровь содержит в себе вещества всего мира, все вещи были сотворены для того, чтобы служить элементом крови и делать возможным ее обновление. Если ткани любого мускула или любой железы тела рассечь до их мельчайших частей, то обнаружится, что они состоят целиком из сосудов, содержащих кровь, или фибров, содержащих спирты, или более чистую кровь.

Изучение крови, таким образом, требует исчерпывающих познаний в анатомии, медицине, химии и физике. Поэтому в первой части своей работы Сведенборг вынужден ограничиться общими принципами и выводами, которые, говорит он, могут показаться гаданием. Однако “легко можно установить, истинно ли данное суждение или нет. Если оно истинно, весь опыт спонтанно свидетельствует о его истинности, что относится и ко всем правилам истинной философии”.

Сведенборг говорит о тех, кто наделены особой силой интуиции, благодаря которой они способны отделить темное от ясного и классифицировать вещи по родам. “И те, кто рождаются с таким талантом, тем менее полагаются на свое воображение, чем глубже они проникают в глубины науки”. Они избегают всяких поспешных и преждевременных суждений. “Когда, путем долгого рассуждения они открывают истину, в их уме загорается некий радостный свет, какое-то таинственное излучение... Ум, познавший сие наслаждение, презирает все единственно плотские удовольствия”.

Напротив, те, кто перегружены книжным зданием, изобретают бессмысленные гипотезы, а потом приглашают публику посетить их воздушные замки. Они считают, что мудрость – атрибут памяти и не желают вникать в причины вещей. И Сведенборг дает практический совет тому, кто хочет осуществить исследование, имеющую действительную ценность:

“Пусть он, занеся на бумагу то, что он считает наиболее заслуживающим внимания, отложит свои записи в сторону, а по прошествии месяцев вернется к ним как к чему-то забытому и написанному кем-то другим. Если написанное заставить его немного покраснеть, то пусть он будет уверен в том, что за это время стал немного мудрее...”

Но все это в порядке введения. В каждом предмете, который привлекает его внимание в работе, он следует строго определенному методу. Сначала он приводит данные, полученные лучшими анатомами. Затем на основании этих данных он делает собственные суждения и, наконец, подтверждает свои выводы опытами, что “факты говорили сами за себя”.

Не вдаваясь в подробности его теории крови, мы можем отметить учение Сведенборга о том, что сама жизнь и сущность тяжелой, красной крови пребывает в так называемом “одухотворенном флюиде”. Этот тончайший флюид – вместилище человеческой души – рождается из первичного вещества, всеобщей ауры, в сокровеннейших глубинах мозга. и оттуда животворным потоком разносится по телу через “простейшие фибры”, из которых состоят все внутренние органы.

Кроме этого существует “более чистая кровь”, которая образуется в мозге из спиртового флюида с добавлением элементов, полученных из эфира. Эта кровь разносится к конечностям нервов. Часть ее

попадает в спинной канал и течет внутри нервных волокон. Эта кровь поглощается слюнными железами, которые посылают ее в венозную кровь и далее к сердцу.

Наконец, существует красная кровь, в которой содержатся и частицы “более чистой крови”. Последняя получает из красной крови все химические вещества необходимые для жизни одушевленного тела.

Красная кровь получает питание из воздуха через легкие, снабжающие ее тем, что Сведенборг называет “атмосферными солями”, а также другими веществами (и это за пятьдесят лет до открытия кислорода!). Она также получает более грубые питательные вещества из потребляемой нами пищи. В левой части сердца она соединяется с более тонкими флюидами, поступающими туда из мозга.

Каждый из трех видов крови, говорит Сведенборг, имеет свои каналы циркуляции в теле, причем эти сосуды тоже являются соответственно более тонкими или грубыми. Красная кровь течет по артериям и венам; более чистая кровь – по модулярным (мозговым) фибрам и мембранам; одухотворенный флюид – по “простейшим фибрам” или тончайшим мембранам. В системе кровообращения, таким образом, имеется свой строгий порядок соподчинения.

В учении Сведенборга ничего нельзя понять, не уяснив его доктрину “серий и степеней”. *Степени* -- это видимые прогрессии от “концов”, через причины, к следствиям. Есть несколько степеней флюидов тела.

Тончайшая кровь содержит в себе все концы, или замыслы, тела. Средняя кровь принадлежит уровню причин, а красная кровь составляет уровень следствий или окончаний. Что касается “серии”, то последняя включает в себя подчиненные вещи и объединяет их в одно целое. Существуют серии атмосфер – воздух, эфир и ауры; серии жизненных флюидов – три вида крови; серии фибров и т.д.

Сведенборг изучает человеческое тело не как мертвую вещь, а как “обитель души”. Он изображает мозг пульсирующим органом, который перекачивает жизненные потоки фибров во все нервные волокна и пространства черепной коробки.

Он утверждал, что после рождения мозг приходит движение не от сердечного пульса, а от дыхательного движения легких. Он настаивал на том, что мозг свободен! Это орган самого духа, ради которого создано все тело! И то, что стоит выше, не может уступить своего места нижестоящему: господин не может позволить, чтобы им командовал его слуга.

Современный специалист в области физиологии мозга, несомненно, более всего изумится тому, что Сведенборг поместил в мозге центр психической деятельности. Более того, он высказал гипотезу о соответствии различных областей мозга отдельным функциям нервной системы. Во времена Сведенборга все это было смелым новшеством. Хотя Сведенборг был отнюдь не чужд практической анатомии, этот вывод, как и многие другие его суждения, был результатом проницательных умозаключений, основанных на изучении клинических случаев, о которых сообщали другие ученые.

В главе “Цыпленок в яйце” Сведенборг обращается к данным современной ему эмбриологии. Цыпленок, утверждает он, не находится в яйце в состоянии пре-формации, как полагали в те времена некоторые ученые авторитеты. Структуры нового организма *формируются последовательно*, в предвосхищении их деятельности. Субстанция яйца не есть бесформенный хаос. Посредством оплодотворения самец прибавил субстанцию, которая начинает разворачивать в строгом порядке эмбриональную структуру. Эта субстанция, или флюид, происходит в грубых организмах из вторичной, или “магнетической” ауры, а в человеке – из первичной, или “всеобщей”, ауры.

Но даже тогда одухотворенный флюид – происходящий из тончайших субстанций естественного мира – не может быть назван в полном смысле слова живым. Ибо даже самая тонкая аура еще не есть живое вещество. Природа, взятая сама по себе, мертва и может служить лишь инструментом. Мы должны искать источник жизни выше – в Божестве мироздания, которое есть, по своей сути, любовь и мудрость. Есть разумное Существо, которое управляет вселенной. Но то, каким образом Его жизнь и мудрость вливается во все существа мира, остается за пределами человеческого понимания. Мы можем только сравнить это с действием солнца. Подобно тому, как Солнце естественного мира изливает себя в объекты природы с помощью посредующей атмосферы, Солнце любви и мудрости вливается в мир через посредничество Духа Божьего. Это лежит за пределами философии – в области священных тайн богословия. И это духовное наитие дает возможность одухотворенному флюиду жить и быть мудрым, быть, поистине, субстратом души в теле. И, следовательно, его тоже можно назвать “душой”. Он создает

органическую структуру высшего ума, *mens*, размещающегося в глубинных слоях корковых желез. Он также создает два полушария мозга низшего порядка и, наконец, из него происходят органы движения и восприятия. Одухотворенный флюид каждого человека присущ только ему и может быть изменен, к лучшему или худшему, в плане его восприимчивости мудрости и добра, исходящих от Бога. Но практически невозможно изменить его силу как “формирующей субстанции”. В этом отношении он находится всецело во власти Творца, ибо в противном случае человечество может превратиться в расу чудовищ.

Сведенборг считал, что он убедительно показал, что “одухотворенный флюид человека неподвержен какому-либо вредоносному воздействию в подлунном мире”, что он бессмертен и неуничтожим и, “когда он освобождается от пут и оков земного существования он все равно в точности примет форму тела данного человека и будет жить чистой жизнью, превосходящей воображение”. Он показывает также, что этот флюид никогда больше не сможет снова войти в земной мир посредством какой бы то ни было реинкарнации в физическом теле.

Выпуская в свет “Экономию животного царства”, Сведенборг вновь скрылся за покровом анонимности, который он уже использовал дважды, когда представлял публике работы на новую тему. Это шаг можно объяснить скромностью и неуверенностью автора, вторгшегося в область, где он не был признанным профессионалом. Быть может, он хотел избежать раздражения, вызываемого публичной критикой. Он был гений, который не мог ограничить себя условными рамками. В 1721 году, когда он опубликовал анонимно “Принципы химии”, он был специалистом в области механики. В 1722 году, когда он анонимно вмешался в дискуссию по экономическим вопросам, он был известен как автор философских работ. В 1740 году, когда он опубликовал “Экономию животного царства”, он был знаменитым минералогом. А когда в 1750 году Сведенборг все так же анонимно издал свой первый богословский труд, он был известен как знаток анатомии! Так он начинал свой каждый новый цикл исследований, не будучи обремененным весом имени и авторитета.

Первый отклик на его новый труд появился почти сразу же после его опубликования в лейпцигском журнале “Новая Газета” за август 1740 года. Когда год спустя появился вышел второй том, в другом научном журнале была напечатана пространная обзорная статья. В первых же строках статьи ее автор дает понять, что Сведенборг стал настолько хорошо известен в Европе, что имя автора нового труда по анатомии угадать нетрудно. Рецензент отметил богатство информации, собранной в книге, заключив, что “ученый господин Сведенборг доставляет читателю множество наставлений к благородной истине”. Он также указал, что Сведенборг намеревается представить совершенно новую систему философии. Изложив учение Сведенборга о степенях и сериях, он делает вывод, что в природе, согласно Сведенборгу, существуют три серии вещей над Землей, три серии на Земле и три серии внутри нее. Он выделяет учение о происхождении всех вещей из частиц первичной простой субстанции, но эти частицы не тождественны “атомам Эпикура” или “элементам Демокрита”, ибо эти атомы и элементы не поддаются расщеплению, тогда как частицы Сведенборга способны к дальнейшему развертыванию.

Четыре месяца спустя в амстердамском журнале “Библиотека Разума” тоже появилась большая статья о труде Сведенборга и тоже выдержанная в хвалебных тонах. Рецензент – явно врач по специальности – одобрительно отозвался о теории кровообращения у Сведенборга, хотя и высказал мнение, что происходящий в легких контакт крови с воздухом служит не ее обогащению, а, напротив, возможному заражению вредоносными веществами, что и является причиной эпидемических болезней. Но в целом, заключает рецензент, “невозможно, оставаясь на почве разума, не аплодировать этому труду”.

Положительные отклики на “Экономию” были напечатаны и в ряде других журналов.

Анатомический труд Сведенборг должен был оказать известное влияние на ученое сообщество, поскольку у него было много читателей. Первое издание было быстро распродано. В 1742 году появилось второе издание обоих томов с новым титульным листом, именем автора и списком его трудов “напечатанным и подлежащих напечатанию”. Это издание тоже разошлось, ибо шесть лет спустя оно было повторено. Научные журналы напечатали новые отклики на эти издания, похвалив Сведенборга за

то, что он “обогастил республику учености работой о столь темном предмете, который он исследует с пронизательностью, делающей честь его репутации среди ученых людей”.

Глава. Путь к вере

“Посещай твоего дядю Эмануэля Сведенборга как можно чаще, но в те часы, которые он сам назначит; ибо он не всегда свободен и должен разумно распоряжаться своим временем”, -- писал епископ Бензелиус своему сыну Карлу Ясперу в Стокгольм 25 октября 1740 года.

Время Сведенборга были действительно расписано чуть ли не по минутам. Он энергично взялся за работу в Горном ведомстве. Он занимается проверкой железа, решением споров по поводу рудников, а в свободное время работает над новым трактатом “Фибры” и изучает возможные признаки души.

Осенью 1739 года Сведенборг послал из Парижа на имя своего коллеги по Горному ведомству Бензельстерна мраморный столик с инкрустацией, и Бензельстерну с большим трудом удалось провезти столик через таможенную, поскольку иностранная мебель была тогда запрещена к ввозу в Швецию. Этот столик позднее стоял в доме Сведенборга, а потом был подарен им Горному ведомству, и его еще и сегодня можно видеть в старинном здании из серого камня, где размещается Министерство Торговли. Он покрыт искусно выделанной мозаикой с изображением открытой колоды карт, гребня и письма. Известно, что столик привлекал многочисленных посетителей, желавших посмотреть на изящную работу французских мастеров. Сведенборг позднее составил описание процесса инкрустации по мрамору, которое было опубликовано в записках Королевской Академии Швеции за 1763 год. Он надеялся, что этот вид художественного ремесла найдет себе применение в новом королевском дворце, построенном в стиле итальянского Ренессанса.

С архитектором этого величественного в своей простоте дворца, графом Никодемусом Тессинем, Сведенборг был в дружеских отношениях. Тессин был человек сильного характера и больших дарований, утонченным придворным, представлявшим вершину европейской культуры и образованности того времени. Он был членом недавно созданной Академии Наук, основанной Мартином Тривальдом, Андерсом фон Гопкенем, Карлом Линнеем и Йонасом Альстромером в то время, когда Сведенборг путешествовал по Италии. Вскоре после возвращения в Швецию Сведенборг был единогласно избран членом Академии. Речь Сведенборга на церемонии его приема в члены Академии 10 декабря 1740 года показывает, как он относился к своему призванию:

“Я имею честь принести вам, милостивые господа, мою скромную благодарность за тот почет и единодушное радушие, которые вы сообразовали оказать мне как члену вашего высокоученого Научного Общества. Со своей стороны я заверяю вас, что не пожалею усилий во всем, что касается прогресса наук; и для этой цели каждый из присутствующих здесь призван почитать то, что является истинным предметом наук, а именно способствовать благосостоянию общества и прославлению Всевышнего. Ради достижения этой цели я не должен пренебрегать какой бы то ни было возможностью послужить Обществу всем, что я, в соответствии моим скромным способностям, могу совершить...”

Его первым вкладом был доклад “О склонении магнитной иглы для Упсалы”, написанный как ответ на доклад профессора Цельсия, который был зачитан во время заграничного путешествия Сведенборга. Андерс Цельсий, прославивший свое имя изобретением термометра со стоградусной шкалой, был профессором астрономии в Упсале и занимался исследованиями в области метеорологии и магнетизма. Он выступил с критикой расчетов географических координат, приведенных Сведенборгом в его “Принципах”, и утверждал, что Сведенборг ошибся в своих расчетах больше чем на 8 градусов. Сведенборг же в своем ответе утверждал, что разница между его расчетами, выполненными чисто теоретически, и практическими наблюдениями Цельсия составляет лишь около одной минуты.

В рассуждениях Сведенборга представляет интерес определение, которое он дает двум способам выявления скрытых вещей – метод априорный, или синтетический, и метод апостериорный, или аналитический. Первый, по его словам, применялся древними, второй используется современными учеными, которые ограничиваются наблюдением явлений, доступных органам чувств. Он признает, что необходимы оба метода, но не соглашается с теми, кто полагают, что задачей ученого должно быть

только накопление фактов и экспериментов. Он тоже благодарил профессора Цельсия за уточнение его расчетов, ибо любая теория, прежде чем быть принятой, должна пройти проверку действительными наблюдениями. Дискуссия продолжалась еще целый год и заняла немало рукописных страниц в протоколах Академии.

29 января 1741 года – в свой пятьдесят третий день рождения – Сведенборг преподнес в дар Академии экземпляр “Экономии животного царства”. Но его связь с ученым сообществом почти полностью прервалась позднее, когда он посвятил себя своей духовной миссии. Членство в Академии стало для Сведенборга не более чем формальностью. Тем не менее Академия унаследовала после смерти Сведенборга его драгоценные рукописи и бережно сохранила их.

По-прежнему много времени у Сведенборга отнимали его служебные дела. На протяжении 1741 года он неоднократно некоторое время отсутствовал на службе по причине нездоровья. 9 октября он отсутствовал в связи с переездом на новую квартиру. Но впоследствии Сведенборг, по-видимому, решил, что смены места жительства не благоприятствуют научным занятиям и в марте 1743 года купил дом с садом в южной части Стокгольма за шесть тысяч талеров медью. К тому времени он продал свою часть собственности на железные рудники и получил за нее наличными как раз эту сумму. Таким образом, Сведенборг был теперь свободен от всяких вложений капитала и владел только своим домом.

Однако въехать в свой новый дом он смог лишь спустя три года, так как следующим летом он опять отправился за границу на два года. И на этот раз его жалованье, составлявшее 1200 талеров серебром, было разделено между его коллегами по Горному Ведомству.

Прошение Сведенборга Горному Ведомству о даровании ему еще одного двухлетнего отпуска датировано июнем 1743 года. Цель поездки, писал он, состояла в том, чтобы подготовить к публикации еще одну работу, для чего ему требуется посещение зарубежных библиотек. Объем нового труда должен был составить четыре тысячи страниц. Он надеется завершить работу в двухлетний срок, чтобы по возвращении на родину продолжить, в тишине и покое, свой более крупный труд, “Минеральное Царство”, который соответствует его профессиональным интересам. Если бы он следовал своим личным удовольствиям и предпочтениям, говорит Сведенборг в этом прошении, он бы непременно остался в своей родной стране, внося свой маленький вклад в общее благосостояние, занимаясь своим хозяйством и отдавая время приятным сердцу занятиям. И все же он предпочитает трудности и расходы, связанные с путешествиями, ибо

“меня влечет желание представить на свет дня, в течение своей жизни, нечто реальное, что было бы полезно ученому миру и потомству и тем самым способствовать процветанию и, если я достигну своей цели, умножению славы своего отечества..”

Отметим доводы в пользу новой поездки: создать нечто действительно полезное и способствующее прославлению отечества. Это аргументы, которые звучат убедительно в государственном учреждении. Сведенборг пишет, что он страстно увлечен своим замыслом. Мы увидим, что прежде чем новый труд выйдет из печати, в его жизни произойдут глубокие перемены, как об этом ясно сказано в Прологе к самой работе. Не зная сути этих перемен, нельзя понять и необыкновенной карьеры Сведенборга.

В своей политической и деловой жизни Сведенборг был окружен самыми передовыми мыслителями своего времени. Он знал их очень близко, и он знал, что многие среди них, почтительно соблюдая нормы их религии, в душе отрицали то, что произносили их уста, *потому что они не могли примирить это с разумом*. Сам же он не только почитал истины религии, но и был уверен, что эти истины могут быть рационально объяснены – такие истины, например, как существование и бессмертие души. Поиск души в ее храме – теле в конце концов стал для него всепоглощающей целью. Он шел к ней в библиотеках, в лабораториях, в дискуссиях.

Свой новый труд он назвал “Regnum Animale”, то есть “Животное Царство”. В сущности, он был продолжением “Экономии Животного Царства”, подобно тому, как та книга была продолжением “Принципов”. В “Экономии” он рассмотрел кровь и сердце и относящиеся к ним предметы, но все говорило за то, что здесь было необходимо подробное исследование всего тела. Его страстным желанием было “рассеять облака, которые затемняют священный храм разума и *открыть путь к вере*”.

Сведенборг считал возможным убедить тех, кто относился скептически к истине религии, с помощью аргументов и соображений, почерпнутых из изучения человеческого тела.

Исследовав ранее кровь, он начал свою новую работу с рассмотрения органов, которые доставляют питание крови, то есть органов пищеварения. В Прологе он обсуждает проблемы метода, начиная со смелого высказывания о том, что “нет ничего более желанного, чем свет истины”. Разум, говорит он, различает истину вещей, как ухо различает гармонию и мелодию как глаз постигает красоты природы. Ибо в самой природе души заложено знание порядка и истины, и она инстинктивно чувствует присутствие всего, что согласуется с ее природой.

Однако есть два метода постижения истины: аналитический и синтетический. Синтетический метод “тянет нить своих рассуждений от причин и принципов и раскручивает ее до тех пор, пока не достигнет следствий этих причин”. Этот метод принадлежит исключительно высшим силам – “ангелам, духам и Самому Всемогущему”. Люди же должны применять аналитический метод, который идет от явлений, или следствий, к причинам, выводя внутренние вещи из внешних. В прошедшие века синтез был общепринятым методом философии. Но этот схоластический метод идет наперекор человеческому рассудку и никогда не достигнет своей цели, поскольку он начинается с цели и ведет к исходной точке, и когда его посылыки неверны с самого начала, он порождает чудовищ, которые уводят разум человека с истинного пути. Этот метод принадлежит, строго говоря, только ангелам и Всемогущему.

Что касается анализа, то он начинается с фактов. Он собирает данные, расставляет их в определенном порядке и на их прочном фундаменте строит дворец. Этим способом, говорит он, “я хочу рассмотреть всю анатомию тела, пять органов чувств и мозг. Засим, посредством определенной новой доктрины я намереваюсь дать введение к рациональной психологии и, наконец, перейти к рассмотрению души и ее состояния после смерти тела. Моей целью является познание души... Чтобы достичь этой великой цели, я намерен рассмотреть целый мир, или микрокосм, где обитает душа; ибо я полагаю, что напрасно будет искать ее где бы то ни было помимо ее собственного царства. Тело есть ее образ, подобие и тип; она же есть образец, идея, глава, то есть душа, тела. Так она представлена в теле, как в зеркале...

Но поскольку невозможно перепрыгнуть от органического, физического, материального мира – я имею в виду тело -- непосредственно к душе, о которой ни материя, ни какие-либо ее атрибуты ничего не сообщают, было необходимо проложить новые пути или, другими словами, открыть и распространить путем тщательного изучения и применения *некоторые новые доктрины*, каковые суть доктрины Форм, Порядка и Степеней, Серий и Общества, Сообщения и Наития, Соответствия и Представления и Изменения. Намерение мое состоит в том, чтобы изложить их в одном томе под заголовком “Введение в рациональную психологию”. Когда эта задача будет выполнена, я могу быть допущен как бы общим согласием к душе, которая, подобно королеве, сидящей на своем троне – теле – устанавливает законы управляет всем сущим по своей доброй воле и вместе с тем посредством порядка и истины. Сие будет венцом моих трудов...”

Среди множества примечательных аналитических способностей, демонстрируемых Сведенборгом в “Животном Царстве”, хочется особо отметить его умение упростить предмет. Эта способность к простому изложению проистекает из открытых им “новых доктрин”. Благодаря им он рассматривает все вещи в человеческом теле с точки зрения функции или пользы. Он видит вещи в их целостности. Для Сведенборга каждый ряд органов образует “круг пользы”, или круг функций, и это определяет каждую частицу его структуры. “Польза определяет сущность органа”.

Это хорошо иллюстрируется его рассмотрением желез – предмет, доставивший немало хлопот современным физиологам, которые мало-помалу подтвердили многие истины, уже давно высказанные Сведенборгом. Он знал, что жизненная деятельность состоит в химических процессах огромной сложности. Что в таком случае может быть более естественным, чем роль желез как своеобразных лабораторий, осуществляющих эти химические процессы? Так он думал, что печень и поджелудочная железа осуществляли гораздо более важные функции, нежели можно было бы предположить по их выделениям, и что селезенка вместе с ними способствует очищению крови – идея, совершенно

согласующаяся с современными представлениями, но выдвинутая им во времена, когда функции селезенки еще оставались полнейшей загадкой.

Рассматривая проблему снабжения крови питательными веществами, Сведенборг сумел существенно упростить предмет. Во многих современных учебниках анатомии внимание студента обращается не столько на питание крови, сколько на удаление из крови вредных веществ. Мысли Сведенборга о питании приобретают возвышенный, почти поэтический поворот, обращаясь к потребностям тела в самообновлении на физическом плане и к необходимости духовного питания для отправления его высших функций. Кровь состоит одновременно из материи и духа, так что “каждый шарик крови обладает одновременно душой и телом”.

Все органы брюшной полости, говорит Сведенборг, работают на поддержание кровообращения. Вены поглощают питание из переваренной пищи в желудке и кишечнике и доставляют этот питательный раствор в печень для очистки. В ходе другого процесса питательный раствор переносится из кишечника к железам брыжейки, а потом к диафрагме, которую Сведенборг считал средоточием организма, обеспечивающим безопасность и благосостояние всего тела. Оттуда питательные вещества перетекают в подключичную вену и далее в сердце, где они соединяются, или “венчаются с духом”, порождая тем самым кровь. Он уподобляет питательный раствор невинной невесте, приготавливаемой к браку. Часть этой подготовки к браку или соединению материи и духа заключается в смешении молочка с лимфой. Таким образом, лимфа, или белая, то есть более чистая кровь, выступает посредником между питательным раствором (невестой) и духом (женихом).

Надо сказать, что функции желез в организме долгое время оставались тайной для науки. Лишь недавно эндокринные железы стали объектом пристального внимания анатомов, поскольку стало ясным громадное значение выделяемых ими внутренних секретов для поддержания общего баланса в организме. Сведенборг придавал этим органам особое значение вследствие их близости к скрытым силам природы. И он на удивление плодотворно применил возможности его новых доктрин к функциональной деятельности желез. Они впрыскивают свежую лимфу в вены и приготавливают питательный раствор к усвоению его кровью, говорит он. Они корректируют состав лимфы и очищают ее в соответствии с потребностями тела. Поэтому он хорошо сознавал, что “железы меняют свое состояние для того, чтобы соответствовать общему состоянию тела”.

Сведенборг различал три группы желез: во-первых, выделяющие железы, такие как железы слюноотделения, пищевода и пр., которые выделяют свои соки для облегчения пищеварения или смягчения тканей; во-вторых, переносящие железы, которые способствуют циркуляции лимфы; в-третьих, железы, не имеющие приданных им путей, такие как селезенка или слизистая оболочка, чья функция заключается в том, чтобы выделить в кровяной поток более жизнеспособный “дух” крови. Печень, помимо прочих ее функций, разделяет компоненты крови, приготавливает свежее питание для крови, завершая тем самым функции органов брюшной полости. А железы в свою очередь обновляют кровь и дух и способствуют продлению жизни.

Мозг, “государь желез, образец и глава семейства”, -- это целая химическая лаборатория, ибо в нем производится животворная эссенция, которая “проносится”, как поток силы, “через нервные волокна и становится “духом” и главным компонентом красной крови. Эндокринная железа, расположенная у основания мозга, которую современная физиология рассматривает как главный регулятор эндокринной системы, Сведенборг описывает как врат, через которые “животный” дух входит в кровь. Отнюдь не считая кровь мертвой жидкостью, он рассматривал ее как живое вещество, которое хранит в своей глубине сокровеннейшие тайны и силы самой души.

Еще более примечательны выводы, сделанные им в позднейшем сочинении, которое носит название “Мозг”. Здесь он выдвинул тезис о том, что мозг функционирует синхронно с легкими, а не с циркуляцией сердца. Тщательно исследовав спинно-мозговую жидкость, он высказал предположение о том, что серое вещество костного мозга выполняет в организме ряд высших функций и показал расположение различных двигательных функций в позвоночном столбе.

Это не значит, что все наблюдения и выводы Сведенборга были правильными в свете современной науки. Профессор Макс Нейбургер из Вены удачно определил ограниченность знаний Сведенборга,

когда он заметил, что “Заблуждения, ошибки и неполные доказательства Сведенборга являются недостатками его времени, но идеи и пророческие ожидания... составляют уникальное умственное богатство Сведенборга, и их истинность подтверждена современной наукой”.

Сравните это суждение с словами самого Сведенборга, которые он записал в своем дневнике: “Недостатки принадлежат мне, но истины – не мои”.

Первые две части “Животного Царства” были изданы в Гааге в 1744 году, а третья появилась позднее в Лондоне. Критика оказалась весьма строго к новому труду Сведенборга. Обозреватель “Библиотеки Разума” посетовал на обилие цитат в книге и высказал предположение, что заявленный план работ слишком велик и едва ли может быть выполнен. Короткая заметка появилась в “Новом Журнале”, где “Экономия” была названа “одним из несвоевременных детей” автора (Сведенборг совершил непростительный грех: он оказался впереди своего времени!) Три года спустя в журнале “Nova Acta Eruditorum” появилась бранчливая и несправедливая статья, автор которой с пошлой язвительностью замечал, что, если Сведенборг, издавая свой новый труд анонимно, опасался, что кто-то другой присвоит себе славу авторства этого сочинения, то он может быть спокоен. А глубокие заключения Сведенборга о роли желез в организме он отверг как “плоды воображения и глупые пустяки”. В конце концов, раздраженный своей неспособностью понять книгу Сведенборга, он называет ее памятником “сновидений автора”.

“Животное Царство” было последним сочинением по анатомии, которое Сведенборг представил мир, относившемуся к нему все более враждебно. Непонятый другими, он продолжал один идти своим путем – все вперед и выше, все глубже. Он воздержался отказаться от мысли опубликовать нескольких своих глубоких исследований, в том числе обширный труд “Мозг”, еще одно сочинение о “Чувствах”, а также работу “Органы деторождения”, замечательный трактат “Психология” и многие другие рукописи.

Настороженное отношение критики к “Животному Царству” можно было легко предвидеть. Но этот недостаток признания не имел ничего общего с прекращением им публикации своей анатомической серии, ибо он принял такое решение еще до появления в печати откликов на “Животное Царство”, как будет показано в следующей главе.

Как близко Сведенборг подошел к своей цели? Мог ли он достичь ее избранными для этого методами? “Для меня было бы удовольствием думать, -- писал он, -- если мои труды окажутся полезными для анатомии и медицины, но мне было бы еще приятнее, если бы я смог пролить некоторый свет на исследования души”.

Он увидел для себя путь к вере. Но этот путь вел его в печальную долину отверженности, прежде чем он мог взойти на горную вершину Веры. Мы увидим, что ему пришлось изменить все течение своей жизни, отбросить свои прежние методы, даже отречься от своего “я” прежде чем он смог достичь цели своего поиска.

Глава Нематериальный мир

Сведенборг отправился в свое пятое заграничное путешествие в июле 1743 года. Его целью было напечатание “Животного Царства”. Он выехал из Стокгольма 21-го числа, через пять дней достиг южного берега Швеции, где пробыл десять дней в ожидании попутного ветра, после чего переправился в Гамбург, где имел честь встретиться с новым королем Швеции Адольфом Фредериком Гольштейнским, избранным всего лишь месяц тому назад наследником шведского престола. Во время беседы с королем Сведенборг показал ему план своего нового труда и в целом благоприятные отклики научного сообщества на “Экономию животного царства”

Далее путь Сведенборга лежал в Бремен через цветущие равнины Германии с ее садами, полными осенних плодов. Но по приезде в Амстердам дорожный

дневник Сведенборга резко обрывается. Несколько листов в нем отсутствуют. Возможно, они были нарочно кем-то вырваны. Оставшаяся часть посвящена некоторым необычным психическим переживаниям, которые оказали самое глубокое влияние на последующую жизнь Сведенборга. Но об этом потом.

Он провел осень в Амстердаме, готовя к печати “Животное царство”, консультируясь со знатоками анатомии, посещая университет в Лейдене работая над прологом первому тому, посвященному органам пищеварения. В декабре он отвез рукопись к издателю в Гааге.

К этому время Сведенборг, кажется, в полной мере осознал ограниченность рассудка. Разумные аргументы, которые кажутся совершенно ясными одному человеку, не производят ровно никакого впечатления на другого! Теперь он отчетливо понимал, что в качестве пути к вере такие доводы были недостаточны. Почему один человек не может с их помощью убедить другого, даже если они звучат в высшей степени убедительно? Его критика эмпирического метода прозвучала после полемики с Цельсием. Профессор Цельсий выступил против методов, примененных им в “Принципах”. Сведенборг не признал, что он сильно ошибался здесь, но критика собрата по Академии могла побудить его использовать при написании следующего труда аналитический метод. Возможно, используя методы своих оппонентов, он хотел сломить их сопротивление, действуя их собственным оружием.

Теперь он дошел до конца того пути, по которому его вел анализ. Для того, чтобы преодолеть оставшуюся части пути в неизвестное требовалось найти другой метод, вообще другое средство передвижения. В течение десяти лет он без устали изучал человеческую анатомию только для того, чтобы в конце концов придти к наглухо закрытому святилищу живого тела! Ибо, хотя он, как никто другой в его время, знал человеческий механизм, хотя он хорошо понимал скрытые пружины его действия, он все еще не достиг души. В рукописи, озаглавленной “О душе” и опубликованной посмертно под заголовком “Рациональная психология”, Сведенборг признает, что он должен рассматривать душу не из опыта или следствий, а из первых принципов, то есть *a priori*. Душа, поистине, “облачена тогой” внутренних сфер природы, она присутствует в теле как “внутренняя кровь” или “одухотворенный флюид”. Но поскольку она не является невозможно постичь, не опираясь на первые принципы. Ибо, хотя анализ – изучение явлений с помощью наук – есть единственный путь, открытый людям в деле познания природных вещей, этот метод не поможет обрести настоящую истину *без воздействия высшей силы*.

В известном смысле “Разумная психология” представляет собой завершение научного пути Сведенборга. В этой работе он в самом деле достигает предельного понимания души в ее отношении к материальному телу. Но только в этом пункте. Он рассматривал это отношение в категориях инстинктивной гармонии, которой он дал название “соответствие”. Действие души в теле он трактовал как изливание высших способностей. Возьмем, к примеру, чувство радости. Последнее зарождается в кортич. Железе (млзжечке), средоточии нервных окончаний. Оно вливается в эти фибры, и последние тоже расширяются. В конце концов оно достигает лица, на котором появляется выражение радости. Напротив, ненависть сжимает мозг, задерживает кровообращение и вызывает сокращение мышц.

Субстанция души была все еще неведома ему, но ее *способ действия* уже касался ему ясным. Он достиг цели своих научных трудов: он знал теперь, как

работает душа. Он видел, как она действует посредством органов восприятия, воображения, мышления и воли, видел, как она воздействует на органы чувств, вливаясь в мельчайшие капилляры и фибры мозга. Кажется, будто органы восприятия воздействуют на душу, но это впечатление обманчиво. Видение существует в уме, а не в глазе. Тело и душа связаны отношениями гармонии, или соответствия. Когда внешние вещи находятся в гармонии и согласии с вещами внутренними, они действуют как одно!

Сведенборг различал в душе два уровня: низший ум, который он называл *animus*, и высший, или рациональный, ум, называемый им *mens*. Низший ум – это вместилище ощущений. Ему соответствуют “аффекты” (эмоции), такие как радость, печаль, чувственная любовь, родительская любовь, дружба, амбиция, робость, презрение, тщеславие, щедрость, гордость, жадность, жалость, стыд, месть, душевный покой, нетерпение, жестокость, несдержанность и т.д. Высший же ум представляет собой жизнь мысли, насколько ум низший есть жизнь чувств.

Сведенборг признает также и другую сторону жизни души – ее отношение к “небесному обществу”, к бессмертию. Об этом он знает очень немного, и это немногое он выражает в смутных ассоциациях. Но его жажда познания была как никогда сильна. Он надеется, что через несколько лет он будет в состоянии сказать, что происходит с душой, когда она отделяется от тела. И он еще не имеет ясного представления, в какой форме будет существовать душа после смерти.

Сведенборг не опубликовал свою “Рациональную психологию”. Возможно, он чувствовал, что душа в каком-то смысле ускользала от его мысли. Он ставил перед собой цели более труднодостижимые, нежели те, которые преследует современная психология. Его совсем не интересовали опыты над разумом и их практическое применение в жизни. Он знал, что ученые люди его времени не пойдут за ним и отвергнут лучшее из того, что он мог предложить им. Он знал, что анализ – тот самый метод, который завел его так далеко в анатомию, -- больше не мог помочь ему. Он достиг вершины горы, и теперь, чтобы подняться выше, он должен был полететь. Он знал, что должен искать наставлений из внутреннего источника, а это требовало не рациональных доказательств, а узрения – интуитивной способности.

Чтобы последовать за дальнейшим духовным развитием Сведенборга, необходимо вдуматься в природу этой способности. Интуицию, в конечном счете, можно определить только исходя из личного опыта. Однако каждый обращается к интуиции, или внутреннему наставлению, когда для не осталось никакого другого пути. Жертвам кораблекрушения или падения самолета на вершину горы могут принести утешение таких отношения, которые прежде и потом показались бы невероятными или неразумными. В выборе товарища полагаются на влечения более глубокие, чем уровень размышления, и слушают внутренний голос, который говорит: “это мое”. Встретив новое понимание религии, разум вновь обращенного – утвердившись в идее его истинности – обращается затем к свету более яркому, чем свет разума. Восприятие, утверждение, убеждение – все говорило Сведенборгу, что он должен смотреть “вовнутрь” для того, чтобы убедиться в правоте своих истин.

Сведенборг никогда не сомневался в том, что существует другой мир, в котором отношения между нематериальными вещами так же реальны, как физические отношения на земле. Он не мог представить себе, что явления этого мира скоро станут для него чем-то знакомым и даже привычным, но он должен был быть

уверен, что стоял на пороге этого мира, ибо он начал видеть необыкновенные сны, и перед ним начала разворачиваться, как органическая часть его развития, необыкновенно могучая и разнообразная сверх-чувственная жизнь.

Видения такого рода, именуемые сверхъестественными, не были внове для него. Еще с 1736 года, как мы помним, Сведенборг видел какие-то вспышки пламени, которые он счел знаком одобрения его трудов, посылаемым из другого мира. Теперь эти видения приобрели более конкретный смысл и стали задавать направление его духовного поиска. И это обстоятельство было тесно связано с его умственным ростом, выразившемся в разработке философских основ его научных исследований. Ибо нельзя не видеть поразительно быстрого развития его идей!

“Принципы” основывались, главным образом, на учении о *порядке* применительно к “конечным сущностям” и “атмосферным частицам”. В “Экономии” он применил учение о *сериях* и *степенях* – сериях органов и степенях крови. В “Животном Царстве”, в рассмотрении телесных органов и их функций, – как, например, в отношении желез и легких – он в особенности развил теорию интеграции, которую он назвал учением об *обществе*. В его продолжении, в трактатах “Мозг” и “Душа”, он использовал учение о наитии, или излиянии высших сил в низшие. До сих пор, по его собственным словам, он почти не разрабатывал понятия *соответствий* и *представлений*. Пытаясь сформулировать это новое для себя учение, Сведенборг соотнес его с поиском “всеобъемлющей гармонии”, “всеобщей науки”, “иероглифического ключа”.

Это понятие является основным для нового этапа мысли Сведенборга, ибо оно позволило ему видеть связь между вещами, которые он видел во снах, и их эквивалентами на более высоком уровне. Так он нашел способ толкования своих снов, без которого эти сны имели бы очень мало практического значения. Это была попытка сформулировать новую символическую логику, посредством которой известный природный закон мог быть приложен и к высшим силам и стать духовным законом, применимым к разуму или к области богословия. Он увидел возможность выразить, почти в алгебраически точных формулах, отношения между природными вещами, такими как свет, речь, кровь, боль, и их соответствиями в абстрактном плане – где свет становится *пониманием*, речь становится *мыслью*, кровь становится *духом*, а боль становится *волнением*. Так материальные предметы превратились в знаки нематериальных вещей, намного превосходивших их значение как просто поэтических образов и вместе с тем не утративших связи с этими образами.

Это было начало той “науки соответствий”, которой суждено было стать составной частью будущей системы Сведенборга. Суть этой связи между естественным и сверхъестественным мирами разъясняется в небольшом сочинении “Иероглифический ключ”, которой осталось неопубликованным. Оно почти не имеет отношения к иероглифам и не является ключом в собственном смысле слова, но оно содержит сырье, из которого позднее будет изготовлен такой ключ. Отношения между материальным и нематериальным описываются здесь в предварительном, незавершенном виде.

Конечно, сама идея о соответствии одной вещи чему-то-другому-на-другом-плане не была полностью изобретением Сведенборга. Она не вышла из его разума, как Афина из головы Зевса. Нечто подобное утверждали многие ученые до него, среди них Платон, Аристотель и другие древние авторы, в изобилии цитируемые в “Экономии”. С еще большей ясностью мы различаем предшественников Сведенборга среди позднейших философов-неоплатоников

Главной целью неоплатонизма было преодоление односторонней зависимости от эмпирического знания и развития философии *откровения* как сверхрационального знания. Откровения Бога, утверждал главный теоретик неоплатонизма Плотин, можно найти в религиозных традициях и обрядах всех народов. Повсюду в истории имеются примеры того, как Бог открывает Свой Дух. Поэтому неоплатоники попытались возродить древние религии и объяснить многобожие ссылкой на наличие внутренней симпатии между высшими силами и образами, которые выступали явленной формой этих сил. Учение неоплатоников не было христианской философией, но его идеи влились в христианство, как теплые воды Гольфстрима, смягчая и оживляя холодный рационализм строго буквалистской веры. Те, кто подпадал под их влияние, утверждали, что благодать, способную утешить человеческое сердце, нужно искать в сферах, превосходящих человеческий разум. Высшее Существо, говорили они, можно достичь только через “экстаз”, поскольку Бог – выше рационального понимания. Они учили, что человеческая душа отошла от своего первозданного состояния и должна найти дорогу назад через самоотречение. Они говорили о существовании трех миров: мира Бога, или мира совершенства, мира души, или мира идеала, и знакомого явленного мира.

Сведенборг был ученым, владевшим абстрактным мышлением и точными методами, и интуиции, высказанные мистиками в смутной и туманной форме, в его уме кристаллизировались в систему. Он никогда не требовал от читателей, чтобы они только верили ему на слово. Он хотел, чтобы они еще и понимали его. Он также не думал, в то время, что знает больше, чем другие. Мы можем знать о состоянии души после смерти, писал он в те годы, “не больше чем шелковичный червь, ползающий по листьям, может знать о том, каким он будет, когда окончит свои труды и улетит прочь бабочкой”.

Причина того, что знание своего будущего состояние ныне сокрыто от души, а вещи хорошо известные в далекой древности теперь известны лишь во фрагментах и смутно, заключается в том, что на душу должна снизойти мудрость, но это наитие мудрости не может войти в умы, сжигаемые пламенем себялюбия, плотских удовольствий и жажды власти. Нужно сначала потушить огонь себялюбия прежде чем сможет открыться возвышенный источник интуиции, ибо в противном случае восприятие горнего света будет откладываться – закон, который, как мы увидим, проявил себя в жизни самого Сведенборга. Именно в этом пункте он отмежевался от мистиков своего времени, когда влияние Якоба Бёме было весьма сильно, особенно в Германии. Над всем религиозным миром тогда висела атмосфера темного мышления, закрадывавшегося в умы как промозглый туман. Пророческие сны, видения и откровения были повседневной реальностью, и суды ежедневно разбирали связанные с ними дела, вынося порой жестокие приговоры невинным и добрым христианам. Сведенборг мог наблюдать крайние формы фанатического благочестия в Копенгагене, по поводу чего он записал в своем дневнике:

“Весь город заражен пиетизмом или квакерством. Они настолько обезумели, что думают, будто Богу угодно, когда они разделяются с собой или с другими, о чем существует уже много свидетельств”.

Сведенборг утверждал, что он никогда не читал сочинений Бёме и Диппеля, но часто считают, что он подпал под их влияние. У него была та же цель, что и у них, но его подход был совершенно другим. В его “Принципах” нет ни следа мистицизма, ибо краеугольными камнями его философии были связность и разумность.

В “Иероглифическом ключе” он говорит о многих видах соответствий, но не притязает на создание полноценной системы. Он упоминает об образах и типах, подобиях и аллегориях, легендах и предсказаниях и его окончательный вывод таков: “Мы с полным правом можем верить, что мир целиком наполнен типами, но мы знаем лишь очень немногие из них”. Но, как указатель, устремленный в будущее, последняя фраза в книге гласит: “Следовательно, дозволительно толковать Священное Писание таким образом, ибо дух говорит естественно, но также духовно”.

По-видимому, Сведенборг предполагал, что его следующим шагом будет изучение этого предмета. В примечании в “Животном царстве” он описывает роль почек в очищении крови от шлаков, соответствующее тому очищению духа через которое каждый должен пройти в процессе возрождения. Он смело объявляет:

“В нашем учении о представлениях и соответствиях мы будем рассматривать как символические, так и типические представления и удивительные вещи, которые свершаются, я сказал бы, не только в живом теле, но повсюду в природе; и они столь полно соответствуют высшим и духовным вещам, что можно поклясться, что физический мир есть чистый символ духовного мира...”

Равно опасными для него теперь стали обманчивые пучины мистицизма, которые влекли к себе малообразованных, и бурные волны отрицания, на которых плавали ученые, покорившиеся материализму и самовластному разумению. Сведенборг избрал для себя верность *своим новым философским учениям* и упорно шел своим курсом, сверяясь с компасом Веры.

Это было нелегкое плавание. Его судно швыряло в разные стороны. Штурм внутреннего конфликта все усиливался. Берег исчез из виду. Стихия бушевала. Порой казалось, что его корабль вот-вот пойдет ко дну. Для него начался период кризиса, о котором он так ярко написал в своих дневниках за 1743 и 1744 годы.

Глава. Поворот

Новое продвижение в деле познания души пришло к Сведенборгу из глубин интуиции. Он признавал, что эта интуиция – та, которая идет изнутри самой души и является внезапным даром Божьим, -- не может ужиться с нечистотами своего “я”. Без этих преград душа парит свободно и радостно; с ними на любом пути натыкаешься на препоны. Истинность его теории ему предстояло теперь испытать на собственном опыте.

Это были годы кризиса в жизни Сведенборга. Годы, отмеченные глубокой переменой его взглядов на свое творчество. Кризис начался в то время, когда он работал в Голландии над “Животным царством” и продолжался до публикации им в Лондоне книги “Почитание и любовь к Богу”. Когда он пришел к завершению, Сведенборг полностью оставил занятия анатомией и целиком посвятил себя изучению Библии. Перемена же в его взглядах означала отказ от собственного понимания ради того, чтобы вверить себя сверхрациональному.

Мы имели бы очень скудные сведения о борьбе, которая происходила в это время в душе Сведенборга, если бы не удивительная рукопись, которая была обнаружена спустя целых сто лет после смерти Сведенборга в бумагах одного старого профессора. Эта записная книжка карманного размера в пергаментном переплете, в которой имеется шестьдесят девять густо исписанных страниц, в основном по-шведски. Она начинается как план работы, но в основном состоит

из записей его снов за 1744 год и имеет заголовок “Дневник снов”. Поскольку эти записи предназначались явно только для их автора, они изобилуют сокращениями, и разобрать их зачастую очень трудно.

В целом сны отображают ожесточенную борьбу в душе Сведенборга между его упованием на научный метод и жизненными привычками, с одной стороны, и вниманием к духовным переживаниям, которые стучались в его сознание, но не могли войти к нему до тех пор, пока он не сумел подчинить свое понимание внутренним наставлениям. Они описывают состояние ума, который отстраняется от телесных ощущений притязаний рассудка и постепенно все более полагается на сознательное восприятие света в глубинах души – отстранение, которое привело Сведенборга к особой ясности мысли и полному доверию к внутреннему наставнику. Таким образом, умственные образы были высвобождены из плена их физических подобий, или буквальных значений, и мало-помалу стали служить высшим способностям, так что эти способности могли использовать образы ума в качестве символов, представлявших материальные и духовные предметы. Так нематериальные вещи стали являться ему во снах в символическом обличье, и, когда он начинал размышлять над значением этих символов, ему открывался подлинный смысл сновидения. Например, его грубые мысли представляли ему в снах в образе кучи тряпок. Он видел себя в неприбранной хижине, куда он пригласил придти Высочайшего, и приходил к выводу, что подлежит наказанию за свою дерзость. Марширующие солдаты за окном были знаком того, что он находится под защитой высших сил.

Он отмечает перемены в своей личности и удивлен тем, что похоть, доставлявшая ему прежде так много беспокойств, неожиданно отступила от него. Он изумляется полному отсутствию желания работать ради собственной славы и отмечает, что ему стало трудно заниматься наукой, лишившись этого побудительного мотива. Пролог к “Животному царству”, написанный им как раз в это время, отражает радикальное изменение его взглядов, ибо он утверждает в нем, что им движет единственно желание рассеять невежество и открыть дорогу к вере. Как отличается этот пролог от написанного им годом ранее обращения в Горное ведомство, где он заявляет, что им движут патриотические чувства и амбиции!

Позднее Сведенборг рассматривал эту борьбу за новый взгляд на жизнь, отразившуюся в “Журнале снов”, как на часть его подготовки к тому, чтобы стать орудием откровения. Более интимное описание обнаженной души едва ли даже возможно вообразить, и эти страницы нельзя читать, не испытывая симпатии и сочувствия к тому, кто написал их. Здесь нет никаких преград между человеческим сознанием и Богом, и сам человек считал возможность видеть эти сны великим благодеянием, оказанным ему свыше.

Вся его прежняя жизнь была сосредоточена на научных занятиях, и ему было невероятно трудно оставить их. Он чувствовал отвращение, переходившее порой в яростное сопротивление “Духу”. То, что он писал в такие минуты, утверждал он, было полным вздором, лишенным жизни и смысла. Один из снов, в котором он видел тяжело нагруженную лошадь, павшую от чрезмерного напряжения сил, он истолковал как символ его занятий анатомией. Он воспринял это как указание не писать слишком большой книги, что немало повлияло и на его решение бросить все свои светские изыскания.

Состоянии депрессии чередовались с переживанием самой необузданной радости. Во сне он видел себя идущим по темной дороге, но вдруг впереди появился свет, который разгорался все ярче и ярче. Ощувив внезапно свою

ничтожность, он упал в рыданиях, а в ушах его звучали слова знакомого гимна:

Иисус – вот мой друг, и самый лучший,
Не было сроду никого равного Ему.
Могу ли я, как большинство людей, забыть Его?
Могу ли я оставить Его?
Никому не под силу отнять меня
От Его милосердной любви,
Воля моя с Его волей едина вовеки,
Здесь на Земле и в мире горнем.

“Мне кажется, что почки раскрылись, совсем зеленые!” – отмечает он. Вскоре после этих слез радости он пережил свой первый экстатический опыт.

Была Пасха, и Сведенборг подошел к причастию. Вечером его сознание было встревожено искушениями. Радость в душе сменялась безысходной тоской. Ему приснилось, что он встретил знакомого, который безуспешно пытался увести его с собой. Сведенборг увидел в этом предложение к гордыне, богатству и тщеславию. За опытом искушения последовало переживание небесного блаженства, с полным сознанием любви Бога и готовности отдать Ему свою жизнь. “Я был на Небе, – записал он, – и слышал речь, которую неспособен произнести ни один человеческий язык...”

На следующий день, 6 августа 1744 года, он ехал из Гааги в Делфт, погруженный в размышления об увиденном им накануне во сне. Той же ночью в Делфте он пережил главное событие своей жизни.

Вечером он читал о чудесах, сотворенных Богом посредством Моисея, и ему казалось, что к чтению все примешивалось его собственное разумение. Ему никак не удавалось обрести крепкую веру, потребную для такого чтения. Он верил и все же он не верил. Недоуменные вопросы закрадывались ему в голову: почему Бог, который всемогущ, наслал ветер, чтобы собрать локусты? Зачем он ожесточил сердце фараона вместо того, чтобы немедленно проявить свое могущество? Он счел виновником этих вопросов Искусителя и ответил улыбкой на его происки. Он взглянул на огонь и сказал себе, что вполне мог бы отцать существование и огня, поскольку внешние чувства обманывают нас больше, чем собственные Слова Бога, ибо Он есть сама Истина. Здесь кроется причина, подумал он, того, что Бог открыл себя пастухам, а не философам.

Около десяти часов он пошел спать. Полчаса спустя он услышал грозный рев, как если бы все ветры мира слились воедино, по его телу пробежала сильная дрожь, и он почувствовал присутствие чего-то “неописуемо святого”. Какая-то невидимая сила швырнула его лицом на пол. Он попытался подумать о том, что бы это могло быть, и вдруг невольно закричал: “О, Господи Иисусе! Ты, одаривший своей великой милостью столь великого грешника, сделай меня достойным этой благодати!” Он сложил руки и стал молиться, и вдруг невидимая рука крепко сжала в темноте его стиснутые ладони. И он ощутил себя лежащим в Его объятьях, и он предстоял Ему лицом к лицу.” Лик его невозможно описать... Его облик был, однако же, и такой, каким он был в Его земном бытии. Он заговорил со мной и спросил, есть ли у меня свидетельство о благосостоянии.* Я ответил: “Господи, ты знаешь сие лучше меня!” – “Ну, тогда действуй”, – сказал он. Эти слова Сведенборг понял как “Люби меня воистину” или “Делай то, что ты обещал”. И Сведенборг добавляет здесь: “Господи, ниспосли на меня свою благодать для этого. Я понял, что сие было выше моих сил. Я проснулся, весь дрожа”.

В состоянии какого-то полусна он размышлял над тем, что произошло. “Что бы это могло быть? Видел ли я Христа, Сына Божьего?” Было бы грехом сомневаться в этом. Но нам завещано испытывать духов. Он припомнил, как был подготовлен к этому переживанию, как упал ничком на пол, и как слова молитвы слетели с его уст. “И я постиг, – заключает он – что сам Сын Божий сошел с таким шумом и бросил меня на землю и дал мне слова молитвы. И я сказал себе: “Это был Сам Христос!” И я стал молиться о даровании мне благодати и любви, ибо сие было сотворено Иисусом Христом, а не мною самим... Время от времени меня сотрясали рыдания, но то были слезы не скорби, а величайшей радости. Радости о том, что Наш Господь соблаговолил оказать столь великую милость столь недостойному грешнику”.

Сведенборгу явилась мысль, что кое-кто мог бы принять его за святого и поклоняться ему. Это было бы великим грехом. В молитвах он заверял Господа, что никогда не допустит в своей жизни столь тяжкого греха. Только Иисус достоин поклонения. Сам же он был ничтожнее других, и грехи его были тяжелее, чем грехи других, ибо источник их лежал еще глубже. “Вот что я понял теперь в отношении духовных предметов – что для этого нужно только умалить себя... Святой Дух открыл мне сие, но я, в своем глупом разумении, пренебрег этой истиной, которая есть основание всего.”

25-е апреля Сведенборг провел приятный день в обществе своего друга, Гинриха Поша, в Амстердаме. “Я был в обществе моих старых знакомых, – заявляет он, – и ни один из них ни в малейшей степени не заметил во мне перемены, которая случилась во мне по милости Божьей... Но я не смел сказать об этой милости, мне оказанной. Ибо я знал, что сие побудило бы людей лишь толковать мои слова на разные лады сообразно своему разумению”.

Он отмечает, что любовь к себе постоянно вмешивается в его жизнь и приводит в качестве примера своей гордыни то, что, когда кто-нибудь не оказывал ему должного почета, он всегда думал: “Если бы только он знал, какой милости я удостоился, он бы вел себя иначе!” Он молился о прощении этого греха и даровании другим такой же милости. И он добавляет: “Возможно, они обладают ею или будут обладать”.

Однажды он услышал, как его соседа за столом спросили, может ли печалиться человек, у которого есть много денег? Он улыбнулся про себя. Если бы этот вопрос задали ему, он ответил бы, что тот, кто имеет все в изобилии, подвержен еще более безутешной печали, нежели печаль ума и души.

“Я имею возможность жить богато только на мои доходы. Я могу делать все, что я пожелаю, и все равно иметь избыток средств, так что я могу засвидетельствовать, что печаль и меланхолия, которые происходят из недостатка средств к существованию не столь тяжелы и касаются лишь тела, и им не сравниться с печалью другого рода...”

Проходя мимо книжной лавки, он вдруг подумал, что его труды могут воздействовать на умы людей больше, чем книги других.

“Но я тут же обуздал себя мыслью о том, что каждый человек служит другому и что Господь имеет тысячу способов подготовить каждого, так что каждая книга должна быть предоставлена своим достоинствам...”

Однажды он не ответил на приветствие некоего знакомого за столом, чем тот был весьма обижен. Желая загладить свою вину, Сведенборг в конце концов сказал, что часто пребывает в глубокой задумчивости и не замечает, когда кто-нибудь приветствует его, и проходит мимо друзей на улице, не узнавая их. Он призвал в свидетели другого знакомого, который подтвердил правоту слов

Сведенборга. “Никто не заботится так, как я, о соблюдении правил вежливости”, – замечает он.

Он отмечает, сколь сильно его влечение к занятием анатомии, и признает, что охотнее изучал бы философские предметы, нежели духовные. Он не только любит бывать в обществе, но ему даже нравится похвалиться своими трудами. Его преследовал страх, что кто-то или что-то отвлечет его от работы исключительно ради любви к Богу. Это было бы духовным распутством, в которое его постоянно заманивали некие духи. Но если на первое место поставлена любовь к Богу, нельзя иметь никакой другой любви. Человеческое разумение должно быть полностью уничтожено, и это дело Бога, а не человека. Он провел весь день в молитве, посте и чтении Библии. Он признал себя нечистым с головы до ног и молил Иисуса помиловать его. В конце концов он почувствовал, что ему было дано принять веру, не примешивая к ней свое разумение. Ранним утром, перед пробуждением, он увидел перед собой сияющий круг, который представлял бесконечную любовь, любовь, которая наполнила его бренное тело неизъяснимой радостью:

“Тогда я постиг в духе, что проистекающее из самого центра, каковой есть любовь, -- это Дух Святой... Когда человек обладает любовью, сосредоточенной не на себе, а на общем благе и существующей ради Христа, – тогда он пребывает в истине. Христос – это венец всего.”

И в конце концов, после множества внутренних борений, Сведенборг почувствовал уверенность в том, что Иисус помог ему победить и что цель его занятий будет достигнута.

“Я не хочу принадлежать самому себе. Я уверен и верую, что ты, о Боже, позволишь мне быть Твоим все дни моей жизни и Ты не возьмешь от меня Твой Святой Дух, который укрепляет и поддерживает меня!”

Он увидел, что его дух-хранитель был с ним с самого детства, что он получил свои таланты для того, чтобы славить Бога и что он не будет достоин жить, если не пойдет по истинному пути. А что до удовольствий, богатства, почестей, то все это представало ему теперь суетой.

Бог в самом деле обращался к нему, но он смог понять лишь малую часть этого обращения, ибо оно состояло из символов, почти непонятных ему. Во сне он видел женщину, которая владела очень красивой усадьбой, и он прогуливался с ней там. Он собирался жениться на ней. Оно обозначала благочестие и мудрость. Все “аффекты” (чувства) представали ему в образах женщин. Было замечено, что мистики, стремясь выразить любовь к Богу, которую они переживали в минуты религиозного экстаза, заимствовали из земной любви ее словарь и даже ее физические образы. В видениях Сведенборга тоже часто окрашены в эротические тона. Хорошо знакомый с человеческой физиологией, Сведенборг мог понимать значение сексуальных снов и честно описывать их. “Такие предметы будут нечистыми для мира, но сами по себе они чисты”, – говорит он после одного из таких интимных описаний. (24 апреля 1744 года). Благородные девственницы символизировали истины и его любимые философские занятия, и его союз с ними обозначал его любовь к мудрости. Соблазны, удерживавшие его, представали в образах уродства. Так, неприятный сон означал, что он должен посвятить свое время чему-то более возвышенному и не писать о низменных мирских предметах.

“Господи, осени меня своей милостью и просвети меня дальше”, – молил он.

*

Все это время Сведенборг находился в Голландии, готовя к печати “Животное царство”, первые два тома которого уже были готовы. Весной 1744 года он увидел во сне корабль и счел это указанием на то, что ему нужно продолжить работу в Англии и поэтому решил напечатать третий том там. Он преподнес два готовых тома своему другу, шведскому послу Прейсу, и 13 мая отплыл из Амстердама, а уже через два дня, 15 мая, сошел на берег в Гарвиче. По английскому календарю это было 4 мая.

В ночь перед прибытием в Англию ему приснилось, что он рисует некий красивый узор для гравюры по меди – предзнаменование того, что скоро он создаст нечто красивое. Этим шедевром стала его следующая книга “Почитание и любовь к Богу”.

Видел Сведенборг и другой сон – о “благочестивом башмачнике, который был со мной на корабле”. Этим “благочестивым башмачником”, которого он встретил в дороге, был Джон Сенифф, член общины Моравских братьев,* возвращавшийся в Лондон после визита к своим детям в Голландии. Сведенборг попросил его порекомендовать ему семью, у которой он мог бы остановиться в Лондоне, и Сенифф, служивший сторожем немецкого прихода в Лондоне, сначала поселил Сведенборга у себя в доме, а потом познакомил его с Джоном Брокнером, гравировщиком на Флит-стрит, у которого спустя четыре дня и остановился Сведенборг. Брокнер принадлежал к той же общине, и собрания его братьев по вере проходили у него в доме. Некоторое время Сведенборг посещал часовню Моравских братьев на Феттер Лейн, но так и не стал членом их общины. Он ходил в шведскую церковь, там причащался и делал денежные пожертвования.

О Моравских братьях он пишет в своем дневнике следующее:

“В силу разных обстоятельств я попал в часовню, принадлежащую Моравскому братству, которые утверждают, что являются истинными лютеранами и чувствуют действие Святого Духа, в чем и уверяют друг друга... Мне, вероятно, не дозволено стать членом их братства. Их часовню мне было дано увидеть за три месяца до того, как я пришел туда, и все, кто присутствовал там, были облачены в священнические одежды” (Май, 19-20).

Сведенборг вел уединенную жизнь, но поддерживал дружеские отношения с Брокнером, и часто беседовал с ним. Брокнера, несомненно, очень интересовал его необычный постоялец, столь поглощенный духовными делами. Можно только предполагать, что возвышенное духовное состояние, в котором постоянно пребывал Сведенборг, влияло на атмосферу всего дома. Однажды он два дня просидел взаперти в своей комнате, не пуская в нее даже горничную. Он сказал, что хочет быть один, ибо занят большой и важной работой.

Моравские братья определенно были разочарованы тем, что Сведенборг не захотел присоединиться к ним. Восхитительные вещи, которые он переживал, лежали за пределами их общины, и это им, наверное, не нравилось. В июле он покинул Брокнера и поселился в другом месте, сославшись на то, что хозяева мешают ему работать. Перед самым отъездом Сведенборга случилось неприятное происшествие, которое много лет спустя дало пищу для слухов о том, что Сведенборг был сумасшедшим.

Рассказывают, что два еврея, обнаружив Сведенборга лежащим в его комнате без чувств, украли у него золотые часы. Позже Сведенборг обнаружил, что они вытащили часы из его подушки. Вору уверяли, что Сведенборг сам, будучи в беспамятстве, вышел на улицу и выбросил часы в канаву.

“Друзья мои, вы знаете, что вы говорите неправду”, – отвечал Сведенборг. Но когда некто посоветовал ему обратиться в суд, он отказался, сказав: “Своим поступком они навредили себе больше, чем мне. Да сжалится над ними Господь”.

Теперь Сведенборг работал над третьим томом “Животного царства”, посвященного органам чувств, но перед ним открывались новые пути мысли, и в голове у него рождались новые планы. Во сне он увидел прекрасный дворец, в котором он хотел жить, чтобы иметь возможность всегда видеть перед собой рожицу финиковых деревьев вдоль рва, окружавшего дворец. “В дальнем конце одного крыла дворца было открыто окно, и я подумал, что хотел бы жить там. Дворец может означать план моей работы” (июнь 15-16).

Однажды, в дремотном состоянии, он снова пережил “священный ужас” и увидел перед собой кого-то. “Это был, должно быть, святой ангел, ибо я не был брошен лицом к земле”. Он увидел этого ангела, по его словам, “внутренними чувствами, отделенными от внешних”. Это было первое в длинном ряду подобных видений, которые с течением времени становились все более частыми и ясными.

Впервые он пережил посещение духа 21 сентября. Сведенборг сидел, глубоко погруженный в свои мысли, когда он вдруг услышал слова: “Придержи язык или я ударю тебя!” Это происшествие напугало его, и он воспринял его как предостережение не уделять так много времени научным занятиям, особенно по воскресеньям и в вечернее время. Он и вправду был неутомимый работник. Он закончил переписку двухсот страниц *in folio* менее чем за полтора месяца! Такая поразительная скорость была возможна только потому, что его ум был необычайно ясен и не ведал стеснений. По его собственным словам, он “пребывал в продолжительных и глубоких размышлениях, свободных от забот и тревог”. Искушения преследовали его в духовной жизни. В делах он был осмотрителен, в общественной жизни скромнен, и временами он принимал участие в каких-нибудь приятных развлечениях.

Работая над продолжением своей большой книги, он увидел однажды во сне, что пьет небесный нектар, – знак того, что помощь в его работе ему будет оказана свыше и что Высшее Существо использует его как свое орудие. “Я подобен его орудью, с которым он делает все, что ему хочется... Я хочу стать орудием, которое поразит дракона!”

Искушения все еще преследовали его. Соблазненный лестью, он похвалялся своими трудами. “Никто из смертных, но только Бог может помочь мне!” – восклицает он в отчаянии, и ему снится он, в котором его хочет поднять на рога огромный черный бык. “Ты будешь в целостности и сохранности”, – говорят ему. Его не оставляло предчувствие, что с ним что-то случится, когда он закончит первую главу, посвященную органам осязания. Это предчувствие сбылось, ибо вскоре Сведенборгу снова приснился тот же самый прекрасный дворец, который он однажды видел во сне, и этот дворец был весь залит солнечным светом. “Мне было сказано, что я смогу стать членом того общества, – как бы бессмертным – который никто из людей не видел, если только он не умер и не возродился вновь к жизни”.

В голове его рождался план новой книги. Ее название пришло к нему во сне. Она должна была называться “Божественная книга о поклонении и любви к Богу”. И в своем видении он прозрел, что этой книге надлежало быть совсем непохожей на его предшествующие труды, ибо она должна была родиться из

любви совсем другого рода. Но он пребывал в сомнении относительно того, не воспримут ли ее другие как заурядное пустословие, как пустую забаву. Он даже порывался забросить ее, но ему были даны силы продолжать ее (октябрь 6-7).

Два дня спустя он записал:

“Прошлая ночь была прекраснейшей в моей жизни, потому что я видел Царство Невинности. Я видел перед собой самый красивый сад, какой только можно представить. Потом я вошел в длинную залу, где стояли прекрасные белые сосуды с молоком и хлебом. И ко мне подошел красивый невинный ребенок... Все это означало, что я был в Царстве Невинности. Я проснулся, сокрушаясь о том, что мне пришлось покинуть его...”

Ему казалось теперь, что он вообще перестал понимать религию, но что Бог научит его заново, ибо он достиг состояния, когда он не знал ничего, а всего его готовые мнения были от него отняты. Вот так, говорит он, начинается познание духовных предметов. Сначала ты должен уподобиться ребенку, а потом в тебе вскормят знание. Те, кто стараются помочь себе найти дорогу на Небо, трудятся напрасно и постоянно рискуют погубить себя, но найти этот путь легко, когда человек поворачивается к Богу.

Но суетные мысли не отпускали его. Собака, которая, как полагали, была на привязи, набросилась на него и покусала ему ногу. Это происшествие Сведенборг объяснил как последствие того, что случилось за день до того, когда он находился на лекции в Лондонском врачебном совете и был “настолько легкомыслен, что вообразил, что обо мне могли бы упомянуть как о хорошем знатоке анатомии”.

Многое в своей жизни Сведенборг воспринимал теперь как знак божественного водительства в его трудах. Ему было наказано “ни брать ничего чужого и ничего не предпринимать без Христа”. С необычайной проникновенностью он описывает, как ему было показано, что теперь он должен совсем оставить научные изыскания и обратить свой взор на более возвышенные предметы. Печальные заметы сердца!

“Когда я шел с другом по длинному проходу, к нам приблизилась прекрасная девушка, которая со стоном упала к нему в объятия. Я спросил ее, знакома ли она с ним. Она не ответила. Я взял ее за плечи и повел прочь от него. Это означало, что я должен был начать новую работу” (октябрь 26-27).

Позднее однажды утром, когда он только что пробудился, ему вновь явилось свечение подобное тому, которое он созерцал шесть или семь лет тому назад, начиная работу на “Экономией животного царства”. На сей раз свечение было тоньше. Он бросился ничком на пол. Свечение прошло. На какое-то время он погрузился в беспамятство. Как и в прошлый раз, это означало для него, что его сознание было очищено от всего, что могло стать преградой для его мыслей.

Так заканчивается его поразительный дневник снов за исключением последней записи, датируемой маем 1745 года.

Глава Поклонение и любовь к Богу

По-видимому, Сведенборг начал работать над книгой “Поклонение и любовь к Богу” 7 октября 1744 года. Он бросил писать книгу “О чувствах”, которая частично уже была напечатана. Черновик новой книги был закончен в необычайно короткий срок.

Весна его жизни была уже позади, Сведенборг жил в Лондоне один, грустный и неприкаянный, съедаемый, наверное, ощущением внутренней опустошенности

с тех пор как его работа, последняя в ряду философских сочинений и в известном смысле являющая венец его трудов, была закончена. Венец – чего? Призыва к людям предаться созерцанию Бога и стремления показать, посредством рассуждений и доказательств, то, что он постиг сам благодаря упорным занятиям – что конец всех концов есть Божественное и возвращение к Божественному. Его угнетали очевидные признаки того, что ученое сообщество не имело желания принять его труды и что он был совсем одинок. Он мог прочитать теперь рецензии на “Животное царство” и убедиться, как далека была читающая публика от того, чтобы понять его. Он жил вдалеке от своей страны, своего народа, даже когда он по своему обыкновению прогуливался в английском парке, что было одним из немногих занятий, доставлявших ему удовольствие с тех пор, как весной этого года он ступил на английскую землю. Но его печаль перешла в серьезное созерцание:

“Прогуливаясь однажды в красивой роще с желанием рассеять свои тревожные мысли и видя перед собой деревья, источавшие ароматы лета,.. я перестал грустить и стал серьезным, задумавшись о превратностях бытия. И я подумал, не проходит ли и моя жизнь через подобные же перемены, а именно: не то же ли самое случается с нашими жизнями, что и с деревьями; ибо очевидно, что и они начинаются с чего-то подобного весне и цветению, проходят через лето и быстро клонятся к старости, образу осени. И сие происходит не только с жизнями отдельных людей, но и с целыми зонами мирового бытия...”

Если возможно рассказать в одном сочинении о целой жизни духовного роста, собрать вместе мечты детства, наставления родителей, плоды обучения в юности, поэзию возмужания; если возможно свести воедино взгляды зрелого человека на общественное устройство, его представления о космосе, его опыт изучения анатомии и соединить все это с опытом внутренних прозрений и потом изложить все это под одной обложкой – вот тогда получится книга, подобная “Поклонению и любви к Богу”! Ибо в этой книге Сведенборг подводит итог своим жизненным трудам и возлагает их к подножию Верховного Судии своего разума. Как восточный сатрап, он раскладывает всю поклажу своего каравана перед троном монарха.

“Я увидел, что вся моя жизнь была приуготовлением” – писал он, комментируя один из своих снов. Теперь подготовка была почти закончена, и об этом Сведенборг написал в своей книге со всей почтительностью разума и любовью сердца, где отныне все чувства были подчинены любви к Богу.

Блестящий прозаический эпос, рожденный этим сплавом, представляет собой полупоэтический пересказ истории творения. Он не был совсем оторван от “Животного царства”, но являлся, скорее, его продолжением, ибо в “Перспекте” к этой книге Сведенборг указывал, что ее последняя часть будет посвящена Граду Божьему, рассматриваемому как вене всего творения. При столь высокой цели не приходится удивляться тому, что эту книгу украсили все умственные достижения ее автора.

“De Cultu et Amore Dei” – это книга, написанная скорее для ангелов чем для своих человеческих братьев. Кажется, что ее автор, потеряв интерес к спорам с теми, кто привыкли полагаться только на данные своих органов чувств, данные, которые ничего не сообщают о духовных предметах, теперь захвачен желанием соединиться с умами, пребывающими за пределами узкой земной сферы. Он размышляет:

Как прекрасно было предначертанное рождение девственной Земли от родительского лона Солнца! Как восхитительны вечная весна, райский сад, где

бесчисленные потоки текут бурливо от своих истоков, растекаясь среди зеленых лугов и орошая собою яркий ковер из живых цветов, устилающий землю! Сколь обильно было потомство в этом царстве непрерывного цветения, где землю источала всюду молоко и мед! Здесь каждое чувство могло быть насыщено вполне, но пока еще здесь не было существа, которое могло бы радоваться всем этим красотам и по раю на земле познать рай небесный или воздать вечное благодарение Богу, возвращая тем самым дар самому Дарителю.

В тенистой роще стояло дерево, на котором висело драгоценное яйцо, и в это яйцо, как в прекрасный алмаз, природа вложила свои высшие силы. В этом яйце, висевшем на Древе Жизни, имелось все необходимое для последовательных стадий рождения Перворожденного. По прошествии времени зародыш пробил скорлупу и втянул воздух в ноздри, приветствуя мир поцелуем. У родильного ложа стояли обитатели небес, радовавшиеся появлению на свет младенца – надежды всего человеческого рода. Лежа на спине со сплетенными над головой нежными руками, он пошевелил губами, словно благодаря почтительно своего Верховного Родителя не только умом, но и самой своей позой, выражающей благодарность за то, что труды природы наконец нашли в нем свое завершение.

Перворожденный получал наставления от олицетворений Мудрости и Ума, в жилах которых текла не кровь, а любовь; благодаря их присутствию человек поднимается над дикими существами. Они говорят ему, что его разум – это почва, которую освещают лучи Светоча Разума, полные небесного сияния и любви. Они говорят ему: “Всякая жизнь духовна, и дух – сущность мира, и Сам Бог есть единственная подлинная сущность. Творение есть излучение от Бога, и ничто в мире не может возникнуть, не имея формы, от которой оно получает свои способности и свойства”.

Они говорят ему, что существуют два пути к познанию своего разума: один снизу, а другой сверху. Бог, Великий Архитектор, предусмотрел также связь между Небесами и этим миром, чтобы даже ничтожнейшие существа смогли вернуться в высшие сферы. Эта связь есть Князь мира сего, существо, наделенное великим могуществом, государь пяти органов чувств. Его дворец – это *animus*, или нижний уровень сознания. Но этот князь был настолько упоен своим могуществом в земном мире, что захотел царствовать также и на небесах. Его бунт закончился тем, что он был закован в цепи и превращен в исполнителя приказов Бога. Ненависть к Богу мучает его.

По прошествии времени Перворожденный приходит в отдаленную рощу и там, как будто во сне, видит Нимфу, свою будущую невесту. Прекрасная дева однажды видит свое отражение в фонтане, изумляется ему и узнает от своих “Наперсниц ума” о свойствах души и ума, о тайнствах человеческого тела и совершенствах жизни. Ей также сообщают, что неподалеку есть другое существо, которому предназначено быть ее спутником в жизни.

Потом Перворожденный видит Нимфу наяву, окруженную сонмом своих “наперсниц”, узнает в ней ту, которую уже много раз видел в своих снах. Он нежно обнимает ее и называет ее своей невестой. В их брачное утро, “когда они оба пробудились одновременно от сладчайшего супружеского сна, яркий луч, упавший с небес, пробежал по их лицам, прогоняя негу и привлекая их внимание к чему-то другому, нежели они сами. И в самом средоточии небес явилось нечто, что долженствовало обозначить вселенную со всеми ее судьбами и глубочайшими истинами...”

Новой паре, явившей собою цельность бытия, были показаны цель и назначение всех человеческих жизней. Им было явлено, что все в мире, служит вящей славе Бога, цель которого состоит в том, чтобы создать царствие небесное, или святое сообщество, как некое тело, душой которого он будет сам. Вокруг центра ослепительного сияния они увидели кольцо багрового пламени, в котором находились прекраснейшие лики и формы, осиянные желтыми отблесками. Это видение преобразилось в круговорот, имеющий форму сердца, который испускал и вбирал в себя ослепительные лучи. Так были явлены им средства и цели Верховного Разума – стремление Бога сотворить из человечества небесное сообщество.

Это видение, которое напоминает образ, однажды виденный Сведенборгом во сне, составляет третью часть книги, которая осталась незаконченной. Он опубликовал вторую часть в середине марта 1745 года и приступил к печатанию третьей части. Но прежде чем он окончил эту работу, его духовный опыт дал новое направление его жизни, и печатание книги было прервано в середине апреля 1745 года.

Несколько странно, что наше знание об этом критическом моменте происходит не от самого Сведенборга, а от дословной записи его рассказов, принадлежащих другу. Ибо, хотя Сведенборг явно упоминает об этих событиях в двух местах своих рукописей, он нигде не описывает природу того, что произошло с ним.

Он обедал, несколько позже чем обычно, в таверне, где часто закусывал и имел свой кабинет. Он был голоден и с жадностью поглощал еду, мысли же его были по-прежнему устремлены к небесным предметам, скрытым от людского понимания.

К концу обеда у него внезапно потемнело в глазах, и он увидел, что пол в кабинете покрыт отвратительными ползучими гадами вроде змей и жаб. Сведенборг рассказывал:

“Я был поражен, ибо я был в полном сознании и владел своими чувствами. Тьма сгустилась, а потом вдруг рассеялась, и я увидел, что в углу комнаты сидит человек. Его слова весьма меня напугали, ибо он сказал мне: “Не ешь так много!”

Передо опять сгустилась темнота, но через мгновение она рассеялась, и я увидел, что по-прежнему один в комнате. Это неожиданное происшествие заставило меня поспешить домой. Я ничего не сказал хозяину, но глубоко обдумал случившееся и пришел к выводу, что это не могло быть случайностью или явлением, порожденным физической причиной.

Ночью мне явился тот же самый человек. На этот раз я не почувствовал страха. Он сказал, что он – Господь Бог, Творец и Спаситель мира и что он избрал меня для того, чтобы возвестить людям духовный смысл Писания; и что Он Сам объявит мне, что я должен написать.

И той же ночью мне были открыты со всей ясностью мир духов, небеса и ад. И с тех пор я оставил всякое писание о земных предметах и посвятил свои труды духовным вещам”.

Это сообщает нам близкий друг Сведенборга Карл Робзам, управляющий Стокгольмского банка и член-корреспондент Академии Наук, который расспрашивал Сведенборга о его сношениях с потусторонним миром. Рассказ Робзома можно сравнить с одним случаем, о котором сообщает Габриель Бейер, первый последователь Сведенборга в Швеции:

“Сообщение о явлении воочию Господа ассессору, который видел Его сидящим в пурпурных одеждах царя у его постели и который дал ассессору Сведенборгу

свое поручение, я слышал из его собственных уст на обеде в доме доктора Розена, где я впервые встретил этого господина преклонных лет. Я помню, что спросил его, как долго это продолжалось, на что он ответил: “Около четверти часа”. Еще я спросил, не повредило ли сильное сияние его зрение, и он сказал: “Нет”.

Это событие, несомненно, и стало причиной того, что третья часть “Поклонения и любви к Богу” не была напечатана. Или – если угодно сказать так – возвышенная цель этой работы была в самом деле достигнута, но совсем не так, как представлял себе это Сведенборг. Ведь дальнейшее повествование должно было касаться грехопадения человека и его возвращения к совершенству как цели всего творения. Но если путь назад шел через Слово Божие, то есть своя логика в том, что в этот момент внимание Сведенборга должно было обратиться на объяснение Слова. Ибо смысл третьей части заключался в том, что человек должен возвыситься, через поклонение, до любви к Богу.

Что можно сказать об этой удивительной книге, в которой так возвышенно соединяются наука и поэзия?

Ее можно рассматривать как аллегорию, описывающую возникновение человеческого разума. Под Первородным здесь понимается не индивид, но Разум всего человечества, назначение которого и раскрывается в его опыте. Здесь нам является душа в ее первичной чистоте и, более того, здесь мы находим рассказ – выраженный в символической форме – о мужании разума самого Сведенборга. Ибо здесь подводится итог всех периодов его жизни, его занятий естественными науками, философией, анатомией и психологией, которые находят завершение в мистическом поклонении Богу.

Эта книга связывает его философию с высшими способностями воображения, которые Сведенборг начал открывать в себе. Она представляет духовные идеи в чувственных образах. Она представляет, в самом Сведенборге, обретение вновь потерянного рая!

Ибо Адам был новой волей и новым пониманием Сведенборга, новым человеком, сотворенным одним Богом. Когда в книге говорится о страстном желании Первородного узнать, откуда в его сознание входит чувство великого добра, можем ли мы не видеть, что Сведенборг говорит о самом себе? Подобно Адаму, он видел себя в объятиях Божественной Любви и слышал слова, обращенные к нему:

“Мой сын, у меня есть и твоя мудрость, и ты сам. Между любовью одного и другого нет связи крепче, чем мудрость. Как горячо желаешь ты знать, откуда приходит в мир счастье жизни! Не спрашивай более об источнике. Ты пребываешь в сокровеннейшей его глубине. Любовь, которой ты обнимаешь меня, происходит от меня. Мне угодно, чтобы ты чувствовал ее в себе. Ибо такова природа души”.

*

О смысле и значимости этой работы Сведенборга говорили очень разное. Один шведский поэт, много лет спустя, сказал, что в “Поклонении и любви к Богу” “содержится достаточно поэтического вдохновения для целой дюжины поэтов первой величины, если его разделить поровну”. Совсем иначе оценили книгу Сведенборга при его жизни. Слова автора о том, что к этой работе нужно отнести как к досужему разговору, оказались вполне оправданными, когда он

увидел посвященные ей обзоры в различных литературных журналах. Критики недоумевали: было ли единственным мотивом автора простое желание дать читателю несколько мгновений приятного отдохновения? Может быть, он хотел написать пьесу, поскольку книга разделена на сцены?

Неспособность критиков понять смысл его книги не было неожиданностью для Сведенборга. Он вполне предвидел ее. Но обвинения, прозвучавшие на страницах “Библиотеки разума”, в том, что его рассказ несовместим с библейской историей творения, по-видимому, задело его за живое. Ибо в скором времени он написал сочинение, озаглавленное “История творения, как она изложена Моисеем”. В этой книге он подробнейшим образом составляет библейским текст с собственной поэтической версией и приходит к выводу: “Сравнив эти два рассказа с предельной тщательностью, я поразился их совпадению”.

Позднее он скажет, что, независимо от того, был ли человек непосредственно сотворен из земли или вышел из яйца посредством некоего растения, “он в любом случае сделан из праха, ибо все, что проходит через корни растений идет из земли”.

Сведенборг надеялся, что его книгу поймет и оценит кто-нибудь из ученых людей. Он послал первую часть послу Прейсу в Гаагу с просьбой прочесть ее и, если он отнесется к ней благосклонно, раздать высланные им еще четыре экземпляра возможным читателям по своему усмотрению, “особенно ученым людям среди министров иностранных дел”.

“Поклонение и любовь к Богу” содержит пассажи, свидетельствующие о том, что Сведенборг в период написания этой книги разделял различные теологические тезисы лютеранской веры, в том числе догматы о присутствии трех лиц в Боге и о личностном дьяволе, который был сотворен ангелом света, но взбунтовался и был изгнан с небес.

Спустя несколько лет после смерти Сведенборга один англичанин написал секретарю первого общества, занявшегося распространением учений Сведенборга, и в своем письме спросил о степени истинности “Поклонения и любви к Богу”. Ответ был таков:

“Книга, несомненна, основана на истине, но в нее закрался и некий личностный момент, поскольку автор в ней довольно свободно обращается с латынью по причине того, что над ним нередко посмеивались из-за упрощенности его латинского стиля”.

*

Материал для произведения искусства редко бывает вполне оригинальным, ибо художники целиком принадлежат своему времени и прошлому и играют с образами, которые уже присутствуют в сознании их читателей.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ЦАРСТВО БОЖИЕ (1745-1772)

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ Изучение Библии

Печаль, обволакивавшая ум нашего философа, уступила место великому спокойствию и довольству. Из вихрей сомнений он вышел в безмятежные воды

духовной уверенности. Сведенборг больше не чувствовал себя одиноким, непонятым. У него появилось свое общество – но в другом мире. И неважно, что никто здесь не догадывался о его существовании. Ему больше не было нужды думать о взглядах ученых людей, которые видели не дальше того, что могли показать им их микроскопы. Он знал теперь, Кому служит, и чувствовал, что ему открылось великое, доступное лишь немногим, предназначение. Вместо беспокойных снов он общался теперь с духами и ангелами, и в его видениях всегда присутствовала спокойная уверенность в том, что его ведет сам Бог.

Сведенборг по своему обычаю отнесся к своему новому заданию методически. Раскрытие духовного смысла Писания требовало тщательного исследования Библии; поэтому его первым начинанием было составление полного индекса Старого и Нового Завета. Он ничего не пытается разъяснить. Его “Библейский индекс” – это просто список в алфавитном порядке, занимающий три фолианта. Работа над ним занимала его до конца пребывания в Лондоне и еще три года, когда он жил в Швеции и Голландии. Сведенборг открыто утверждает, что он не читал книг по теологии, но, возможно, благодаря семейному воспитанию он был больше других знаком с Библией, основы всех лютеранских наставлений. То было время, когда люди тратили много часов в неделю на слушание проповедей и разные благочестивые занятия, даже несмотря на то, что многие начали терять свою веру оттого, что Библию перестали понимать правильно.

Чтобы проследить путь, пройденный Сведенборгом, здесь будет полезно обратиться к его ранним попыткам истолкования. Большое собрание заметок, сделанных им в ходе его углубленного изучения этого предмета, теперь опубликованы под заголовком “Записная книжка философа”. Много страниц в ней заполнено сравнительным изучением понятий, связанных с такими словами, как благо, истина, разум, воображение, память и сотнями других, о которых толковали Платон, Аристотель, Лейбниц, Декарт, Мальбранш, если ограничиться упоминанием только наиболее известных философов.

Его первой попыткой построить систему из изучения слов как символов нематериальных идей была рукопись “Иероглифический ключ”. Она была написана, по-видимому, незадолго до октября 1744 года, когда Сведенборг наблюдал за печатанием последнего тома “Животного царства”. Именно в этом сочинении Сведенборг, кажется, впервые высказывает намерение приложить результаты своих научных исследований к толкованию священных текстов, ибо в заключительной фразе книги он говорит:

“Дозволительно так толковать Священное Писание, ибо дух говорит естественно, равно как и духовно”.

Короткое сочинение “Соответствия и представления” открывается этой же мыслью, выраженной почти в тех же самых словах:

“Дух говорит о природных вещах духовно... природный человек говорит о духовных вещах естественным образом. Говорить чисто духовно не есть свойство человека... ангельская же речь есть чисто духовная речь, которая не словами выражается...”

В этой работе, таким образом, он начал нащупывать *метод*, с помощью которого стала бы возможным подобное истолкование Священного Писания. Здесь он в первый раз занялся поиском духовных эквивалентов естественных слов. Он просматривает Библию с целью отыскать слова и выражения, которые используются как *аллегории или типы*, которые хранят в себе духовные идеи. Он находит эти аллегории и типы в истории о Змие в раю, и в видении Якова о лестнице, ведущей на небо, и в апокалиптическом рассказе о Сыне

Человеческом и семи свечах. Иногда соответствия даны вполне открыто, говорит он, как, например, в утверждении о том, что “прекрасная ткань – это добродетель святых”. Книги, подобные Притчам Соломоновым, полны указаний на соответствия, “но поскольку их чувства не украшены пышной одеждой слов, которая в ходу в наше время, мы считаем их слишком простыми и презираем их в душе, хотя на словах утверждаем обратное”. Он спрашивает, не равен ли весь Сенека по своей значимости одному лишь высказыванию Давида или Соломона и добавляет сокрушенно:

“Если бы кто-нибудь в наше время стал писать как Давид, его сочли бы невежей. А если бы кто-нибудь стал писать, как Соломон, его назвали бы простодушным моралистом, не дошедшим даже до порога мудрости... Воистину, если бы кто-нибудь стал говорить, как Христос, в глазах современных людей он говорил бы вещи слишком простые и невзыскательные”. Далее Сведенборг дает духовное истолкование Иисусовой молитвы, разбирая ее фраза за фразой и показывая, что она относится к пришествию Царства Божьего. С упадком религии Бог стал использовать вещи, которые привлекают наши органы чувств, как то: величественные храмы, жертвоприношения, алтари и обряды. Но все это только внешний признак истинной церкви, и если мы примем это за сущность религии, мы впадем в идолопоклонство. Образы использовались для того, что люди могли открыть в них тайны божественные и духовные. Они – типы, посредством которых человеческий ум может постигнуть Божественный Дух. Но они почти утратили свой смысл с течением времени.

“Все наши слова... как маленький хаос, который мы не можем понять, как, например, происходит со словами солнце, воздух, человек, разум, тело. Ум знает, как присваивать имена всему этому, но что это такое? До тех пор пока не будет выявлено то, что сокрыто в них, эти слова останутся пустыми, ненадежными наименованиями”.

Первая попытка истолкования Библии в творчестве Сведенборга – это маленькое сочинение, написанное в конце 1745 года. Оно носит название “История творения, как она изложена Моисеем”. В ней Сведенборг фраза за фразой сопоставляет библейский текст со своей версией творения, изложенной в книге “Поклонение и любовь к Богу”. Ближе к концу книги он часто упоминает о приходе Мессии, который раздавит голову змия, о котором говорится в Книге Бытия. На последней странице он делает примечание:

Господь Иисус Христос, веди меня путями, по которым мне предназначено Тобою идти... Будь освящен и вдохновен Духом Божьим и Христовым и будь непреклонен в правосудии. Сие будет свидетельством Царства Божия”.

Эти торжественные слова, по-видимому, означают, что в это воскресенье ноября Сведенборг после горячей молитвы начал большую работу, названную им “Слово Разъясненное”. Он посвятил ей все свое время до февраля 1747 года. Можно было бы предположить, что одинокий ученый приготовился к трудам чисто интеллектуального свойства, к работе, преследующей скорее схоластическую, нежели практическую цель, но это было не так. Его цель определена им в первом параграфе “Слова Разъясненного”:

“Давайте рассмотрим Писание с целью поиска Царствия Божьего... Писание говорит о Царствии Божьем не в каких-то отдельных местах, а постоянно; ибо сие Царствие есть венец творения всех вещей, как небесных, так и земных”.

Сведенборг был уверен, что время пришествия Спасителя уже сочтено; он верил, что тайны Писания должны быть раскрыты для этого пришествия, и он чувствовал, что ему самому предназначено это совершить.

“Мессия грядет”, – писал он в ноябре 1746 года. “И да будет позволено предсказать, что это время уже близко”, – писал он в мае следующего года. Он полагал, что, поскольку в духовных вещах царил столь прискорбный всеобщий голод, близилось время прихода Спасителя в Его славе, и это пришествие свершится не буквально, а духовно. Это будет пришествие к тем, кто признают его духовно, в истинном смысле Писания. Можно было распознать признаки того, что кто-то уже послан оповестить об этом мир, и этим посланцем был Сведенборг!

Его прозрение было постепенным. Мало-помалу, говорит Сведенборг, он получил доступ к сокровенным смыслам вещей, и это произошло благодаря его усердным занятиям – не менее усердным, чем его занятия анатомией в предыдущие годы. Познание соответствий стало его непосредственной задачей. Он видел их во сне, и они “были продиктованы его мысли” – что, к примеру, означало понятие золота или серебра или посланника. Без откровения было бы невозможно познать подлинный смысл таких слов.

Чтобы Сведенборг мог понять разные способы ниспослания откровений, духам порою разрешалось водить его пером по бумаге или диктовать ему вслух, как это было с пророками. Но такие записи были уничтожены Сведенборгом.

“Я писал целые страницы, и духи полностью водили моей рукой, так что письмо было их делом”.

Случаи такого автоматического письма были редки, и каждый раз особо отмечались Сведенборгом в его дневниках.

“Когда я писал, они хранили молчание. Не позволялось говорить то, что диктовалось мне устно. Когда ко мне обращались голоса, письмо надо было прекращать, ибо мне было дозволено говорить только то, что исходило от самого Мессии...”

Позднее он прямо записал, что имел право передавать наставления, исходившие единственно от Господа. Это были *наставления в виде сознательного внушения уму, который был подготовлен науками к его восприятию*. Они пришли с тщательным, терпеливым изучением Библии.

“Я мог видеть наконец, что десница Божественного Провидения руководила моими поступками с ранней юности, чтобы я мог придти к этой цели; чтобы посредством знания природных вещей я мог познать вещи, которые сокрыты глубоко в Слове Божьем и так послужить орудием раскрытия их...”

Верьте мне, о читатели, ибо я говорю истину, что в каждом слове, исходящим из уст Бога Иеговы, содержатся вещи в высшей степени сокровенные и столь всеобщие, что они заключают в себе все сущее во все времена... Ибо во всяком высказывании, в котором Иегова изъясляет свое Слово и свой Дух Святой, присутствует Он Сам и тем самым – самое Бесконечное”.

Он считал Адама не только первым сотворенным человеком, но и родом существ, из которых будет состоять Царство Божие, существ, сотворенных по образу и подобию Божьему. Земной рай означал рай небесный. Состояние невинности Адама как раз и означало то, что он жил согласно небесному порядку, ибо небесная жизнь наполняла его до того момента, когда он вкусил запретный плод, то есть до тех пор, когда он стал полагаться на восприятие низшего порядка, обусловленное органами чувств.

“Слово Разъясненное” охватывает Пятикнижие Моисея и посвящено, главным образом, еврейской Церкви как предтечи христианства. По сравнению с другими современными учеными Сведенборг открыл более глубокое символическое измерение; однако речь шла, по его словам, не о “духовном смысле”, но скорее о “внутреннем историческом смысле”. Ибо в этой работе он предстает все еще учеником, пишущим с гораздо меньшей уверенностью и ясностью, нежели в позднейших трудах. Он часто терялся в догадках относительно внутреннего смысла слов. “Яне понимаю этих слов”, – говорит он, или: “Это все еще темно” и т.д. Внутренний смысл ему виделся как через экран. Он собирался напечатать эту работу. По его мысли, она должна была подготовить людей к принятию Господа, когда свершится Второе Пришествие. Его собственные духовные переживания не предназначались для публикации, и параграфы, посвященные им, были сняты. Что касается ученого мира, то он не ожидал от него ничего кроме неприятностей. “Они озлобятся, когда их наука будет опровергнута”. Но он не имел никаких сомнений и насчет того, какую роль уготовлено сыграть ему самому:

“Дабы люди не сочли мои утверждения баснями, я могу засвидетельствовать со святой честностью, что я был допущен в духовный мир Самим Спасителем, и сие свершалось постоянно в продолжение написания этих произведений, которые ныне становятся доступными публике”.

Каким образом необыкновенный опыт Сведенборг повлиял на его положение в обществе? Заметили ли его знакомые какие-нибудь перемены в нем, что-нибудь такое, что могло быть истолковано как признаки душевной неуравновешенности? В январе 1746 года он пишет:

“Во время моих разговоров с духами я находился пять месяцев с друзьями в своей стране. Я общался с ними, как прежде, и никто из них не заметил во мне способности к таким беседам с небесами. Иногда, находясь среди людей, я беседовал и с духами, и с теми, кто окружал меня... В таких случаях окружающие неизменно думали, что я погружен свои мысли...”

В течение этих двух лет Сведенборг лишь двенадцать раз отсутствовал на службе в Горном ведомстве. Он обсуждал проблемы металлургии, улаживал споры между рабочими рудников и часто, как старший член Коллегии, председательствовал на ее заседаниях в отсутствие главы ведомства. Ни для кого поэтому не было неожиданностью предложение Коллегии ведомства назначить Сведенборга его главой после того, как весной 1747 года прежний начальник Горного ведомства ушел в отставку. Однако в ответ Сведенборг подал королю прошение о новом отпуске необходимом ему для поездки за границу и завершения новых важных трудов. В течение более чем тридцати лет, напоминая он королю, он служил в Горном ведомстве, несколько раз выезжал за границу, опубликовал много важных трудов и не просил никакой компенсации за свои труды. Поэтому он просил Его Величество позволить ему получать в отставку половину его прежнего жалованья, не присваивая ему обычного в таких случаях почетного звания государственного советника.

Эту просьбу король удовлетворил тем охотнее, что ожидал от Сведенборга новых книг, которые принесли бы пользу его стране. Когда Сведенборг передал коллегам королевский указ, освобождающий его от обязанностей службы, все они выразили сожаление о том, что ведомство лишилось столь достойного человека и попросили ассессора посещать заседания Коллегии, пока не завершится рассмотрение дел, порученных ему прежде. Сведенборг согласился, и мы видим его присутствующим еще на пяти заседаниях.

17 июня 1747 года, накануне своего шестого заграничного путешествия, Сведенборг сердечно распростился со своими коллегами и навсегда покинул здание Горного ведомства.

Глава двадцать вторая Вместо чудес

Покидая Горное ведомство, Сведенборг хотел как можно скорее отправиться за границу, чтобы “найти уголок, где бы он смог закончить важную работу, которой был занят”. Это работой было “Слово Разъясненное”.

Первоначально, он собирался остановиться в Голландии. Но, как и в 1744 году, его планы изменились после его приезда в эту страну. Но “Слово Разъясненное” осталось ненапечатанным и в виде трех рукописных фолиантов пролежало под замком еще целое столетие прежде чем увидело свет благодаря усилиям Иммануэля Тафеля. Дело в том, что уже после приезда в Голландию, в Сведенборге вновь произошла глубокая духовная перемена.

Закончив “Слово Разъясненное” в февралье, он довел до конца в Амстердаме свой “Индекс к Библии”, из которого он в продолжение тридцати лет черпал сведения для всех своих последующих богословских трудов.

Поскольку начитанность в Библии предполагает знание древнееврейского языка, он, возможно, как раз в это время взялся за его изучение. В его дневнике мы находим немало упоминаний о иврите, с которым он был немного знаком еще со времен учебы в Упсале. Сведенборг утверждает, что, “когда мне впервые открылись небеса, мне пришлось сначала выучить еврейский язык, а также соответствия, на которых построена вся Библия”, и благодаря этому он много раз перечитал всю Библию.

Работая над указателем к книгам Исаяи и Бытия, он сделал одну примечательную запись, которая точно указывает время, когда ему открылось более глубокое понимание Слова Божьего, что побудило его отказаться от своей прежней работы и начать нечто совершенно новое.

“1747, ? августа по старому стилю. В моем состоянии произошла перемена к небесному царствию, в образе”.

Принято считать эту запись указанием на то, что сознание Сведенборга теперь было открыто небесам, что дало ему способность видеть духовное содержание Слова во всей его полноте. В свете этого нового прозрения прежняя работа по толкованию Библии теперь казалась Сведенборгу недостаточной и неудовлетворительной. То, что он написал, не было истинным внутренним смыслом. В декабре 1748 года он начал писать “Arcana Coelestia” -- “Небесные Тайны” – и закончил первый том в июне следующего года.

Уже в четвертый раз Сведенборг начал писать комментарий к Книге Бытия. Теперь он понял, что эта часть Писания требует совершенно нового подхода, который он мог описать только словами “Небесные Тайны”. В новой работе он поднимается до созерцания внутреннего или истинно духовного смысла Писания, которое обращено к *возрождению разума человека*. Речь шла о “Слове, как его видели ангелы”. Теперь он получил вдохновение, которое объясняет как необычно быстрые темпы написания работы (восемь месяцев), так и перемену стиля. В нем больше нет колебаний и сомнений относительно значений слов и соответствий; нет больше и зависимости от привычной богословской терминологии. Превыше всего, больше нет сомнений относительно имени, которым следует называть Иисуса Христа:

“В данной работе под именем Господа подразумевается Спаситель мира, Иисус Христос, и единственно Он. Это Он на небесах признается и почитается как Господь, ибо Он имеет всю державную власть на небесах и на земле...”

Немедленно замечаешь, что в сравнении с предыдущими работами Сведенборг говорит голосом того, кто знает воистину. Терминология новой работы наилучшим образом выражает перемены, произошедшие в сознании Сведенборга. В предыдущих сочинениях встречаются выражения, а порой и идеи, заимствованные из догматов Лютеранской церкви, к которой он принадлежал с рождения, -- например, вера в три Лица в Боге или доктрина...

...

В “Поклонении и Любви к Богу”, например, говорится о двух божественных Лицах, одно из которых, Всемогущий “горит пылом справедливого гнева и, вооруженный молниями, уничтожил бы общество”, если бы другой, “Единственный Сын”, не “бросился бы в гущу гнева и не заключил бы человечество в свои объятия”. В “Слове Разъясненном” говорится, что “жизнь и душа крови Мессии утолили Отца” и что Мессия кровью свои “снял грехи и с евреев, и в gentiles”. Даже позднее Сведенборг упоминал о Святом Духе как о третьем лице Бога. Как раз такие выражения он имел в виду, когда писал, что “написанное мною о дьяволе не могло быть написано по-другому постольку, поскольку христианский мир не имеет другой веры”. Иными словами, подобные термины использовались потому, что они выражали буквальный смысл Слова Божьего в его обыденном восприятии. Сведенборг считал своей миссией помочь людям подняться над этим восприятием.

*

В течение нескольких лет Сведенборг вел ежедневные записи своего духовного опыта. Сначала он вставлял их в текст “Слова Разъясненного”, после чего изъясил эти параграфы, которые не предназначались для публикации. Позднее он записывал такие прозрения в своем “Духовном Дневнике”. Первые 148 параграфов были записаны еще в Швеции и впоследствии потеряны, но их содержание известно из составленного самим Сведенборгом подробного “Индекса к Духовному Дневнику”. Они посвящены в основном природе духов.

Есть указания о том, что потерянные бумаги сгорели в камине в доме Сведенборга. Во всяком случае в письме соему стокгольмскому доверенному лицу Петеру Гультману в сентябре 1748 года Сведенборг просит его не зажигать огня в садовом домике, поскольку это грозит гибелью его рукописей, хранившихся там под крышей.

Описывая различные способы, которыми духи могут сознательно воздействовать на людей, Сведенборг указывает, что его первый опыт общения с духами открылся ему “через ощущения смутного видения” и что он мог видеть их присутствие, приближение и уход. Он говорит о том, что бывает окружен толпой душ тех, кто умерли много лет тому назад. Он узнает, что потусторонний мир полон вредоносных сил и злых духов, которые держат в неволе мириады простых и честных, но невежественных душ, которые оказались в заточении вследствие своих ложных понятий и ошибочных верований. Для них у него была особая мессия.

Однажды ночью он пробудился от беспокойного сна и, весь дрожа, увидел перед собой “колонну ангелов”, среди которых был сам Мессия. Ему явилась мысль, что эти ангелы составляли “железную стену”, которая защищала его от

сил зла. Впоследствии его провели к несчастным в определенном месте духовного мира, которое называлось terra inferior – “подземелье”.

“И я слышал скорбные крики: “Боже! Иисус Христос, помилуй меня! Иисус Христос, помилуй меня!” Сведенборг утешал их мыслью о том, что милосердный Господь со временем освободит узников из их темницы и возьмет их к себе на небеса.

В другую ночь он увидел себя плывущим в лодке посреди бушующего черного моря. Волны проносились мимо него и обрушивались на берег, где он в конце концов и очутился. Он чувствовал великое смятение вокруг себя, когда бесчисленные сонмы узников освобождались из своих подземных темниц – признак того, что “последний час” был уже близок. “Пусть люди бдят!”

Позднее он увидел некоторые души, которые прежде томились в подземелье, на небесах облаченными в белые одежды, где они получали наставления и жили в прекрасных дворцах. Ему оказалось, что Бог обнял и поцеловал одну из них.

“Большинство из них предстают самим себе разъезжающими в колясках из одного места в другое, пытаюсь узнать, где им лучше всего жить, то есть находятся ли они в соголасии с душами, которые там обитают”. Ибо каждая душа в конце концов находит для себя место своего отдохновения, где она может жить в мире.

Сведенборг видел, что двое людей, которых он знал на земле, попали на самые высокие небеса. Они поведали ему, что радость их не имела пределов, и по сравнению с ней все земные удовольствия равным счетом ничего не значили. Человеческий язык не в силах описать покой и мир, царящие на небесах. Однажды вечером перед тем как заснуть он слышал пение ангелов на высших небесах, и ему сказали, что обитатели небес неустанно славят Бога. Но для тех, кто к ней не готов к небесному состоянию, воздух высших сфер столь неприятен, что, кажется, навлекает удушье. Так случилось с некоторыми душами, которые настаивали на том, чтобы их подняли вверх, добились желаемого, но потом сами же бросились оттуда вниз.

Состояние духовной отвлеченности не было в Сведенборге постоянным. 5 декабря 1747 года он записывает:

“Всякий раз, когда я погружался в мысли о земных делах, виденное мною в небесной обители немедленно исчезало; так падают с небес те, кто позволяют пасть в мир своим мыслям. Если мне доводилось подумать о моем саде и том, кто остался ухаживать за ним, о денежных делах, о мнении моих знакомых, о том, что я должен был писать и в особенности о том, как написанное мною будет принято другими и о возможности оказаться непонятым, о новой одежде, которую следовало достать и о прочих вещах такого рода, духу тотчас подавали мне неприятные, тревожные или недобрые предложения... откуда происходит меланхолия многих людей...”

В первый день марта 1748 года он испытал нечто похожее на смерть и воскресение:

“В этот день утром я пережил состояние тех, кто умирают, чтобы я мог знать, что они испытывают, а также их состояния после смерти. Мертвым, поистине, я не был, но я был приведен в некое состояние нечувствия телесных органов. Внутренняя жизнь тем временем сохранялась полностью, чтобы я мог воспринять и сохранить в памяти обстоятельства, переживаемые теми, кто умирают...”

Он описывает частичное прекращение дыхания и то, как “небесные ангелы вошли и заняли область сердца”, оберегая его от посягательств злых духов:

“Когда человек умирает, ангелы немедленно приходят к нему. Стоя у его изголовья, они охраняют его от злых духов. Эту помощь они оказывают каждому человеку; и эти небесные существа остаются с ним еще спустя много времени после того, как душа освобождается от телесной оболочки. И не имеет значения, умер ли человек в стели или в сражении, поскольку все, что составляет его жизнь, – как бы ни было оно рассеянно – в одно мгновение будет вновь собрано воедино и составит одно”.

Эти прозрения были включены в текст “Небесных Тайн” несмотря на желание некоторых духов раскрывать их для публики:

“Но было сказано, что *они даются мне вместо чудес* и без них люди не поймут природу книги и не будут верить ей – одним словом, они останутся в неведении относительно ее предмета. Те же, кто просто учены, в большинстве своем отвергнут их”.

Что же касается самих духов, которые встречали эту необыкновенную душу, – обитательницу сразу двух миров: мира живых и мира мертвых – то они обычно называли его *underlig*, то есть странный, удивительный, непонятный.

Духовные приключения, которые переживал в это время Сведенборг, были в самом деле из разряда малопонятных. Они требовали мужества, но не того мужества, которое свойственно искателям приключений. Здесь перед нами человек, имевший положение в обществе и талант ученого, человек, для которого были открыты все двери с их обещаниями славы. Как же он распорядился своим богатством? Он предпочел поставить все на карьеру, которая могла принести ему немногим более, чем презрение современников, гонения официального духовенства и враждебность его знакомых, которые видели, что он тратит свое время и деньги на печатание никому не нужных книг. Но он и не ожидал немедленного признания. “Придут те, которые будут судить без гнева и пристрастия”, – цитировал он Сенеку.

Но эти опасности были ничто по сравнению с другой опасностью – опасностью общения с мертвыми, с миром духом, заселенным легионами демонов, готовыми в любую минуту наброситься на него и завладеть его душой и телом. Сведенборг понимал эту опасность. Однажды, когда он спал, говорит он, они задумали задушить его и наслали на него такие ужасные видения и кошмары, что он суть было не потерял рассудок. Они внушили ему неодолимое желание покончить с собой. Он пытались заставить его выпить что-нибудь такое, что лишило бы его разума. И они заставляли его ощущать невыносимую боль в разных частях тела.

“Я не уверен, что другие могли бы вынести такие боли”, – говорит он. – “Но, привыкнув к ним, я мог выносить их, как бы не чувствуя боли”. Однажды злой дух подкрался к нему сзади и вонзил ему в спину как бы кинжал. “Я почувствовал, будто острое лезвие пронзило мое сердце, и в тот же миг еще одно вошло в мой мозг. Но, находясь под защитой Господа, я ничего не боялся... Если бы Господь не охранял человека, он бы тотчас погиб вследствие царящей среди демонов неопишимо иступленной и смертельной ненависти к любви и вере в Господа. Но дьявол не может причинить вреда тому, кого оберегает Господь, как мне было дано знать в моих поразительных видениях”.

Это по-детски безусловное доверие в защиту, даруемую Господом, было сердцевиной мужества Сведенборга. Но мы не должны забывать, что он переживал все это ради того, чтобы принести на землю, как он твердо верил, знание о непостижимом духовном мире. Его опасная миссия требовала

мужества особого рода, о котором в своем трактате, посвященном душе, он пишет в следующих словах:

“Настоящее мужество никогда не сосредоточено на собственной персоне, но является неразлучным спутником многих и тем самым – общества... Презрительнейший и ничтожнейший из смертных тот, кто не испытывает страха за истину, святые вещи, за небеса и Бога, а только за себя самого... Возвышенные и поднявшиеся выше смертных вещей души не страшатся принять смерть за истину, особенно за небесную и божественную истину, потому что они боятся за истину и страшатся ее уничтожения”.

Глава двадцать третья Небесные тайны

Направляясь из Голландии в Англию осенью 1748 года, Сведенборг собирался напечатать “Небесные Тайны” в Лондоне. Он хотел издать свой новый труд анонимно, и это было удобнее сделать в Англии, где его меньше знали.

По своему обыкновению он тщательно подготовился к путешествию, не забыв купить вещи, которые могли пригодиться ему на новом месте жительства, в том числе даже две сумки нюхательного табака! Среди книг, взятых им в дорогу, был его Ивритский Лексикон. На корабле он продолжал писать свой “Духовный Дневник”.

27 ноября он снял на шесть месяцев квартиру в Лондоне по цене шесть шиллингов в неделю. По-видимому, он намеревался весной возвратиться в Амстердам. А пока он с головой ушел в работу над “Небесными Тайнами”.

В продолжение шести лет главными занятиями Сведенборга стали разъяснение смысла Священного Писания и разгадка тайны сверхчувственных восприятий. Его первое занятие стало результатом его изучений внутреннего строения природы, а позднее внутреннего значения слов. Но его психические переживания совершенно не зависели от каких-либо сознательных усилий и мотивов. В новой работе два направления его поисков слились воедино, даже в заглавии книги:

“Небесные Тайны, которые содержатся в Священном Писании или в Слове Господа, разъясненные: здесь сказано о тех, что заключены в Книге Бытия; вместе с удивительными вещами, виденными в Мире Духов и на Небесах Ангелов”.

На первых страницах книги Сведенборг утверждает, что в Ветхом Завете имеется тайный смысл; что христианский мир пребывает в полном неведении относительно этого; и что никто не может узнать этот смысл кроме как от Господа. Засим он предьявляет как бы доказательства или причины того, что ему должны верить. Он объявляет миру, что получил знания о жизни после смерти от духов и ангелов:

“Истина состоит в том, что повсюду в Писании присутствуют внутренние вещи, которые никогда не проявляются вовне за исключением тем редких случаев, когда Господь открыл и разъяснил их апостолам, а именно: что жертвы означают Бога; что земля Ханаанская и Иерусалим означают небеса... и что рай имеет то же значение.

Однако христианский мир остается в неведении относительно того, что все сказанное в Писании, и в общем, и в частности до самой последней буквы содержат в себе духовные и небесные предметы, а поэтому на Ветхий Завет обращают мало внимания. Но то, что Писание в самом деле имеет такую природу, можно понять из того соображения, что, будучи данным от Бога, оно

по необходимости содержит в себе предметы, относящиеся к небесам, к церкви и к религиозной вере...

То, что так именно и обстоит дело, никто не может знать, не получив знания от Бога. Можно поэтому сразу же сказать, что благодаря Божественной милости Господа мне уже в течение нескольких лет было дано находиться в обществе духов и ангелов, слышать их речи и самому обращаться к ним с речами. Таким образом мне было дано слышать и видеть необыкновенные вещи из потусторонней жизни, которые прежде не открывались никому. Мне было дано знание о различных видах духов, о состоянии душ после смерти, об аде, или жалкой участи неверных, о небесах, или блаженном состоянии верных, и в особенности о доктрине веры, как она признается на небесах. О сих предметах, благодаря Божественной милости Господа, будет сказано больше на нижеследующих страницах”.

В “Тайнах” книга Бытия рассматривается глава за главой, слово за словом, причем разъяснение отдельных слов предваряется изложением общего смысла главы. Автор поясняет также, каким образом внутренний смысл Писания относится к спасению человека.

Первый день творения описывается как *состояние сознания человека до того, как он воскресен или рожден заново*. Человек в этом состоянии подобен земле, когда она была пуста, ибо его сознание окружено толстым покровом духовного невежества, в нем нет ни блага, ни истина, относящихся к Господу и небесной жизни.

Но дух Бога носится над этими “водами”. Милость Господа витает над помраченностью ума и ущербностью жизни, он, так сказать, высиживает человеческую душу, как наседка высиживает свое яйцо, и яйца здесь означают вещи, которые должны созреть и вылупиться из духовного хаоса. Ибо по милости Божьей в душе с младенчества заложены побуждение к добру и частицы небесного знания.

Когда человек начинает сознавать, что все доброе и истинное в нем принадлежит не ему, а Господу, тогда для него открывается *свет первого дня*. Искушения, несчастья и страдания могут помочь ему осознать собственную ничтожность. В результате он выходит все больше и больше из своей тьмы и погружается все глубже в зарю своего духа. Он видит теперь, что все, приобретенное и воздвигнутое им для себя в своем умственном мире относится только к внешней или мирской жизни и что все подлинно доброе и истинное он получил от Господа. Так он обретает способность отличать одно от другого, и это означает *отделение вод сверху от вод внизу*, разделение вечного и преходящего.

Теперь перед ним появляется *твердь!* У него есть небольшая опора для того, чтобы возделывать в себе духовное, и он уже может вырастить в почве своей души его нежный росток. В нем все еще очень мало жизни, ибо он по-прежнему убежден, что добро, которое он делает, и истина, которую он проповедует, происходят от него, тогда как на самом деле они идут от Господа. Но уже разгорается заря третьего дня. Он говорит благочестиво, он поступает милосердно. Его *нежный росток* тянется вверх, но его мир все еще лишен жизни. Свою новую правду он воспринимает лишь умом.

Однако его сознание уже начали освещать *два великих светоча* – вера и милосердие. Они так же важны для жизни его души, как тепло и свет для физического существования. Его воля согревается любовью, как земля в весеннюю пору; его понимание проникается все более духовной истиной.

Теперь о нем впервые можно сказать, что он живет! Он видит теперь, что прежде он, как ребенок, он наивно полагал, что живет сам по себе. Когда эта иллюзия отброшена, живые *ползучие существа* выползают к нему из его ожившей памяти. *Птицы*, или разумные мысли, парят в небе его пробудившегося сознания.

Духовный разум человека растет. Он становится живым. *Ласковые животные* приходят к нему; усиливаются его подлинно живые чувства. Бог благословляет их и велит им размножиться и заполнить землю. Теперь ум действует по зову любви, вместо простой веры или послушания. И в конце концов рождается *человек* по образу и подобию Божьему.

Когда вера соединяется с любовью, в душе человека воцаряется *святая суббота*, и работа Господа приходит к завершению. Бог отдыхает и называет содеянное им хорошим. Воз-рожденная душа одерживает победу в битве со злом себялюбия. Тогда появляется Адам, – подлинный человек – и он готов к тому, чтобы обитать в небесном раю.

Семь дней творения, утверждает Сведенборг, описывают человек в его целостном состоянии – таким, каким создал его Творец. Вот такой, по его словам, и была природа первых людей, которые жили на земле и в то же время на небесах. Эти люди беседовали с ангелами и получали наставления в приятных снах и видениях. Они обладали способностью мгновенно распознавать истинное и ложное и с ужасом отворачивались от зла.

Поскольку детское самоумаление в сочетании с огромным могуществом совершенно чуждо большинству людей, было бы невозможно даже представить себе такое состояние человека, если бы время от времени, даже в наши дни, не появлялся бы тот, кто представляет собою живой пример такой духовной цельности. Такой человек презирает мирское тщеславие и уют и ходит рука об руку с Богом. Он сосредоточен на возвышенной цели служения другим. Он излучает любовь к своему Господину независимо от того, какую награду он получает за свою любовь. Он чувствует себя беспомощным, если Господь не указывает ему дорогу, и в молитвах своих соединяется с Всеведающим. Благодаря его неустанным стараниям и его непреклонной вере такой человек служит мерилom наших собственных поступков и мыслей, тогда как самого себя он почитает ни за что. Такой человек приписывает Богу все свои мысли, помогающие строительству Царства Божьего, и с ангельским терпением сносит одиночество и притеснения. Он счастлив в душе тем, что имеет, и чем надеется в будущем обладать навечно.

Природа людей этой первоначальной эпохи, этого Золотого Века, называемого Сведенборгом “Древнейшей Церковью”, описывается в первой главе “Небесных Тайн”. Эти люди “жили по закону своего творения”, и их интуиция “была чем-то вроде внутреннего чувствования”. Их разумом руководила любовь, ибо воля и понимание их действовали заодно. Лица этих людей излучали их мысли. Обман считался ужасным злодейством. Они жили в палатках и пасли скот. Каждый дом был обителью Бога, а глава семьи был и жрецом, и правителем.

Из писаний потомков этих древнейших людей Моисей составил повествование о творении мира и рассказы о патриархах, которые жили до Потопа. Ибо, как поэты, они любили представлять духовные истории в виде драматических и аллегорических сказаний.

В “Тайнах” объясняется и то, откуда взялось зло среди людей, которые поначалу были только добрыми. Люди обладали свободой воли, и всегда существовала возможность того, что они откажутся от своих высших способностей и предпочтут им низменные желания. Так со временем и получилось. Потомки церкви, представленной Адамом, перестали получать свое знание внутренним, интуитивным путем. Вместо этого они послушались соблазнительного шепота *змея*, то есть своей низшей природы. Они вкусили от *древа знания*, и это значит, что они стали доверять своим органам чувств. *Женщина* – представляющая себялюбие – соблазнила *мужчину*, который символизирует разум. Вкушание запретного плода было равнозначно исследованию веры с помощью рассудка, и это в конце концов привело к удалению Адамической церкви из рая.

Голос Иеговы был все еще слышан в райских кущах. Адам и Ева все еще имели дар интуиции, но они уже имели сознание греха и, устыдившись, спрятались от своего Господина. Теперь подверглась проклятию *земля* – их внешний ум. Они добывали хлеб *в поте лица своего*, и херувим с огненным мечом преграждал им путь в то состояние невинности, в котором они прежде пребывали.

Теперь первые люди были открыты всем дурным влияниям, которые с течением времени низвели их потомков до полного ничтожества. Однако из этого состояния убожества и духовной жажды родились надежда и обетование. Не навеки человечество было отторгнуто от его небесного наследия. Проклиная змея, Иегова добавил такие слова: (Быт. III, 14).

“Все знают, что это первое пророчество о пришествии Спасителя в мир” (№ 250).

Непримиримая война вспыхнет между змеем себялюбия и небесной любовью с ее верой. Но в конце времен *семя женщины*, Господь в Его Высшем Воплощении, придет на землю, чтобы Самому возглавить битву против всех сил зла в падшем человечестве и, победив “змея”, восстановить первоизданную целостность человечества в Его Божественной Человечности.

Но древнейшие люди, говорит Сведенборг, были полностью покорны любви или вожделению и, когда они утратили свое первоизданное целомудрие, они оказались совершенно неспособны противостоять дурным влечениям в себе и укротить свои низменные желания. Их воля была настолько слита с их пониманием, что они не могли подвергнуть самих себя суду разума и осудить то, что они вождели. В своих собственных глазах они выглядели гигантами. Они считали себя подобными богам, а свои мысли – божественными. Так их любовь к Богу обернулась ненавистью к Нему.

(Быт. V, VI)

Кара, постигшая это падшее поколение, приняла вид *потопа* – не физического наводнения, говорит Сведенборг, но потопа зла и лжи, который, разорвав связь людей с небесами, удушил их.

Однако не все люди погибли. Были некоторые, по имени Ной, природа которых претерпела изменения. Они потеряли способность общаться с внутренним миром, но вместо этого обрели новое свойство – способность *сознавать*, заменившую им интуицию. Сознание позволило им понимать вещи помимо собственной воли и тем самым – сопротивляться недобрым побуждениям. Такова была особенность Серебряного Века, пришедшего на смену Золотому Веку и ставшего эпохой Древней Церкви. Люди этой церкви были по своей природе не “небесными”, а “духовными”. Они внимали не снам и видениям, а разумным наставлениям, отделенными от их самовластной воли. Они черпали

свою мудрость из того, что передавали им предшествующие поколения и таким образом они сохранили знания Древнейших Людей в оболочке легенд и традиций. Это наследие они в конце концов стали представлять в виде картин, начертанных на камне или дереве. Так они изобрели письменность и, изображая идеи посредством символов, положили начало искусству. Древняя Церковь, говорит Сведенборг, была распространена по всей Земле Ханаанской и среди сопредельных стран – в Ассирии, Египте, Вавилонии, Халдее, Месопотамии, а также в Греции и Риме.

Но по прошествии времен Древняя Церковь тоже пришла в упадок. Истины религии стали простым воспоминанием и в конце концов обратились в идолопоклонство. Таково было происхождение многобожия, распространенного среди Средиземноморских народов. Изис и Гор, Диана и Афина заняли место Бога. От прежнего духовного богатства осталась только пустая оболочка. И в конце концов появился народ, в котором не осталось ничего от духовности и главной добродетелью которого стало простое *послушание*.

Народ Израелев был превращен Господом в “представителя Церкви”, в котором былая мудрость человечества могла быть сохранена в оболочке различных обрядов. Ему было подробно наказано, как наставляют детей, каким образом совершать поклонение с его омовением сосудов и жертвоприношением животных. Ибо в самой низкой из всех форм религии Бог хотел войти в мир в человеческом облике.

Таково в общих чертах содержание первых одиннадцати книг Бытия, как оно описано в “Небесных Тайнах”. Библейское сказание, говорит Сведенборг, истинно не исторически, но лишь образно, и оно не имеет научной ценности. Настоящая история начинается с повествования об Аврааме, которое, впрочем, тоже содержит внутренний смысл, совершенно непохожий на его буквальный смысл. Авраам был больше, чем Авраам; Иаков был больше, чем Иаков.

*

Между главами своей книги Сведенборг вставил много сообщений о своем духовном опыте, который он считал не менее важным, чем разъяснение Писания. Он не питал иллюзий относительно трудностей убеждения других в правдивости пережитого им, но даже почти полная уверенность в том, что его рассказы будут отвергнуты читателями, не заставила его отказаться от обнародования того, что он узнал о жизни после смерти.

Он рассказывает немало поразительных историй о духах и ангелах, о небесах и об аде, часто приводя свои записи в “Духовном дневнике”. “Это иожет показаться невероятным, но это правда”, -- заключает он один из таких рассказов.

“Духам и ангелам было дозволено видеть вещи этого мира моими глазами так же ясно, как вижу их я, и слышать тех, кто разговаривал со мной... Порой случалось, к их великому удивлению, что некоторые через посредничество меня видели друзей, которых они имели при жизни в теле. Некоторые видели своих супругов с их детьми и хотели сказать им, что они находятся рядом и рассказать о своем состоянии в другой жизни. Но мне было запрещено делать это, ибо я знал... что они не верят в существование духов или воскрешение мертвых, даже если признают это на словах.

Когда во мне впервые открылось внутреннее знание и духи и ангелы посредством моих глаз смогли видеть происходящее в этом мире, они были так

изумлены, что называли это чудом из чудес; и их переполняла радость того, что таким образом установилось сношение между небом и землей... Все это показывает, что человек был сотворен так, что, живя на земле среди людей, он мог бы в то же время жить на небесах среди ангелов и наоборот. Но из-за того, что человек оказался привязанным к своей телесности, небеса закрылись для него...”

Когда человек умирает, “внутренности его тела холодеют, и жизненные субстанции отделяются от человека где бы он ни был, так что в нем не остается ничего живого...” Поскольку дух человека состоит из органических субстанций, человек, перешедший в иной мир, полагает, что он живет все в том же теле, наделенном такими же чувствами и мыслями, как и в прежней жизни”.

Вновь прибывшего духа вначале встречают добрые духи и ангелы, но, будучи свободен соединяться с подобными себе, он мало-помалу начинает жить той же жизнью, какой жил на земле. Существуют три уровня небес, и на каждом из них имеются бесчисленные сообщества, управляемые гармонией взаимной любви. Господь является там в виде солнца, источника всех неизъяснимых наслаждений ангельской жизни. Есть также и три уровня ада, обитатели которых группируются в соответствии с пороками и фантазиями, которым они желают предаваться, – ненавистью, мстостью, жестокостью, обманом, разбоем, жадностью и т.п.

Между небесами и адом находится “мир духов”, где обитают души недавно умерших людей. В то время, говорит Сведенборг в 1750 году, он был полон злых духов из христианского мира, которые “не думают почти ни о чем другом, кроме как о том, чтобы стать самым великим и обладать всем”. Это было знаком, что Страшный Суд уже близок.

*

Первый том “Небесных тайн” появился в Лондоне летом 1749 года и был пущен в продажу печатником Джоном Льюисом. Как и другие работы Сведенборга, когда он приступал к новому для себя предмету, книга была издана анонимно. Но в отличие от прежних книг автор нового издания был узан далеко не сразу: Сведенборг теперь научился хранить инкогнито. Том в 640 страниц продавался за непомерно низкую цену – шесть шиллингов.

Книга расходилась даже хуже, чем он предполагал, хотя он и не питал иллюзий насчет ее возможной популярности. В своем дневнике он записывает:

“Я получил письмо с извещением, что в течение двух месяцев было продано не более четырех экземпляров, и это было сообщено ангелам. Они удивились этому, но сказали, что сие должно быть предоставлено Провидению Господа, ибо Ему было угодно не мою работу первыми должны были прочитать те, кто пребывают в вере, и это можно знать из явления миру самого Господа, который понудил людей принять Его слова и Его Самого, никого не принуждая, как случилось с апостолами...”

В другом месте он пишет более подробно о том, как его учение будет воспринято людьми:

“Существуют пять способов восприятия моих писаний. Первый – полностью отвергнуть их; таковы враги веры. Второй – принять их из любви к чему-то новому и занятному. Третий – принять их умом, но ничего не изменить в своей жизни. Четвертый – принять их для того, чтобы сделать свою жизнь лучше. Пятый – принять их с радостью и найти в них подтверждения для себя”.

Хотя небесная мудрость не произвела большого оживления в тогдашнем Лондоне Голдсмита и Гейнсборо, сразу же нашелся человек, принявший новое послание с радостью. Его звали Стивен Пенни, и он жил в Дартмуте. В письме к издателю от 15 октября 1749 года он выражал “необычайную степень удовольствия” от чтения “Небесных Тайн” и просил выслать ему продолжение. “Я давно страстно желал, чтобы Ветхий Завет был разъяснен так же блестяще, поучительно и полезно для христиан, как и Новый... Но просвещенный автор должен ожидать целого войска людей в халатах, который обратят против него свои перья. Счастье, что их могущество имеет свои строго очерченные границы”.

Были и другие читатели, на которых новая книга произвела огромное впечатление. Сам же издатель, без сомнения, ожидал, что книга будет хорошо раскупаться. В опубликованном им анонсе об публикации “Небесных Тайн”, он заявляет, что автор книги “посредством анализа Священного Писания открыл новый путь, который прежде был никому не введом. Все его мысли принадлежат ему самому. Но это книга не для поверхностного и беглого чтения. Мысли автора возвышенны и глубоки. Пусть читатель внимательно вникнет в них, и тогда он извлечет из них обильную жатву для своего благочестивого ума”.

В феврале 1750 года Сведенборг был готов начать печатание второго тома, который он решил опубликовать по-английски одновременно с латинским изданием. Английская версия имела заголовок: “Небесные Тайны, которые содержатся в Священном Писании или Слове Господнем, раскрытые для всех... вместе с удивительными событиями, виденными в мире духов и на небесах ангелов”.

Рукопись для латинского издания была послана Сведенборгу из Лондона во Францию. По-видимому, с конца 1749 года, после публикации первого тома “Тайн”, Сведенборг по совету врачей выехал на модный в то время курорт Экс-ля-Шапель. Несколько писем по этому адресу были отправлены Сведенборгу его другом, шведским купцом Иоахимом Ретманом, жившим в Амстердаме. Подобно многим известным людям тех времен Ретман был любителем редких растений и цветов, и теперь он по просьбе своего ученого друга подбирал для него семена и луковицы, которые Сведенборг намеревался посадить в своем саду в Стокгольме. Может быть, Сведенборг усматривал свои “соответствия” между этими крохотными земными семенами и теми драгоценными небесами с небес, которые благодаря его посредничеству теперь высевались в умах людей, -- этими вновь раскрытыми небесными тайнами?

Глава двадцать четвертая Зеленая поросль

Зная, насколько погружен был Сведенборг в возвышенные темы, как неустанно сжимали его пальцы перо, а спина сгибалась над письменным столом, мы с истинным удовольствием переворачиваем страницу и видим этого человека совсем в другом образе. Ибо ученый был еще и садовником. Возможно, именно во Франции, посреди какого-нибудь элегантного сада, хозяин которого с гордостью водил своего гостя от одной красочной террасы к другой, у Сведенборга впервые зародилась мысль разбить сад на собственном участке земли в Стокгольме. А может быть, это желание появилось в нем в Голландии, славившейся на весь мир своими прекрасными садами с необыкновенными тюльпанами и гиацинтами. Во всяком случае весной 1750 года Сведенборг

вернулся из Европы с набором семян и горячим интересом к выращиванию растений.

В те дни почти каждый известный человек избирал своим хобби изучение природы. Для того эстетического поколения природа была тем, чем для нынешнего поколения являются автомобили и кинофильмы. Королева Франции играла в пасторальную жизнь. Руссо давал уроки ботаники юным аристократкам. Карл Линней, “король цветов”, уходил в поля и леса в поисках новых чудес растительного мира, а его ученики отправлялись во все концы света за диковинными растениями и существами. Естественные науки больше не были исключительной прерогативой ученых старцев с книгами в руках!

Все это было частью мира и самого Сведенборга. Его тоже называли искателем приключений, но так как он был “Колумбом” духовного мира, его новые земли удобнее всего было исследовать в тихом уединении. Сад Сведенборга находился на высоком холме у канала в районе, называвшемся Зёдермальм, или Южный Стокгольм. Перед его глазами расстилался старый город с дворцом короля, Дворянским Залом и другими общественными зданиями, а дальше виднелись новые дома Северного Стокгольма. Вся эта панорама была усеяна там и сям шпилями церквей, а с востока, откуда подступало море, его обрамляли мачты сотен судов, стоявших в порту.

Участок, которым владел Сведенборг, имел форму прямоугольника и насчитывал 356 футов с востока на запад и 156 футов с севера на юг, так что площадь его составляла немногим более акра. Он был окружен деревянным забором и разделен на две части внутренней перегородкой, отделявшей жилые постройки и конюшню от сада и расположенного там летнего домика. Как и все строения в округе, дом Сведенборга был покрыт красной черепицей. Неподалеку жил близкий друг Сведенборга, управляющий Городского банка Карл Робзам, а рядом, на той же улице – бывший коллега Сведенборга Кристофер Полем.

Первые три года, пока Сведенборг был за границей, в его доме жил Нильс Альстедт с женой и тремя детьми. После возвращения Сведенборга уже не мог вместить всех жильцов, а кроме того хозяин хотел иметь побольше места для своих насаждений. Поэтому в 1752 году Сведенборг нанял плотника, и его “налог на окна” увеличился с четырех окон до тринадцати.

Возможно, именно тогда Сведенборг окружил свой участок высоким забором и поставил для себя в саду домик, скрывавшийся за массивными резными воротами в стиле французского барокко. Этот домик имел 57 футов в длину, 48 футов в ширину и 9 футов в высоту и был сложен из бревен, которые были обшиты панелями, выкрашенными охрой; оконные рамы были покрашены в белый цвет. В дом вела двойная дверь, а в дальнем его конце имелась еще одна дверь, выходившая в сад.

От входной двери надо было спуститься на одну ступеньку, чтобы попасть в холл, из которого наверх уходила винтовая лестница, освещаемая через окно в углу гостиной. Направо находилась гостиная с печью, выложенной голубыми изразцами. Там стоял мраморный столик с инкрустацией, орган и, возможно, буфет с серебряной и фарфоровой посудой.

За гостиной находилась спальня, где, как говорят, висел его портрет. Оттуда, пройдя через небольшую дверь, можно было попасть в “кабинет для письма”, где всегда горел огонь, на котором ученый варил себе кофе. В этой комнате не было никаких книг за исключением Библий на греческом и еврейском языках и указателей к ней. Его стол был всегда завален исписанными страницами.

Большая верхняя комната была хорошо освещена и согрета теплом, шедшим от печки. Она использовалась Сведенборгом как, говоря языком того времени, “оранжерея”. Здесь наш философ выращивал свои семена и в зимнее время держал тропические растения.

В бумагах Сведенборга сохранились упоминания о десятках интересовавших его растений, некоторые из которых были привезены из далекой Америки по его заказу.

.....

“Если у тебя два халата, продай один и купи цветок, чтобы питать свою душу”, – гласит старинная китайская поговорка. Возможно, что интерес Сведенборга к цветам был чисто эстетическим. По свидетельству его друга, “он любил разнообразных и красиво окрашенных детей Флоры так, словно это были его собственные дети”. А может быть, его интересовали вопросы опыления цветов, интерес к которым пробудила в нем классификация пола растений, предложенная Карлом Линнеем. Несомненно одно: сад служил для Сведенборга любимым местом отдыха. А в отдыхе он действительно очень нуждался, если принять во внимание огромное количество литературной продукции, создававшейся им: за восемь лет он опубликовал восемь томов сочинений, не считая рукописей, оставшихся ненапечатанными.

Углубленные занятия Сведенборга требовали тишины и покоя в доме, но Сведенборг отнюдь не был отшельником. Самуэль Сандельс, коллега Сведенборга по Академии, описывает его как приятного и веселого собеседника, любимца любого общества. Карл Робзам говорит, что

“в часы досуга Сведенборг любил беседовать с умными людьми, которые всегда оказывали ему теплый прием и глубоко чтили его. Наш Сведенборг остался до конца жизни неженатым. Но ему отнюдь не было свойственно равнодушие к другому полу, ибо он ценил общество приятной и умной женщины как один из самых чистых источников наслаждения”.

И нередко бывало так, что изящный экипаж останавливался у ворот дома ассессора Горного ведомства в Южном Стокгольме и господин в расшитом камзоле, сойдя на землю, подавал руку даме в перьях. Оба могли постоять минуту перед воротами, любясь усеянными цветами клумбами и даже, возможно, посмотреть с улыбкой друг на друга, слыша последние такты мелодии Баха, которая лилась из гостиной дома их друга. Ибо на исходе дня в летнюю пору наш ученый, отдыхая от трудов, проводил некоторое время за органом.

Представим, как Сведенборг в своей гостиной принимает посетителей – графа Фредерика Гилленбургского и его супругу – и угощает их кофе из серебряного кофейника, подаренного ученому ассессору герцогом Бланкенбургским. Смех перемежается с серьезным разговором. Друзья рады навестить ассессора в его собственном доме, да и жить в Швеции так приятно! В стране многое изменилось к лучшему. Совсем недавно в ней был введен Григорианский календарь, так что Швеция перестала отставать от Европы на целых одиннадцать дней! После многих лет ожидания королевская чета смогла въехать в свой прекрасный новый замок. Если бы только королева Луиза Ульрика была более счастлива в принявшей ее стране! Королевская власть и вправду была сильно урезана. И это, конечно, не было утешением для королевы, которая скучала по Пруссии и двору своего брата Фридриха, к которому она была привязана больше, чем к Швеции. Конечно, немногие из аристократов хотели видеть на престоле короля с неограниченной властью, которой так

неразумно распорядился Карл XII. Крестьяне и священники, как обычно, были на стороне короля и против знати. И вся страна была все еще разделена на партии сторонников и противников войны. Сведенборг думал, что разные партии могли бы быстро договориться друг с другом, если бы их предводители отказались бы от своих честолюбивых и корыстных планов и первым делом думали бы об интересах всей страны.

Во время беседы ассессор мог бы пригласить друзей посмотреть его последние новинки в саду. Хозяин и гости могли бы постоять немного у ворот сада, слушая пение столь многочисленных в это время года птиц. А щебету птиц в сады откликались голоса обитателей расположенного рядом птичьего домика. Войдя в сад, гости могли увидеть газон, разделенный на четыре части дорожками, которые сходились у небольшого павильона. Когда гости входили в павильон, Сведенборг мог бы пояснить он, что точно такое же строение он видел в саду одного знаменитого англичанина. У павильона была плоская крыша с узорными карнизами, а внутри него стояли удобные скамьи.

Западная дорожка вела к летнему домику Сведенборга. Здесь Сведенборг в основном и работал в теплое время года. Там же находилась его библиотека. Дорожка, шедшая на юг от павильона, вела к зарослям роз и вольере, где обитало множество разных птиц. Осенью Сведенборг переносил своих пернатых питомцев в верхнюю комнату главного дома, где они могли благополучно пережить шведскую зиму, а потом радостным пением возвестить о наступлении весны.

Когда благородные супруги раскланивались перед уходом с их приятным соседом и заслуженным ассессором, она прощалась со своим старым другом, который посвятил свою уединенную жизнь холостяка проникновению в тайны природы и написанию толстых томов по философии и анатомии. Они и не подозревали, что только что побывали в гостях у человека, который сознательно жил сразу в двух мирах и чуть ли не ежедневно беседовал с душами умерших людей. Во внешности Сведенборга не было ничего такого, что могло бы побудить их заподозрить в нем автора “Небесных Тайн”. Только спустя пятнадцать лет шведская публика узнала имя автора этой удивительной книги.

Быть может, в один из таких визитов графиня Гилленберг – урожденная Елизавета Стьернкрона – подарила своему другу толстый томик в пергаментном переплете с заголовком “Лучшая часть Марии”. Имя автора на книге не значилось, но все знали, что Елизавета написала ее для просвещения благочестивых людей, ибо она твердо верила, что “единственная потребность безыскусного сердца – блюсти свои обязанности по отношению к христианской вере и размышлять над словами Писания”.

Елизавета умерла в 1769 году, спустя десять лет после смерти ее мужа, личность которого подробно описана в “Духовном дневнике” Сведенборга. Предание приписывает Сведенборгу слова о том, что на том свете его ожидает, как будущая его подруга, дама, которая была известна в этом мире под именем графини Гилленберг.

Глава Страшный суд

В “Небесных Тайнах” говорится о двух великих судах Господних, случившихся в истории человечества: первым был Потоп, ознаменовавший конец Древнейшей Церкви, а второй

произошел в духовном мире во время распятия Господа, и он отмечает конец Древней, или Представительной Церкви.

Когда Христос явил себя миру, Книжники и Фарисеи отвергли Его и Его учение, и только немногие пастухи и простые рыбаки уверовали в то, что древние пророчества действительно сбылись при их жизни. Преследование и отрицание Христа навлекло на человечество второй страшный суд, повлекший за собой гибель Древней Церкви подобно тому, как Потоп означал гибель Древнейшей Церкви. Представительная Церковь умерла на кресте. Завесы храма были разодраны, действенность животных жертвоприношений исчерпана и соблюдение обрядов потеряло смысл. Роль Израиля была исполнена до конца. Поклонение посредством символических действий должно было уступить место истинному поклонению сердца, как было в древние времена.

Возникла новая церковь, Церковь Христа, которая стояла на действительном явлении Самого Бога в облике бого-человека. Милосердие было восстановлено в своих правах, любви и вере было уготовлено царствовать вновь в Царстве Божьем. Таково было высокое предназначение, которое Господь провидел для Своей Церкви. Но как могла Церковь исполнить Его обетование: “Вы мои ученики, если есть в вас любовь друг к другу”?

Первые христиане в самом деле следовали новому завету, и лучшее в их наследии излучает свет истинного милосердия. Но позднейшая история Христианской Церкви повествует о постоянном упадке. Столетиями на земле лились, как никогда прежде, потоки человеческой крови. Отделение протестантов от католиков дало надежду на реформы благодаря освобождению Библии и человеческой мысли, но со временем и эта новая церковь тоже выродилась. Католическая церковь пыталась править миром именем религии. Протестанты заслонили свой внутренний взор ложными догмами, которые не позволяли духовному свету проникнуть в умы людей. Повсюду расцвели обман, лицемерие, коррупция. Приближался неизбежный конец. Третий страшный суд, предсказанный Господом в Евангелии от Матфея и в Апокалипсисе, должен в скором времени обрушиться на церковь, после чего свершится Второе Пришествие Христа. Предыдущие суды имели причиной отпадение людей от правильного общения с Небом. Вина христианской церкви, говорит Сведенборг, особенно велика, ибо она стала очень могущественной внешне и гнилой внутри. Вера стала формальным верованием, а милосердие свелось к внешним деяниям, именем которых беспринципными политиками от церкви людям было обещано спасение.

Восемнадцатый век в самом деле созрел для суда, ибо никогда еще духовная жизнь в Европе не падала столь низко. Ученые люди уже не могли принимать иррациональные догматы богословия. “Если кто-то говорит о религии в высшем обществе, все смеются” – отметил Монтескье, путешествуя по Англии. Правящие верхи бесстыдно выставляли напоказ свое неверие и безнравственность перед низами. В обществе царили критицизм, равнодушие, прикрываемое вежливостью, скептическое отношение к добродетели и нарочитое опрошение. Массы бедных и безграмотных людей были предоставлены самим себе и не получали почти никаких моральных и религиозных наставлений от праздного духовенства, которое “искало хорошей жизни”. Это столетие, говорит в прошлом веке английский писатель Карлейль, было “настолько пропитано лживостью, что чаша была переполнена”.

Во Франции, где революция уже была готова вырваться наружу, презрение к морали, неверие и нечестность процветали вполне открыто. Сведенборг во время своего путешествия по Франции уже высказал несколько глубоких замечаний о развращенности католического духовенства. Себялюбие и погоня за наслаждениями уже открыто провозглашались во Франции источником умственной жизни. Обращаться к людям с просьбой делать добро ради него самого считалось смешным. Все духовное объявлялось наваждением. “Вера существование Бога столь же беспочвенна, сколь и бесполезна, – заявлял Ламеттри. – Мир не будет счастлив, пока атеизм не станет всеобщим. Душа погибает вместе с телом, частью которого она и является. Со смертью все кончается: фарс окончен!”

Одной из самых развращенных стран Европы была Швеция. “Шведская нация – худшая в Европе за исключением итальянцев и русских”, – писал Сведенборг. Так получилось потому, что шведы более других были способны к внутренней рефлексии и извратили эту свою способность. Ему было дано видеть это в мире духов с поразительной ясностью, где горестное состояние европейских народов было видно ему лучше, чем любому из историков. Ибо после смерти “мысли каждого выражаются гораздо отчетливее, чем при жизни, и никому не дозволяется говорить не так, как он думает”. В одном из своих видений он увидел стокгольмскую улицу Стора Нигатан, которая была тогда главной торговой артерией города. Все дома на ней как будто не имели окон, и ангелу сказали ему, что все, кто живут на этой улице, духовно мертвы.

Разделение церквей тоже было для Сведенборга знаком падения Христовой Церкви. “Тот, кто верует не так, как предписывает их догма, изгоняется из церковной общины. Но тот, кто безжалостно грабит других, если только он не делает это открыто, или ловко обманывает ближнего, или творит прелюбодеяние, зовется несмотря ни на что христианином, если только он соблюдает обряды и говорят так, как предписывает церковное учение. Из этого видно, что сегодня Церковь – это только доктрина, а не жизнь...”

Разложение достигло своего предела, и пришло время срубить под корень древо жизни. Загробный мир заполнили толпы простодушных духов, которые были введены в заблуждение земными и церковными правителями, воспользовавшихся священными обрядами поклонения и древними догмами церкви для того, чтобы держать их в подчинении. Этих терпеливых, растерявшихся, страдающих “душ под алтарем” следовало освободить от оков их ложных верований, раскрыв перед ними истинную природу тиранов, повелевавших ими. Это разоблачение и предвещало Страшный суд.

Читать о мытарствах заблудшего человечества само по себе горько. Но насколько горше видеть его воочию, созерцая жизнь уже умерших людей. Сведенборг встречался с душами своих покойных друзей, родственников и коллег. Он говорит, что в течение года виделся с тридцатью душами людей, которых знал еще при их жизни, и еще примерно с таким же числом духов, о которых знал из книг. И они представляли полный набор пороков, в которых погрязло человечество: неуемная жажда наслаждений, прелюбодеяния, лицемерие, властолюбие, обман, и видеть их конец было столь же отвратительно, как и опасно, ибо этих души часто отличались необыкновенной злобностью.

Нельзя не удивляться его по видимости бесстрастным рассказам об этих встречах, его кажущемуся равнодушию к несчастной судьбе его друзей и знакомых. Но его ум был как рука хирурга, которая должна быть чистой и твердой, чтобы сделать то, что предписывает хирургу его долг.

Одним из первых духов, о котором упоминает Сведенборг, был архиепископ, затем епископ и, наконец, знаменитый Йоран Нордберг, капеллан короля Карля XII, опубликовавший мемуары короля, к которым приложил руку и Сведенборг. Видел Сведенборг и своих покойных товарищей по Горному ведомству. Один из них был некто Адам Лейел, о котором при его жизни Сведенборг знал только хорошее. Но после смерти он встретил его в очень плохом обществе. Первое время Сведенборг лелеял надежду, что его бывший коллега сможет исправиться, ибо тот отличался большим умом, но в конце концов убедился в том, что этот Лейел вел “просто природную жизнь”. Так Сведенборг понял, что человека спасает только качество его жизни, а не его разум, как бы ни был он развит.

В молодые годы Сведенборг часто совершал инспекционные поездки от Горного ведомства с ассессором Йоганом Бергенстьерна. В этой жизни Бергенстьерна считался очень достойным человеком, который любил своего ближнего, свою страну, церковь и Бога. Когда же Сведенборг встретил его вскоре после его смерти, его внешняя святость сошла с него, и он предстал лицемером, лишенным милосердия и думающим только о себе. О другом своем бывшем друге он рассказывает:

“Был некто, кого я хорошо знал и кому я оказал больше услуг, чем кому-либо еще, и кто, казалось, относится ко мне как к другу. Этот человек преследовал меня на протяжении нескольких месяцев,

постоянно замышляя что-нибудь против меня. Я напомнил ему о добре, которое сделал для него, но мои увещания не возымели никакого действия. Он продолжал мучить меня, хотя не имел для этого ни малейшей причины. Им двигало исключительно желание получить удовольствие от страданий другого человека. Таково-то зло в другой жизни...”

Из всех злых побуждений, свойственных человечеству, желание властвовать – самое разрушительное для себя и других. Это дьявольское желание может так захватить душу, что человек в конце концов начинает всерьез помышлять о том, чтобы стать повелителем не только земли, но и целой вселенной. Образцом этой страсти в мире духов стал король Карл XII, который при жизни отличался добродетелью, благочестием и острым умом.. Сведенборг в молодости хорошо знал этого человека и, как выяснилось позже, если бы король не сменил гнев на милость по отношению к Сведенборгу, душа последнего оказалась бы в большой опасности из-за ее сильной привязанности к своему герою. В мире духов Сведенборгу открылось, что король в своей безумной жажде славы ни во что не ставил свою страну и народ. Он был самый упрямый из смертных и никогда не отступал от поставленной цели. Спутница Карла XII была женщина похожая на него характером, но только еще более упрямая и в конце концов подчинившая его своему влиянию.

Чтобы Сведенборг мог узнать значение слова “Вавилон”, ему был показан человек, которого он хорошо знал при его жизни. Это был управляющий рудниками Фалуна Андерс Сваб, человек скромный и разумный, наделенный даром убеждать других. Он награждал всех, кто угождал ему, и наказывал тех, кто осмеливался ему перечить и в конце концов посеял раздор и вражду по всей области, вверенной ему в управление. Сваб так развратил жителей Фалуна взятками, что они в душе стали самыми испорченными из шведов.

Сведенборг увидел, что в загробном мире Сваб всякими хитрыми способами старался восстановить свою власть над теми людьми, которыми командовал при жизни. Оказалось, что в земной жизни Сваб и его помощники запрещали людям читать Писание, утверждая, что только они могут понять его. Он был подобен яду, который постепенно отравляет всю кровь в теле. Так Сведенборг смог понять смысл того, что называется Вавилонской башней, а именно – состояние людей, которые ходят, чтобы их почитали, как Бога.

В потустороннем мире Сведенборг встретил своего друга и соседа графа Фридриха Гилленборга, президента Горного ведомства. Гилленборг был веселый и радушный человек и один из самых влиятельных людей при дворе. До конца жизни он оставался богобоязненным человеком и после смерти он горячо молился Богу о всем, чего хотел, – но не Иисусу Христу, а “Богу Отцу”. Оказалось, что этот человек, который всегда рассуждал благочестиво и здраво, был начисто лишен совести. Все свои добрые дела он совершал из корысти, и после смерти он не беспокоился ни о ком, кроме самого себя. Всем, кого защищал Господь, он пытался причинить неприятность. Сведенборга он ненавидел смертельной ненавистью и старался использовать любую возможность, чтобы погубить его. Он не имел ничего против Сведенборга лично, говорил он. Он хотел только убрать духовное наитие, исходившее с небес, чтобы Сведенборг не мог “писать все то, что должно быть написано”. В конце концов этот зловредный дух был унесен в пещеру, где он сидел полумертвый в компании других духов, лишенных земной славы.

Наихудшие из всех духов другого мира были сирены – злые женщины, которые силой своих фантазий принимали внешность невинных девушек и своей почти ангельской красотой напускали пагубу на мужчин. “Эти женщины знают, как завоевать расположение мужчин, которыми они хотят повелевать, распаяя их себялюбие и гордыню... тогда как в душе они совершенно презирают их”. Убеждая свои жертвы в том, что они прекрасны и благочестивы, сирены почти что способны совратить самих ангелов. Они дарят удовольствия, сопутствующие истинной супружеской любви, и превращают эти небесные наслаждения в нечто ужасающее, в чем нет ничего человеческого. “Пусть никто не будет настолько безумен, чтобы думать, что он может противостоять им”. “Спаستись от них можно только верой в Бога, и пусть каждый будет

осмотрителен в своих поступках”. Ибо из поступков рождается привычка, эта привычка усиливается, и люди уносятся сиренами в ад, как уносит бурный поток щепку.

В том мире сирены бродят большими нестройными стаями. От них трудно избавиться, потому что они пользуются приемами магии, смешивая священное и профанное. Они происходят из стран, где живут в основном христиане, а не язычники. Число их, говорит Сведенборг, в последнее время сильно возросло. Они обитают в пещерах западных гор, где они отравляют своим присутствием все вокруг. Их дурные дела навлекают на них мучения, которые продолжаются многими часами. Скрюченные и обессиленные, они в конце концов превращаются в почти бесформенные волосатые тела с черными, нечеловеческими лицами.

Если зло в той жизни теряет человеческий облик и становится уродством, добро обретает прекрасное лицо. Однажды Сведенборг увидел своего учителя Йохана Мореуса и коллегу по Горному ведомству Ганса Бьёрка. Они имели лица совсем не похожие на те, которые имели при жизни, и когда Бьёрк спросил его, узнает ли он их, Сведенборг сначала ответил: “Нет”. У Бьёрка было светящееся красивое лицо, и он сидел в карете, поскольку в тот момент размышлял о смысле любви.

Ни к кому Сведенборг не был как привязан в жизни, как к Эрику Бензелиусу, который умер в 1743 году, почти сразу после назначения его архиепископом Упсалы. Сведенборг отмечает, что он появился в другом мире “свиду гордым, а внутри добрым”. Поначалу он много страдал, потому что был склонен приписывать всю мудрость памяти, что порождало затруднения в его уме, и лишь после того, как они были удалены, его добрая природа смогла проступить наружу. Это была мучительная операция, после которой Бензелиус стал подобен маленькому ребенку готовому учиться у ангелов.

Совсем иным было состояние давнего друга и соседа Сведенборга Кристофера Полхема — шведского гения механики. Полхем умер в 1751 году в возрасте девяности трех лет. Описание его судьбы в загробном мире у Сведенборга не дает повода для радости:

“Полхем умер в понедельник. Он говорил со мной в четверг; и когда я присутствовал на его похоронах, он видел свой гроб и всю похоронную процессию, и то, что тело его опустили в могилу. Тем временем он беседовал со мной и спрашивал, почему его хоронят, если он еще жив...” Поскольку Полхем был постоянно занят изобретением всевозможных машин, его сила воображения осталась с ним в загробном мире. Там он учил всех, как создавать такие вещи, как птиц, мышей, кошек и т.п. из собственных мыслей. Позднее Сведенборг видел Полхема с белой повязкой на лбу в знал того, что он был всегда уверен в своей правоте, поскольку считал себя мудрейшим из всех людей и знал все на земле. Духи такого рода теряли всякое разумение.

Похожий удел ожидал на том свете знаменитого немецкого философа Кристиана Вольфа, умершего в 1754 году. Уже при жизни Вольф стал известен своей склонностью обожествлять природу, хотя, получив должность профессора в университете Галле, он ради популярности разыгрывал благочестие. После смерти стало ясно, что он не верил ни в какого Бога кроме природы, и пытался покорить умы богословов своим учением о простой субстанции, которая мгновенно появляется из ничего. Он утверждал, что Бога никто никогда не видел и не слышал и что если бы Бог существовал, он бы явил Себя людям. Душа же являет собой не что иное как дыхание, которое со смертью рассеивается; бессмысленно ожидать Страшного Суда, а звезды не могут упасть с неба, как было предсказано, потому что они больше земли. Этот человек, который хотел, чтобы его называли “Светом Европы”, теперь живет среди дураков и простофиль, говорит Сведенборг, и имеет обличье печной трубы, ибо его ученость превратилась в удушливую пыль.

Очень важны суждения Сведенборга о “книги жизни”, которая, по его словам, вписана в природу каждого человека. В этой книге до мельчайших подробностей указаны всего его мысли, слова и дела. Он присутствовал при допросе нескольких чиновников об их тайных прегрешениях при жизни и был удивлен тем, насколько точны были сведения, содержащиеся в книге судеб этих людей. Все свидетели и даже сами допрашиваемые были весьма поражены тем, что такие книги

существуют. (Сравните с этим поразительные богатства подсознательной памяти, признанные в современной психологии!)

Среди документов, касавшихся жизни самого Сведенборга, были многотомные записи о его судебной тяжбе с Вритой Бем по поводу его прав на плавильные печи в Аксмаре. Эта богатая сестра матери Сведенборга была хитрой и энергичной женщиной, показавшей себя способной управительницей своего большого поместья. В свое время Сведенборг выражал удивление тем, что она решила судиться с ним и высказал предположение, что ее подтолкнул к этому кто-то другой. Эта догадка подтвердилась много лет спустя, когда Сведенборг встретил в мире духов своего коллегу и мужа своей сестры Ларса Бензелстерна. До своей смерти в 1755 году Лар был королевским советником и президентом Королевской Академии наук. Он считался человеком большой учености и незаурядного ораторского дара. Сам Сведенборг, кажется, никогда не питал к нему симпатии и отзывался о нем как о человеке “несколько неприятном”. Ларс Бензелстерна явно поступил нечестно при разделе отцовского имущества, и брат Эмануэля жаловался ему на то, что Ларс лишил его законной части наследства.

В “Духовном дневнике” Сведенборг пишет о Ларсе Бензелстерна как о человеке, чьими поступками всегда руководила ненависть к другим. Он мог привлечь к себе немало простодушных духов просто тем, что напускал на себя особо доверительный тон и просил их: “Окажи мне эту услугу!” К\ Сведенборгу он питал смертельную ненависть, и потустороннем мире, где он стал предводителем толпы злых духов, он стремился извести его с помощью магии. Оказалось, что именно Ларс Бензелстерна склонил Бриту Бем преследовать Сведенборга через суд.

Посреди столь безрадостных откровений приятно прочитать о некоем епископе Риделиусе, который был добрым и умным человеком. В другом мере он обитал поначалу среди тех, кто были преданы учению о спасении только верою, ибо, подобно другим, он верил, что человек может спастись в свой смертный час единственно благодаря своей вере независимо от того, как он прожил свою жизнь, поскольку небеса были для него чисто даром милости. Окруженный добрыми духами, Риделиус был препровожден в небесный рай, где он увидел много изумительного. Обитатели рая хотели, чтобы он остался с ними, но он еще не был готов к этому. Он мог выдержать небесное сияние, но его раздражало, доводя почти до иступления, райское тепло. Когда его спросили, хочет ли он остаться на небе, Риделиус ответил: “Ни в коем случае!”

Сведенборг утверждает, что в мире духов, где часто появляются разные животные, он видел однажды породистого коня, который носился галопом вперед и назад. Это был епископ Риделиус, который явился в этом обличье, потому что размышлял о воле и понимании. “Кажется, что истина веры стоит на первом месте”, – думал он, но тут же прибавлял: “Но, с другой стороны, очевидно, что на первом месте стоит благо”. Эти его колебания и преобразили его в духовном видении Сведенборга в скачущего туда и сюда коня. Но когда его спросили, кем он казался сам себе, он ответил, что ничего не замечает и что он видит себя человеком, сидящим в своей комнате.

Среди блаженных был также сенатор Свен Лагерберг. Он обладал мощной “аурой истины” и под ее защитой мог странствовать по аду и описывать то, что он видел в его темных, населенных злобными духами подземельях. При его приближении злые духи убегали или лишались всякой силы – такой властью наделен человек, преданный истине. И эта власть была дана Лагербергу, говорит Сведенборг, потому что он желал добра своей стране и хотел помочь ей – но не из тщеславия, как многие из его коллег в Сенате, чья гордыня мешала им видеть разницу между тем, что приносит родине пользу, и тем, что вредит ей. В земной жизни грудь этих знатных господ украшают всевозможные ордена, но в том мире они лишаются всех наград и оказываются на положении нищих попрошаек. Сведенборг сообщает, что знаки отличия немало навредили знатым семьям Швеции. Свен Лагерберг открыл, что всякий раз, когда он надевает на себя свои ордена, он оказывается неспособен размышлять свободно, но стоил ему придти домой и снять с себя свои регалии, как к нему возвращалась прежняя живость ума. Так получалось оттого, что, когда он носил на себе ордена, он находился под влиянием тщеславных духов.

В числе добрых духов он упоминает Вильяма Пенна, “от кого получила свое прозвание Пеннсилвания”. Пенн был полон воодушевления и блистал красноречием. В нем не было порочности многих квакеров, которые пришли ему на смену.

Есть у Сведенборга и записи о королеве Кристине: она живет в изящном доме и ведет оживленные споры с католическими кардиналами, заставляя их признать, что Господь обладал одновременно божественной и человеческой природой и стоял выше пап. О Святой Женевиэве сказано, что ее лицо светилось святостью и красотой. Она сетует, что стала объектом поклонения, хотя была только обыкновенной женщиной. Однажды он видел Непорочную Матерь Марию, шедшую в белоснежном одеянии. Она сказала, что Господь был вправду рожден от нее, но что он отринул все материнское человеческое и стал Богом, отчего она теперь чтит его как своего Бога.

Сведенборг разговаривал также со своей матерью и мачехой, которые жили счастливо в том мире, и, когда он того желал, с Эиерентией Полхем. Ее сестра Мария, кажется, была несчастлива там, ибо в своей земной жизни она превыше всего ценила роскошь.

“Люди могут незаметно для себя подпадать под влияние умерших, которые питают к ним ненависть”, – говорит Сведенборг. Некая женщина в своем телесном существовании убедила себя силой своего воображения, что Сведенборг хочет жениться на ней. Убедившись, что это было не так, эта женщина – ее звали Сара Гесселия – прониклась смертельной ненавистью к Сведенборгу и после своей смерти однажды внушила ему мысль схватить нож и зарезать себя им.

*

Все эти необыкновенные истории Сведенборг записал, когда создавал свои “Небесные тайны”. Некоторые из них он даже включил в свою книгу, не называя имен. Мог ли мир поверить ему?

Теперь каждый год в лондонской печатне Джона Льюиса выходил в свет новый том “Небесных тайн”. И по-прежнему никто не знал, кто был автором этих книг.

Немецкий журнал “Нойе Цайтунген фон гелертен Захен” поместил обзор первого тома “Небесных тайн” на четырех страницах – весьма доброжелательный, но заканчивавшийся выводом о том, что книга написана в состоянии экстаза неким благочестивым ясновидцем.

В третьем томе “Небесных Тайн” Сведенборг приступил к разъяснению двадцать четвертой главы Евангелия от Матфея, где Господь предрекает падение Иерусалима и конец века (в русском синодальном издании говорится о “конце мира”). Иисус тогда сказал своим ученикам, что “здесь не останется камня на камне”, и когда ученики спросили Его: “Скажет нам, когда случится это и каков будет знак Твоего прихода и скончания времен”, Он сказал о войнах и о народах, которые восстанут друг против друга, о голоде и море, о землетрясениях и великих бедствиях, о помрачении солнца и луны и о том, что звезды упадут с неба. “И тогда появится знак Сына Человеческого в небесах...” (Мф. XXIV, 1-7, 29). Эти слова, поясняет Сведенборг, сообщают о конце церкви. Помрачение солнца означает, что исчезнут любовь и милосердие. То, что погаснет луна и звезды упадут с небес, означает, что исчезнут вера и знание веры. Так Сведенборг впервые высказал свое понимание пророчества о конце времен.

Последний том “Небесных Тайн” вышел из печати в 1756 году, и теперь Сведенборг занялся составлением подробному указания ко всем тома труда. Это побудило его собрать все сообщения, которые относятся к пророчеству: “И увидел я ... Откр. XIX, 11 и сл.)

Так, по словам Сведенборга, предстает Господь в его отношении к Слову и раскрытию его внутреннего смысла. Посредством этого раскрытия и должно было сбыться пророчество Иисуса. Об этом говорится в опубликованной Сведенборгом позднее небольшой книжке “Конь бледный”.

Он также извлек из “Небесных Тайн” и свел воедино суждения о Новой Церкви, составившие книгу “Новый Иерусалим и его Небесное Учение”: “И увидел я новые небеса и новую землю... (XXI, 1 и сл.)

По-видимому, сразу после составления этих книг Сведенборг засвидетельствовал большие перемены в духовном мире, где было возвещено, что событие, которого ждал семнадцать столетий весь христианский мир свершилось! “Страшный Суд уже состоялся. Я видел его собственными глазами...”

Многие, утверждал Сведенборг, занимались толкованием книги, именуемой “Апокалипсис”, но до сих пор никто не понял, что ее пророчества относятся не к историческим событиям, а к состоянию христианской Церкви. Многие отрицали Страшный суд, думая в душе:

“Как могут исчезнуть столь обширное небо вместе с солнцем, луной и всеми звездами? Как могут упасть с неба звезды, которые больше Земли? Как могут тела, поедаемые червями и исчезающие бесследно, восстановиться и снова стать вместилищем души? И где пребывает все это время душа? Кто спускался с небес, чтобы сказать нам, что она существует? Что такое ад – если он вообще существует? Что означают вечные мучения человека в адском огне? Что такое судный день? Не напрасно ли ожидали его в течение многих веков?”

Страшный Суд, говорит Сведенборг, свершается не на земле, а в духовном мире, куда попадают все, кто жил на земле со времени ее творения.

“Мне дано было увидеть от начала до конца, как свершился Страшный Суд; как пал Вавилон; как те, которые подразумеваются под именем дракона были низвергнуты в бездну; и как появилось новое небо и Новая Церковь воздвиглась в небесах, что и называется Новым Иерусалимом. Мне было дано видеть сие собственными глазами, чтобы я мог об этом свидетельствовать. Этот Страшный Суд начался в начале 1757 года и завершился к его концу...”

Суд постиг сначала католиков, потом мусульман и язычников и в конце протестантов. “Вавилон пал, пал!” Вавилон объемлет всех тех, кто стремится править посредством религии, кто использует божественные вещи как средство обретения власти, как поступает римско-католическая церковь, которая присваивает себе божественную способность Господа спасать души. Они торгуют спасением и отпущением грехов и утверждают, что их папа – викарий Христа на земле, чья власть даже выше божественности Слова Божьего; они служат мессы на чужом для верующих языке, тем самым закрывая для них свет с небес. Они делают объектом поклонения внешние предметы, делая идолов из святых, мощей и реликвий, и совершают чудеса, отвлекая умы от поклонения Богу ради поклонения людям.

Здесь невозможно пересказать даже малую часть той грандиозной драмы человечества, о которой повествует Сведенборг в книге о Страшном Суде. Многое в ней читается как описание современной войны. Он повествует о том, как “вавилонская нация” распространилась на значительной части духовного мира, и он описывает их города и крепости, их потаенные богатства и пышные зрелища.

Первый этап суда он называет “посещением”, во время которого зло было выявлено в ее внутренней природе. На следующем этапе добро было отделено от зла и помещено в безопасное место. Он сопровождался великими потрясениями земли. Люди в городах метались из стороны в сторону и пытались укрыться вместе со своими богатствами в пещерах. Исполинские горы проваливались во внезапно раскрывавшиеся в земле пропасти. Наконец, могучий ураган с востока до основания потряс сушу, и все злые духи были сброшены в черные воды западного океана. Тьма покрыла небеса. Некоторые из этих духов обосновались в своих укреплениях еще со времен Средних Веков, повелевая простодушными с помощью своих изощренных ритуалов. Все сирены, как бы глубоко в горах они не прятались, были выметены из своих убежищ ветром.

Так мир духов был очищен от вредоносных сил, и ангелы возрадовались освобождению праведных. Все добрые внутри духи были взяты на небеса для наставлений, и теперь в мире духов больше нельзя создавать сообщества, где злые повелевают добрыми, пользуясь их преданностью вере.

*

Протестанты, чьи мощные укрепления находились в самом центре духовного мира, пережили Страшный Суд последними. Они обладали истинной верой, но жили порочной жизнью и потому представляли в облике демонов, дравшихся между собой из-за религии. Сообщества развращенных протестантов образовали облако, которое скрыло Духовное Солнце и преградило путь его сиянию, так что люди больше не могли видеть свет истины.

Тогда Господь явился на светоносном облаке, а те, кому суждено было погибнуть, предстали в облике огромного дракона, чей хвост завивался к небу. “Мне дано было увидеть сие, – говорит Сведенборг, – чтобы я мог знать и поведать другим, что подразумевается под драконом в Апокалипсисе, а именно: те, кто читают Писание, слушают проповеди и выполняют обряды церкви, но не задумываются о страстях греховных, обуревающих их, и кто в душе своей замышляет воровство, обман, прелюбодеяние и распутства, кто лелеет в себе ненависть и месть”. Ангелы пришли к этим духам и попытались убедить их отречься от зла в себе, но эти духи в ответ злобно набросились на ангелов. После того, как Суд свершился, их слава рассеялась. Их дворцы превратились в убогие хижины, а их сады – в грязные лужи, их храмы стали кучей мусора. Самые холмы, на которых они обитали, превратились в огромные кучи щебня сообразно их безрадостному духу. В конце концов все зло было заключено в “бездонный колодец”, о котором говорится в двадцатой главе Откровения. В этот мрачный тартар были низвергнуты многие из лицемеров и богохульников, в том числе и среди знакомых Сведенборга, которые “сполна осуществили меру своего зла”. Там они могли мучить только друг друга. После того, как Страшный Суд свершился подобающим ему образом, на небесах воцарилось ликование, которого еще не бывало в мире духов, ибо адские сообщества, мешавшие сношениям между небом и землей, были устранены. “Тогда я увидел великое множество ангельских духов, поднимавшихся на небеса снизу. В течение многих веков они были оберегаемы там Господом от посягательств прислужников Дракона. Таковы те, которые в Писании именуется теми, кто восстали из гробов, а также души тех, кто принял мученическую смерть ради Христа...” Памфлет о Страшном Суде над протестантами не был опубликован Сведенборгом до 1763 года. Положение дел в земном мире останется почти таким же, как раньше, говорит, говорит Сведенборг, ибо великая перемена, произведенная в духовном мире Господом, никак не скажется на внешней стороне земной жизни. Государства и войны будут существовать, как и прежде. Будет затронут умственный мир, ибо этот суд свершился *в мире человеческого духа*. И после этого люди смогут свободнее размышлять о вопросах веры. Теперь восстановлена духовная свобода, и всему указано его место. Только Господь знает будущее, но духовному порабощению пришел конец, и человек сможет лучше постичь внутренние истины, *если он того пожелает*. Но, как замечает Сведенборг, “у ангелов больше надежды на то, что новое учение примут обитатели центральной Африки, нежели сегодняшние христиане, имея в виду людей, которые живут больше верой в отличие от язычников, живущих больше добротой. Оценивая то, что он так подробно описал в отношении Страшного Суда, Сведенборг восклицает: “Как может человек сам все это придумать?”

Глава Жизнь после смерти

В течение восьми лет, когда Сведенборг был занят “Небесными тайнами”, о его личной жизни почти нет известий. Если бы он ушел в тибетский монастырь, он едва ли имел больше уединения, чем в своем пригородном доме. За это время, то есть с 1749 по 1757 года, он написал восемь томов “Небесных тайн” и большое число других сочинений.

Лето 1758 года застает его вновь в Лондоне с рукописями пяти небольших книг, которые он собирался там напечатать. Многие в них основывались на материалах, уже опубликованных в “Тайнах”, но на сей раз переписанных в систематическом виде. Одна из этих книг называлась “О небесах и об аде”, и ей суждено было стать самым известным сочинением Сведенборга. Остальными были: “Конь бледный” (толкование видения Иоанна в “Апокалипсисе”), “Страшный Суд”, “Миры во вселенной” и, наконец, “Новый Иерусалим и его Небесное учение”, где подробно излагается учение о Новой Церкви, учащей, согласно Писанию, тому, как нужно жить, чтобы спастись, а также тому, что никто из тех, кто верует в Бога и живет добропорядочно, не будет проклят, независимо от своей религии.

Кроме этого он начал писать пространный комментарий на “Апокалипсис”, в котором получили развитие идеи, изложенные впервые в “Небесных тайнах”. Этот труд был закончен, но по каким-то причинам так и не напечатан при жизни Сведенборга. Правда, семь лет спустя Сведенборг опубликовал его резюме в одном томе под заголовком “Апокалипсис раскрытый”. Трудно понять, где даже такой усидчивый автор, как Сведенборг, находил время для написания всех этих книг!

Книга “О небесах и об аде” привлекла к себе внимание своей тематикой. Как бы ни было все неопределенно в жизни, одно можно сказать с уверенностью: мы все умрем, и мало кто из людей, в какое-то время своей жизни не задумывался над этим неизбежным исходом.

Официальные христианские церкви XVIII в. сообщали нечто весьма невнятное о загробной жизни. Они, конечно, учили, что человек будет жить после смерти, однако не говорили ничего определенного о том, когда и как он воскреснет и какая жизнь ожидает возродившуюся душу. Напротив, Сведенборг утверждает, что изложенное им является *действительными фактами* о будущей жизни; что основой для них служит Слово Божие и что доказательством бессмертия служит его собственный опыт!

Насколько же противоположно господствующим взглядам было его учение!

Ангелы, учили прежние Церкви, – это раса небесных существ, существующих от сотворения мира. Нет, говорил Сведенборг; каждый обитатель небес, а равно и ада, некогда жил на земле.

Человек воскреснет в физическом теле, утверждали церкви.

Физическое тело сгниет в земле и никогда не возродится, говорил Сведенборг. Воскреснет душа, нематериальное тело – сразу после смерти.

Небесное блаженство, ожидающее спасенную душу, это вечное прославление Бога и пение псалмов, утверждали Церкви.

Нет, говорил Сведенборг; там, как и здесь, у каждого есть свое занятие. Формальное поклонение есть только одна из фаз небесной жизни, скорее отдохновение, чем занятие. Ангелы едят и пьют, работают и играют, живут в домах и собираются вместе. Они разделяются на сообщества в соответствии с их занятиями и талантами.

Пропавшие души вечно мучаются в огне, гласило общепринятое мнение того времени.

Нет никакого огня кроме наших обжигающих вожделений, говорил наш автор. Бог никого не наказывает. Мучения проклятых заключается единственно в том, что они связаны своей привязанностью к злу. Им, несомненно, не свойственны “угрызения совести”, ибо у зла нет совести. Самим себе они кажутся такими же, как прежде, хотя в глазах обитателя неба они выглядят чудовищами.

Миллионы некрещеных младенцев и язычников относятся к пропадающим душам, утверждал священники традиционных церквей и торопились окрестить новорожденного в любую погоду, чтобы не оставить Дьяволу легкую добычу – особенно если малыши были слабы здоровьем и могли умереть!

Нет, сказал Сведенборг; Язычники чаще бывают даже лучше христиан и, получив правильное наставление, легко попадают на небеса. А что касается младенцев, то они попадают на небо сразу после смерти, и там ангелы их растят и дают им наставления, когда они достигают духовной зрелости.

Небеса и ад находят вокруг нас уже здесь, на земле, и нашими душами мы уже при жизни находимся в духовном мире. Смерть есть просто переход с одного уровня сознания на другой; телесная оболочка сбрасывается, говорит Сведенборг, как изношенная одежда. Его духовный мир – это действительный мир, населенный не привидениями, а мужчинами и женщинами, которые прежде жили на земле. На первых же страницах “О небесах и об аде” он заявляет:

В другом мире духовное притяжение устраивает все в особом порядке. Все, живущие там, сообщаются по внутреннему подобию, а не по общности времени и пространства, как здесь. Те,

кто прибывают в самой тесной гармонии с Богом, пребывают в глубочайшем, или *небесном небе*. Менее совершенные и более отдаленные от Бога пребывают на *духовном небе*. Те, кто еще менее совершенны, принадлежат *природному небу*. Таким образом, есть три неба, а против них располагаются три уровня ада. Господь никого не отправляет в ад, а души сами тянутся к тем, с кем они хотят быть.

*

За последние сто лет человечество стало во многом думать иначе, и сегодня немногие просвещенные люди станут защищать старое нелогичное учение о будущей жизни. В Америке эта перемена взглядов была возведена некоторыми к влиянию Сведенборга, который, как они говорят, предложил первое действительно новое за восемнадцать веков понятие бессмертия. Идея загробного существования приобрела здравомысленный и наглядный вид и стала разумной, понятной и естественной, во многом заменив собой традиционное представление о том, что мертвые спят в своих могилах до тех пор, пока трубный глас не воззовет их к воскресению.

Иную реакцию следовало ожидать от современников Сведенборга, да он и не рассчитывал, что его откровения будут сразу же приняты миром. Он писал на начальных страницах “О небесах и об аде”:

“

“

Известно, что Сведенборг разослал экземпляры всех пяти изданных им книг всем ведущим церковным деятелям Англии и ни от кого не получил ответа. В “Духовном дневнике” он описывает разговор с англиканским епископом, который считался в мире самым ученым. Этот епископ сознался, что он думал о Господе просто как о человеке и считал зло грехом только потому, что творившие его преступали законы. Он рассказал Сведенборгу, как посредством интриг и извращенных толкований он побудил духовных лиц полностью отвергнуть те пять книг, которые были посланы епископам Англиканской церкви и ее представителям в Парламенте. В ответ Сведенборг торжественно заявил, что *это было не его творение, но Господа*, который желал открыть природу небес и ада и жизни человека после смерти. И еще Сведенборг сказал, что предмет богословия не стоит выше разума.

Глава Удивление в Швеции

В конце июня 1750 года Сведенборг направился из Англии обратно в Швецию, посетив по дороге Голландию. До сих пор ему удавалось сохранить анонимность своих изданий, и очень немногие в этом мире догадывались, что он сознательно вел двойную жизнь. Но пришло время, когда внимание публики поневоле было привлечено к нему вследствие ряда событий, показывавших его необыкновенные психические способности. Первое случилось по его приезде в Гётеборг, расположенном на западном побережье примерно в 300 верстах от Стокгольма.

В четыре часа дня 19 июля, в субботу, Сведенборг присутствовал на званом обеде в доме видного купца Вильяма Кастеля. Около шести часов он ненадолго оставил общество и вернулся обратно бледный и возбужденный. На вопрос о том, что произошло, он ответил, что в южной части Стокгольма начался пожар и что огонь приближается к его дому. В восемь часов, после того как он некоторое время вновь отсутствовал, он воскликнул с облегчением: “Слава Богу! Огонь потушен за три дома от моего! Среди гостей Кастеля были жители Стокгольма, и они были очень встревожены сообщением Сведенборга.

В тот же вечер о том, что случилось в доме Кастеля, было доложено губернатору провинции, и на следующий день Сведенборг был вызван к губернатору и опрошен вновь о пожаре в Стокгольме. Он дал подробное описание пожара, рассказав, как он начался, сколько времени продолжался и каким образом был потушен.

Вечером в понедельник из Стокгольма прибыл гонец, посланный Ведомством Торговли еще в то время, когда пожар бушевал в полную силу. В привезенных им донесениях ход пожара был описан в точности так, как рассказывал Сведенборг. На следующий день к губернатору явился королевский курьер, который привез официальное сообщение о пожаре и причиненных им убытках. Это сообщение, как и предшествующее, точь-в-точь совпадало с тем, что говорил Сведенборг.

В столице слух о визионерских способностях Сведенборга вызвал огромную волну интереса к нему. Его недавние богословские труды были еще неизвестны в Швеции, так что этот интерес не мог быть связан с его духовным опытом. До сего времени еще никто не обращался к Сведенборгу как к автору “Небесных тайн”. По крайней мере, на сей счет не сохранилось никаких документальных известий.

Тем не менее экземпляр книги “О небесах и об аде” каким-то образом вскоре попал в Стокгольм, как подтверждает записка, написанная рукой графа Густафа Бонде 5 января 1759 года. Бонде, кажется, был первым, кто догадался, что автором всех пяти книг, изданных в Лондоне, был Сведенборг.

Сведенборг хорошо знал Бонде. Последний был президентом Горного ведомства, когда Сведенборг посвятил ему первые три части своих “Разных наблюдений”. В 1739 году он вышел в отставку, но теперь, спустя двадцать лет, был призван на очередной срок в Сенат и переехал в Стокгольм.

То, что отзыв Бонде об этой книге носит характер “возражений”, не кажется удивительным, учитывая новаторский характер высказанных в ней идей. Его покорило, например, отрицание Сведенборгом спасения чисто по благодати независимо от покаяния. И как мог змей соблазнить Еву в раю, если на земле до людей не было ангелов и чертей? Еще Бонде опасался, что, если можно будет искать “внутренний смысл” Писания вместо того, чтобы твердо держаться его буквы, то каждый сможет изобретать какую угодно религию, придумывая удобный себе смысл.

Несмотря на эти возражения граф Бонде высоко оценил книгу, ибо он написал о ней в Роттердам своему другу барону Гатцелю, и тот сразу же стал горячим почитателем работ Сведенборга, включая “Небесные тайны”. В своем письме к Бонде Гатцель просил его передать Сведенборгу, что он с юных лет искал истину, и теперь, познакомившись с необыкновенными прозрениями Сведенборга, он хотел стать его учеником и вслед за ним “испытать из того же источника мудрости”. В благодарность за эту услугу Гатцель предложил перевести все труды Сведенборга на немецкий и французский языки, чтобы они стали доступны непросвещенным.

Отправляя это письмо Сведенборгу 7 августа 1760 года, граф Бонде упоминает о давних узах дружбы, связывавших его с Гатцелем, и рекомендует ему своего друга, который с весны присылал ему письма с восторженными откликами на его книги. Кроме того, он напоминает Сведенборгу о его обещании нанести ему визит летом и осмотреть его маленький сад.

Ответ Сведенборга на это письмо, датированное четырьмя днями позже и касающееся просьбы Гатцеля, служит прекрасным примером его дружбы и такта. Он вежливо объясняет Бонде, что, поскольку его книги опубликованы анонимно, он не может входить в переписку с кем-либо живущим за границей. Он просит Бонде передать Гатцелю, что ему приятны одобрительные отзывы барона на его труды. Это служит для него знаком того, что он был вдохновлен на них самим небом, ибо предметы, рассмотренные в них, невозможно понять без подобного прозрения.

Никаких известий о дальнейших контактах между Сведенборгом и Гатцелем не сохранилось. В скором времени, однако, весь гор говорил о Сведенборге и его даре ясновидения. Некоторые ученые люди уже могли ознакомиться с его новыми книгами, ибо он стал понемногу раздавать их друзьям, ограничивая свой выбор, как он сам сказал, просвещенными и мудрыми людьми. Среди них был ученый архивист Антон фон Стюрман, которому Сведенборг преподнес некоторые свои научные труды, в том числе свою “Химию” с несколько витиеватой дарственной надписью:

“Эти трактаты, которые суть мои первые плоды, даются в дар благородному мужу, рыцарю, советнику Казначейства, А. Стюрману, их автором Эм Сведенборгом. Рыцарь в духовном смысле,

каковой есть также мистический смысл, означает того, кто знает и просвещен; таков и Стюрман (что по шведски значит буквально “человек звезд”. – прим. перев.), ибо звезды в этом смысле означают познание истины и блага; таким образом, человек звезд есть тот, кто знает и просвещен”. Среди видных людей того времени, чье любопытство было возбуждено вновь открывшимися способностями и идеями Сведенборга, был бывший премьер-министр Карл Густаф Тессин, который оставил после себя пространные дневники, занимающие двадцать девять томов. Эти дневники поныне хранятся в красивом замке Тессина в местечке Океро. За 28 февраля 1760 года мы находим в них такую запись:

“Среди нас советник Сведенборг является живым примером того, как высоко могут подняться в человеческой голове пары воображения. Он живет, мне сказали, в саду-обсерватории, считает себя счастливейшим из смертных, да и является таковым; ибо благодаря непосредственному сношению с будущим миром он верит, что может видеть и говорить со всеми, кто умер, как известными, так и неизвестными ему”.

Упомянув далее о том, что Сведенборг общался с духом Польхема на его собственных похоронах, Тессин пишет далее:

“Только из любопытства, желая познакомиться с необычным человеком, я навестил ассессора Сведенборга 5 марта 1760 года. Он живет в маленьком чистом домике на большом участке земли с садом, принадлежащим ему. Я встретил старого человека лет семидесяти трех от роду, чрезвычайно похожего на покойного епископа Сведборга, но не такого высокого. У него были словно бы выцветшие глаза, большой рот и бледный цвет лица, но он был весел, радушен и разговорчив. Мне казалось, что он был рад моему визиту, и поскольку я не имел желания тратить много времени на прелюдии, я тут же стал спрашивать его о книге, которая озаглавлена “О небесах и об аде”...

Казалось, он не был особенно готов к моим возражениям и долго раздумывал прежде чем отвечать. Он сказал, что ему было запрещено повторять то, что ему говорили ангелы и умершие, однако сообщил, что Бог дарует ему эти откровения уже в течение шестнадцати лет, чтобы он мог вывести мир из мрака невежества и заблуждений, которые в последнее время усилились настолько, что самое существование Бога уже подвергается сомнению... Всякий раз, когда он один, к нему приходят ангелы и души умерших, но лишь немногие делают это дольше полугода, ибо души забывают свое земное бытие и остаются в своих небесных обителях...

Небеса, говорит он, разделяются на сообщества, а эти сообщества образуются вследствие общности наклонностей людей, так что все их члены пребывают в согласии. Если муж и жена имеют разные наклонности, то они действительно встречаются в загробном мире, но впоследствии каждый из них уходит в свое сообщество, где они обретают нового спутника. Ибо, по его словам, на том свете все устроено так же, как в этой жизни, только в другой степени. А кроме того, говорит он, имеются многие тысячи адских миров, которые тоже разделены на сообщества и управляются Богом и где все наказания определяются соответственно Его все-мудрой мере”.

В другой раз Тессин записал в своем дневнике, чтобы “узнать как можно больше об образе жизни ассессора Сведенборга, чтобы наши записи сохранили все относящееся к этому человеку, которому суждено занять виднейшее место среди ясновидцев...”

Выполняя свое намерение, Тессин еще раз посетил Сведенборга 30 июня того же года, взяв с собой жену, некоторых родственников и графиню Ферсен. Описывая свой визит в “аккуратный сад и философски устроенный дом” Сведенборга, Тессин говорит:

“Он сказал мне, что графиня Недвиг Сак (свояченица Ферсен) часто приходила к нему. В настоящее время – таковы были его слова – она живет благополучно и подтвердила, что все сказанное им о будущей жизни соответствует истине. Я не знаю, назвать ли счастливым или несчастным слабоумного человека, который находит удовольствие в своем воображении. Он подарил мне свою книгу о мозге, опубликованную в Амстердаме. Кому-нибудь следовало бы написать “О лечении мозга”, в чем этот добродушный во всех других отношениях господин нуждается...”

Впрочем, вера – самая святая вещь, и здесь разум не имеет права вмешиваться...”

Все же Тессин явно не был сам удовлетворен этим заключением, ибо он продолжал читать и перечитывать книги Сведенборга и позднее написал:

“Среди всех ясновидцев господин Сведенборг пишет, наверное, наиболее ясно. Он рассуждает, цитирует источники, выводит заключения и т.д. Все здание его мысли выглядит вполне целостным и при всех его частность выстроено искусственной мыслью. Сама же книга имеет так много новых и неожиданных поворотов, что ее можно читать без скуки. То, что говорит в параграфе 191 о пространстве в небесах, читается как хорошо обоснованный сон... Все это можно читать с тем же доверием, с каким читают Коран Магомета”.

О том, что слухи об общении Сведенборга с духами вызвали немало пересудов в столице, свидетельствует минералог Даниэль Тилас, который в письме к своему молодому коллеге, Советнику по рудникам Акселю Кронстедту, писал: “весь город взбудоражен известием о том, что Сведенборг общается с умершими, когда того захочет и спрашивает их о разных вещах – находятся ли они на небесах или в аду или же витают в каком-то третьем мире. Он призвал барон Горлемана (архитектора королевского дворца), чтобы получить от него план какого-то здания, и застал его гуляющим в своем саду... У королевы Ульрики Элеаноры все в порядке. Она теперь замужем за другим благородным господином и пребывает в блаженстве. Я весь дрожу в предверии разговора с ним, ведь он может и мне открыть, за кого вышла замуж моя покойна (жена) Недвига Рейтерхольм. Мне бы не хотелось, признаюсь, чтобы она стала султаншей”.

Я бы не придавал всему этому ни малейшего значения, если бы не услышал это вчера из собственных уст графа Тессина. Жаль, что тебя нет здесь, а то мы отправились бы к нему вместе. Но прежде мне следовало бы тебя предостеречь, *risum teneatis, amici*” (письмо от 16 марта 1760 года).

Неделю спустя Тилас продолжил разговор на эту тему:

“... Со времени написания последнего письма я успел побывать в обществе этого удивительного человека. Многие считают его сумасшедшим, но я должен досконально вникнуть в это дело, прежде чем вынести окончательное суждение... Ты только послушай эту ошеломляющую новость: Страшный Суд уже свершился в 1757 году, и он говорит об этом с таким знанием дела, будто он присутствовал там в качестве секретаря и записал все подробности. С тех пор суд продолжается, и всех судят как только они прибывают в тот мир. Сему известию не следует давать огласку, ибо я не хочу нести за него ответственность...” (письмо от 24 марта 1760 г.)

Тилас был одним из близких друзей Тессина. Четыре года минуло с тех пор, как Тессин оставил пост премьер-министра, но он все еще был членом исполнительного совета. Глубоко укорененная в нем любовь к культуре и красоте выразилась в его изысканной художественной коллекции, его библиотеке и его уникальном минералогическом кабинете. Зимой Тессины жили в большом доме прямо напротив Дворянского собрания, а лето 1760 года они провели в небольшом загородном поместье, принадлежавшем их богатому другу Клаесу Грилло. Усадьба находилась совсем недалеко от замка Дроттнингхольм, куда часто навещалась королевская чета.

Здесь Тессин, завел обычай, как в собственном доме, собирать у себя любителей искусств и наук. На обедах у Тессинов постоянно бывали многие известнейшие люди. На одном из таких вечеров в сентябре 1760 года присутствовал и Сведенборг. Он был одет, как Тессин описал его “в вельветовый камзол цвета лаванды и черный шелковый жилет”; на голове у него, по обычаю того времени, был пышный парик, на ногах – ботинки с большими золотыми застежками. В тот день после обеда вместо обычной игры в бильярд все остались в гостинице слушать Сведенборга, который рассказал слушателям о своих идеях.

Интерес Тессина к Сведенборгу сохранился и в дальнейшем, ибо Сведенборг получал от них приглашения на званые обеды в течение всей зимы. Это был, однако, большей частью личный интерес, проистекавший не столько из увлечения идеями Сведенборга, сколько из простого любопытства.

Весной случилось еще одно событие, которые вызвало сенсацию в столице. Господин де Мартевилль, голландский посол в Стокгольме, умер в апреле предыдущего года. Спустя несколько месяцев некий ювелир представил его вдове счет на оплату некоторых серебряных вещей, которые он сделал по заказу покойного посла. Вдова очень удивилась этому требованию, ибо она знала, что ее покойный муж всегда аккуратно расплачивался по счетам. Она была уверена, что этот счет на сумму в 25 тысяч голландских гульденов был оплачен ее мужем, но никак не могла найти расписку ювелира об оплате счета.

Есть основания полагать, что русский посол, граф Остерманн, друг покойного де Мартевилля, посоветовал вдове последнего обратиться за помощью к Сведенборгу. Через некоторое время вдова нанесла визит Сведенборгу в сопровождении нескольких дам. Ассессор принял их в красивой комнате с высокими потолками и окном в потолке, которое выходило на обсерваторию, находившуюся на втором этаже. Потом он пригласил дам на прогулку в сад. Когда госпожа де Мартевилль спросила его, был ли он знаком с ее покойным мужем, Сведенборг ответил отрицательно. Извинившись за беспокойство, которое она доставляет хозяину, вдова обратилась к Сведенборгу со своей просьбой. Если, как говорят, Сведенборг обладал необыкновенным даром общения с душами умерших, не будет ли он так любезен, чтобы спросить ее покойного мужа о счете, предъявленном ювелиром?

Сведенборг, по его собственным словам, обещал несчастной вдове, что, если он встретит душу господина де Мартевилля, он расспросит его об этом деле. Так он и сделал, когда спустя некоторое время действительно повстречал покойного посла в мире духов. Де Мартевилль ответил тогда, что он сам “в тот же вечер пойдет домой и посмотрит”, но ничего не попросил передать его вдове.

По словам госпожи де Мартевилль, спустя восемь дней после посещения ею Сведенборга ее муж явился ей во сне и указал место в английском бюро, где лежала расписка, сказав:

“Дитя мое, ты волнуешься из-за расписки. Вытащи весь ящик наружу из моего бюро. Вероятно, расписка оказался прижатой ящиком к задней стенке”.

Это случилось около двух часов утра. Вдова радостная встала с постели и нашла в указанном месте не только расписку, но и украшенную драгоценными камнями булавку, которая считалась потерянной. Потом она легла вновь и спала до девяти часов утра.

Около одиннадцати часов пришел Сведенборг и попросил доложить о своем визите. Еще не услышав от вдовы ни слова, он сказал ей, что этой ночью он видел много разных духов, среди них господина де Мартевилля. Сведенборг хотел поговорить с ним, но де Мартевилль отказался от беседы, поскольку, по его словам, он должен был придти к своей жене и сказать ей что-то важное. После этого он оставит сообщество, в котором пробыл год, и перейдет в сообщество более счастливых.

Более драматическая версия этой истории была рассказана четыре года спустя Иммануилу Канту. Согласно этой версии, Сведенборг в присутствии своих гостей рассказал вдове про секретный ящичек, в котором лежала расписка, и вся компания тотчас направилась в дом покойного посла, где расписка и была обнаружена в месте, указанном Сведенборгом. Версия, изложенная выше, основывается на том, что Сведенборг сам рассказал своему другу Робзаму, который заверяет, что “ничего не добавил от себя к этому рассказу”.

*

Более важной и удивительной представляется история о секрете королевы, которая случилась осенью того же года. Она тоже рассказывается разными лицами по-разному, но мы выберем, как наиболее достоверную, версию, которая изложена Тессинем в своем дневнике спустя всего лишь три дня после этого происшествия. Мы приводим ее здесь вместе с отрывком из рассказа некоего датского чиновника, который лично расспрашивал Сведенборга об этом случае.

Сведенборг рассказывал, что в один из последних дней октября 1761 года ему нанес визит граф Ульрик Шефер. Граф попросил Сведенборга явиться с ним завтра ко двору короля. Оказалось, что за несколько дней до того королева получила от своей сестры, герцогини Брунsvикской, письмо, в

котором герцогиня спрашивала ее о некоем человеке в Стокгольме, умеющим, по сообщениям газет, разговаривать с духами. Герцогиня недоумевала, почему ее сестра до сих пор ничего не сообщила ей об этом человеке. Королева спросила присутствующих, действительно ли есть такой человек в Стокгольме и не сумасшедший ли он? На это граф Шефер ответил, что этот человек не только не сумасшедший, но принадлежит к числу самых ученых людей Швеции, и тогда Лоиза Ульрика выразила желание увидеться с ним. Граф Шефер сказал, что близко его знает и выразил готовность придти вместе с ним.

Выслушав этот рассказ, Сведенборг немедленно согласился явиться на аудиенцию к королевской чете.

На следующий день, когда граф Шефер представил Сведенборга королеве, та спросила его, правда ли, что он может разговаривать с умершими?

Сведенборг сказал: “Да”.

-- Является ли это наукой, которую можно передать другим? – спросила королева.

Нет, – ответил Сведенборг.

◆ Что же это в таком случае?

◆ Дар Божий.

-- Можете ли вы говорить с любым покойным или только с некоторыми?

◆ Я не могу разговаривать со всеми, но только с теми, кого знал при жизни, – ответил Сведенборг, – А также со всеми королевскими особами, знаменитыми героями и великими учеными, которых я знал лично или о которых узнал из их сочинений; следовательно, со всеми, о которых я имею представление. Ибо можно предположить, что я не могу и даже не могу иметь желаний говорить с теми, о которых не имею никакого представления.

Тогда королева спросила, не может ли он передать некое сообщение ее покойному брату? (Речь идет о прусском короле Августе Вильгельме, который умер 12 июня 1758 года).

--С большой охотой, – ответил Сведенборг.

“Засим Сведенборг вместе с королем и графом Шефером прошел за королевой к окну, где она сообщила ему свое поручение, и он обещал доставить ей ответ.

После этого королевская чета пригласила Сведенборга отобедать вместе с нею, и за обедом король и королева задали ему тысячу вопросов, на которые он должным образом ответил. Воспользовавшись случаем, Сведенборг попросил у королевы разрешения преподнести ей свои опубликованные труды”.

Три недели спустя, говорит Тессин, до него дошли известия столь удивительные, что он решил сам посетить ассессора и узнать все из его собственных уст. Запись в дневнике Тессина от 18 ноября гласит далее:

“Через три дня Сведенборг опять явился к королеве вместе со своими книгами и попросил личной аудиенции у Ее Величества. Королева сама утверждала позднее, что она играла в карты, когда вошел Сведенборг и попросил ее о приватной беседе. Она ответила, что в этом обществе он может говорить все, что он может сказать другому, но Сведенборг заверил Ее Величество, что он не мог раскрыть то, что он должен был сказать, при свидетелях.

Королева, слегка взволнованная, передала свои карты другой даме и попросила сенатора фон Шверина сопроводить ее в другую комнату. Она поставила фон Шверина у двери, а сама прошла в другой конец комнаты со Сведенборгом. Тогда Сведенборг сказал ей нечто, что должен был держать в тайне. Королева же, услышав сие, побледнела, отступила назад, словно она вот-вот лишится чувств, и воскликнула в большом возбуждении: “Этого никто не мог сказать, кроме моего брата!”

Заметив испуг королевы, Сведенборг выразил сожаление о том, что зашел так далеко.

Выходя из покоев королевы, он встретил советника фон Далина и попросил его передать Ее Величеству, что он займется этим делом дальше, чтобы она могла чувствовать себя покойней. “Но я не осмелюсь сделать это, – добавил он мне – раньше чем через десять или двенадцать дней; ибо

если я сделаю это раньше, это вновь будет потрясением и, возможно, еще большим для Ее Величества”.

Что же касается Королевы, продолжает Тессин, то она заявила, что все еще пребывает в нерешительности относительно того, чему верить, и попросила ассессора представить ей новые доказательства. Если ему это удастся, она убедится в том, что он знает больше других. Возможно, это он и имел в виду, когда говорил о каком-то новом известии, которое должен получить через десять или двенадцать дней.

Остается несомненным, заключает Тессин, что состояние ума Сведенборга являет собой поразительное смещение проникновения, даже, поистине, ясновидения и необузданного воображения. Он один из тех необычных характеров, которые всегда будут загадкой для исследователей, не обязательно пребывая при этом за пределами возможного и доступного понимания”.

Этот дипломатичный и, в сущности, бессмысленный вывод давал Тессину возможность как-то закрыть для себя “тему Сведенборга”.

Какой секрет передал Сведенборг королеве Швеции? Это все хотели знать. На протяжении нескольких дней после этого события к дому ассессора одна за другой подъезжали кареты, из которых выходили первые люди государства, желавший узнать секрет, так напугавший королеву. Но Сведенборг решительно отказывался разглашать его. Согласно одной из версий разговора Сведенборга с королевой, Сведенборг передал ей содержание ее беседы с покойным братом, когда она расставалась с ним в замке Шарлоттенбург.

Если бы Сведенборг разгласил секрет королевы, это могло бы дать основания для новых обвинений королевы Швеции в измене и сговоре с врагом, поскольку Швеция была тогда в состоянии войны с Пруссией. За несколько лет до того Лоиза Ульрика едва избежала обвинений в подготовке государственного переворота, когда она попыталась расширить прерогативы королевской власти. Впрочем, чтобы понять всю подоплеку этой истории, нужно принять во внимание политическую обстановку того времени и характер самой королевы. Это мы отложим до следующей главы.

Все эти и другие подробности личной жизни Сведенборга мы узнаем от его новой экономки Марии Берг, поскольку прежние слуги Сведенборга покинули его дом в конце 1757 года. Муж Марии, Карл Вессель, был профессиональный садовник. Эта состоятельная чета не имела собственных детей, но воспитывала приемную дочь девяти лет. С ними же жила сестра Марии и служанка.

Сведенборг редко ходил в церковь. Он не находил ничего поучительного для себя в проповедях, которые противоречили его представлениям об истине. Причащался он тоже нечасто. По этому поводу он получил “дружеский упрек” от одного из епископов, своего близкого родственника. Сведенборг ответил, что его поступки нельзя мерить обычною мерой, поскольку Господь наделил его особой миссией и он всегда находится в обществе ангелов. Однако, когда епископ заметил, что Сведенборг покажет добрый пример, исправно выполняя заповедь Христа, Сведенборг решил принять причастие в церкви, которую временно посещала община его служанки Марии. За несколько дней до службы он спросил своих слуг, к кому из священников ему лучше пойти. Они назвали старшего капеллана.

“Нет – сейчас же ответил Сведенборг – он страстный человек и неистовый священник. Мне было неприятно слышать давече, как он гремел с кафедры”.

Когда же слуги назвали помощника капеллана, который был не так популярен среди прихожан, Сведенборг сказал: “Вот кого бы я хотел, ибо я слышал, что он говорит то, что думает, а потому и не пользуется популярностью, как всегда бывает в мире”.

Видения Сведенборга представляли мучительную проблему для ученых мужей его времени, которые не могли сопровождать ясновидца в его странствии к высотам науки и не могли видеть его постепенного восхождения к тайнам души.

Граф Клас Экеблад отмечает в своем дневнике типичный для того времени случай: 16 июня 1762 года он пошел на прогулку в Королевский сад:

“В саду было огромное стечение публики, и королевская чета остановилась специально для того, чтобы дать возможность своим верным подданным хорошенько разглядеть ее. Там был и ассессор Сведенборг, который говорил о свадьбе в раю русской императрицы с моим дедушкой, о чем я и сообщаю за то, что купил”.

Речь идет о дедушке графа Экеבלада по материнской линии, Магнусе де ля Гарди, который умер еще молодым, и императрице Елизавете, дочери Петра Великого, которая умерла в январе предыдущего года в возрасте пятидесяти трех лет. В потустороннем мире де ля Гарди расстался со своей женой из-за несходства их наклонностей. Императрица встретила в загробном мире разных мужчин, которые ухаживали за ней при жизни, но сочла их всех неподходящими для себя. Когда же она встретилась с де ля Гарди, оба тотчас поняли, что созданы друг для друга. По словам Сведенборга, Елизавета была правительницей над лучшим сообществом русских, а де ля Гарди тоже управлял большим небесным сообществом. Когда они решили пожениться, ангел в красивом белом одеянии спустился к ним для совершения свадебной церемонии. Он просто спросил у жениха и невесты об их согласии на брак и дал им Божье благословение. Это случилось, говорит Сведенборг, 5 марта 1762 года, за три месяца до того, как Сведенборг и внук Магнуса де ля Гардии встретились в парке.

Хронисты приписывают императрице Елизавете острый ум, дипломатический такт и большой талант в управлении государством, который она унаследовала от своего отца. “То, что свиду многим казалось в ней нерешительностью и медлительностью, чаще всего было мудрым откладыванием суждения”. Это замечание Сведенборга представляет большой интерес в связи с двумя эпизодами его жизни.

Первый из них записал его друг Карл Робзам, который однажды пригласил Сведенборга отобедать в обществе русского монаха по имени Ороносков, священника русского посольства в Стокгольме. Это благочестивый и набожный человек получил от Робзама некоторые сочинения Сведенборга, которые он читал с большим удовольствием.

За обедом русский священник спросил Сведенборга, видел ли он императрицу Елизавету.

“Я видел ее часто, и она находится в блаженном состоянии” – ответил Сведенборг, и кто-то из присутствующих перевел его слова на французский язык.

Услышав ответ Сведенборга, священник прослезился. и сказал, что императрица была всегда добра и справедлива.

“Да, – сказал Сведенборг, – его добрые чувства к людям проявились после ее смерти, ибо в другой жизни выяснилось, что она никогда не уходила на государственные совещания, не помолившись Богу и не попросив Его совета и помощи ей в управлении государством”.

В другой раз Сведенборг высказался о духовном состоянии императрицы Елизаветы несколько лет спустя, когда он гостил у шведского посланника в Дании. Когда его спросили, приходилось ли ему видеть покойного короля Дании Фредерика V, Сведенборг ответил:

“Да, я видел его и знаю, что он очень счастлив, как и все короли Ольденбургского дома, которые все находятся вместе. Это, увы, нельзя сказать о наших, шведских, королях, некоторым из которых приходится очень плохо”.

Потом он добавил:

“В мире духов я не видел никого счастливее русской императрицы Елизаветы... При всех ее ошибках у нее было доброе сердце... Она намеренно откладывала подписание указов и бумаг, которые ей вручали, так что в конце концов их скапливалось у нее столько, что она уже не имела времени изучать их, и ей приходилось верить на слово министрам и подписывать сразу целые кипы документов. А потом она уединялась в своих покоях, падала на колени и просила у Бога прощения, если она нечаянно подписала какое-нибудь несправедливое распоряжение”.

Еще один эпизод касается судьбы несчастного Петра III. О нем известно со слов некоего “господина Г.”, характеризуемого как “человека богобоязненного и правдолюбивого”:

“В 1762 году в тот самый день, когда умер император России Петр , Сведенборг был вместо со мной в некоем собрании... Посередине разговора он вдруг переменялся в лице, и было видно, что чувства покинули его и с ним что-то происходит. Когда он пришел в себя, его спросили, что с ним случилось. Сначала он отказывался говорить, но потом, уступив настойчивым просьбам, сказал:

“В это самое время император Петр умер в тюрьме”. Он объяснил причину его смерти и добавил: “Господа, отметьте, пожалуйста, какой нынче день, чтобы вы могли потом сравнить мое сообщение с известием о его смерти, которое появится в газетах”.

Вскоре в газетах появилось сообщение о смерти императора, случившейся в тот самый час, который был указан Сведенборгом. Петр был назначен императором его теткой Елизаветой и вступил на престол 5 января 1762 года. Очень скоро жена Петра, бывшая немецкая принцесса Екатерина, организовала мятеж против него и провозгласила себя правительницей России. 17 июля Петр был задушен в тюрьме одним из заговорщиков, и эту трагедию Сведенборг, судя по сообщению его друга, и видел своим внутренним зрением!

Вообще в те годы в Стокгольме было много разговоров о природе видений Сведенборга. Говорили разное. Одни верили в его сверхъестественное зрение, другие считали его необъяснимым, третьи верить отказывались, считая все это чистым домыслом. Но решительно все относились к Сведенборгу с почтением по причине его безупречного поведения. Появилось множество анекдотов о жизни необыкновенного ассессора, и далеко не все из них заслуживают доверия. В числе наименее правдоподобных можно назвать рассказ профессора фон Шерера, атташе французского посольства, который был лично знаком со Сведенборгом, но находил невозможным верить в его рассказы о беседах с духами.

По словам Шерера, однажды, после того как Сведенборг в кругу знакомых сообщил нечто из жизни в мире духов, его стали просить, желая проверить, насколько достоверны его сообщения, сказать, кто из присутствующих умрет первым. Сначала Сведенборг отказывался, но после настойчивых уговоров он погрузился на некоторое время в глубокое созерцание и, наконец, изрек: “Олоф Олофсон умрет завтра утром в четыре часа”.

Это неожиданное предсказание повергло всех присутствующих в шок. Один из тех, кто находился тогда рядом со Сведенборгом, был близким другом упомянутого Олафсона и решил на следующее утро проведать его. На звонок вышел слуга Олафсона и сказал ему, что его хозяин только что скончался от апоплексического удара. Часы в доме покойного, по словам слуги, сами остановились в момент его смерти, и они показывали ровно четыре часа!

Этот рассказ кажется нам крайне сомнительным. Сведенборг в самом деле иногда предсказывал будущие события. Но чудесная остановка часов уж слишком отдает фантазией рассказчика, и анекдот Шефере интересен лишь пример ходячих толков о Сведенборге.

Другой анекдот, рассказанный неким “заслуживающим доверия господином”, если он достоверен, делет честь остроумию Сведенборга. Рассказывают, что архиепископ Самуэль Тройлиус, больше всего на свете любивший тресет – карточную игру для трех игроков – потерял своего старого партнера Эрланда Бромана, президента Ведомства торговли. Встретив однажды Сведенборга в каком-то многолюдном собрании и желая посмеяться над ним на публике, он спросил его:

“Между прочим, ассессор, расскажите нам что-нибудь о мире духов. К примеру, как там поживает мой друг Броман?”

Сведенборг, не задумываясь, ответил: “Я видел его несколько часов тому назад. Он тасовал карточную колоду в обществе Лукавого и ждал только вашего святейшества, чтобы начать игру в тресет!”

Пришлось архиепископу прикусить язык.

А в дневниках Сведенборга мы встречаем такое описание духовного состояния Бромана:

“Был некто известный мне, кто жил в этом мире только плотскими радостями. Перед смертью он позаботился о том, чтобы со всем благочестием совершить все необходимые обряды, так что священник и все остальные были уверены, что он попадет на небеса. Я говорил с ним спустя три

дня после его смерти, и оказалось, что на том свете он стал делать то же самое, что и при жизни, так что его предсмертное раскаяние не имело для его судьбы никакого значения”.

Глава

Помощь правительству

Приступив к осуществлению своего духовного призвания, Сведенборг не предал забвению свой общественный долг. Нет никаких свидетельств о том, что он когда-либо пропустил заседание Парламента. Если он оказывался за границей к началу сессии Парламента, старался вернуться вовремя домой. Но затруднения в речи не позволили ему выступать публично. По этой причине его предложения об управлении государством подавались им в виде докладов, дошедшие до нас в рукописном виде среди других его сочинений. Они переплетены в толстый том, носящий название “Парламентские бумаги”.

Оценивая эти бумаги, мы не хотим преувеличивать значения Сведенборга как политика. Они служат для нас лишь примерами его суждений и душевного равновесия. И ценны они для нас прежде всего тем, что показывают со всей ясностью, как непохож он был на мечтательного созерцателя, каким его часто изображает. Нет, это был до мозга костей практичный человек. Конечно, в политических спорах того времени так или иначе задевались его личные интересы, но есть предостаточно доказательств того, что Сведенборг твердо верил в демократию и неизменно вставал на ее защиту и что его сердцу -- благодаря предоставляемой ею свободе -- была дорога либеральная форма правления.

Теперь посмотрим на обстановку в Швеции в те годы. К 1751 году, когда умер король Фредерик, страна уже тридцать лет жила без войн за исключением сравнительно мелкой и вялой войны в Финляндии в 1741-1743 годах. Рожденный в Германии супруг королевы Ульрики Элеаноры был благодушный и мягкий монарх, проводивший время в развлечениях. Под конец жизни он уже почти не мог подписываться своей дрожащей рукой, и для него была специально печать, избавившая его от необходимости водить пером по бумаге. К тому же до самой смерти он даже не знал шведского языка.

Однако царствование преемника Фредерика, короля Адольфа Фредерика, было совсем другим. Король был умный, деликатный человек, который, возможно, легко подчинился бы ограничениям, наложенным на королевскую власть Парламентом, если бы не его надменная и предприимчивая немецкая жена -- Лоиза Ульрика. Она не могла забыть, что была сестрой прусского короля Фридриха Великого и никак не могла смириться с ущемлением своих августейших полномочий. Она мечтала превратить свой двор в центр искусств и наук и не желала даже слышать о шведских демократических традициях. Рассказывают, что, когда она проезжала в своей карете по улицам столицы, люди читали в ее глазах страстное желание: “Ах, если бы только вы были моими холопами!”

Лоизе Ульрике удалось собрать вокруг себя несколько знатнейших людей Швеции, выразивших готовность поднять войска и сместить существующее правительство ради восстановления монархии в ее прежнем виде. Этот заговор был раскрыт, а десять его виднейших участников в июле 1756 года сложили головы на эшафоте. Между тем к тому времени Швеция оказалась в тяжелейшем финансовом положении: государственная казна была обременена большими иностранными займами, и у правительства не хватало денег для оплаты непрерывно возрастающего импорта товаров. Пытаясь поправить положение, Парламент запретил ввоз в страну многих предметов роскоши и наложил ограничения на производство спиртного в целях сохранения запасов зерна.

Правительственные нововведения имели немало противников среди знатных людей, которые с давних времен держали кабаки и извлекали из них немалые доходы. Критики правительства в особенности упирали на то, что крепкие напитки служат единственной отрадой простым людям, и лишать их возможности выпить было бы слишком жестоко. Такой запрет того и гляди

вызовет бунт в народе! Однако разразившийся в 1756 году голод помог правительству настоять на своем: отныне все имеющееся в государстве зерно надлежало использовать для выпечки хлеба, а нарушителей этого распоряжения ожидало суровое наказание. Но полный запрет на алкоголь дал результаты противоположные ожидаемым. Простые шведы всюду стали гнать самогон, и уважение к закону оказалось подорванным. А запрещенные к вывозу товары – кофе, чай, вино, табак – исчезнув из таможенных складов, тем не менее имелись чуть ли не в каждой лавке.

Вскоре Швеция вступила в войну с Пруссией, примкнув к России и Франции. Увы, и на этот раз военные действия не принесли лавров шведской армии, явно уступавшей хорошо обученным войскам Фридриха Великого. А по мере того, как падали шансы шведов на победу, неуклонно поднималось настроение королевы Ульрики, и это дало Государственному совету Швеции основание подозревать, что королева *выдает военные планы правительства своему брату*. Теперь понятно, почему так много государственных мужей старались во что бы то ни стало узнать секрет Лоизы Ульрики, о котором так неожиданно проведал Сведенборг.

Война с Пруссией бесславно закончилась в 1762 году. Она стоила Швеции шестьдесят два миллиона талеров серебром и несколько тысяч солдатских жизней. Впрочем, она дала-таки Швеции и кое-что полезное. Многие шведские воины, вернувшись домой из Померании, принесли в своих солдатских мешках невиданные доселе *jordparon* – “земляные груши”, как прозвали шведы картофель. Новые плоды заменили на столах простых шведов хлеб и мясо и помогли за один год побороть голод.

*

Между тем в Швеции по-прежнему бушевал финансовый кризис. Реальная стоимость талера упала намного ниже его номинала. В ноябре 1760 года Сведенборг подал в Парламенте доклад о финансовых проблемах, в котором утверждал, что политика парламентского финансового комитета, возглавляемого бароном Андерсом Норденкранцем, губительна для страны. Попытка удержать номинальный курс талера выше реального, говорилось в этом докладе, не может дать результатов, ибо купцы предпочтут менять свою валюту за границей. Именно по этой причине серебряные деньги утекают за рубеж, а остаются в ней бумажные ассигнации, не имеющие реальной ценности. В результате, заявлял Сведенборг, растут цены на товары, а в органах государственной власти процветает взяточничество. Если так пойдет дальше, государство окончательно разорится.

Причиной нынешнего кризиса, писал далее Сведенборг, является выпуск банками векселей под залог недвижимости, которые не обеспечены действительным богатством. Сведенборг предлагал запретить выпуск таких векселей и постепенно ликвидировать те, что уже выпущены в обращение. Кроме того, он советовал установить государственную монополию на производство спиртных напитков.

Когда доклад Сведенборга стал известен Парламенту, ему предложили занять место в Комитете по финансам. Но Сведенборг отказался, считая, что сам Комитет незаконен, ибо все его члены были назначены бароном Норденкранцем и давали клятву действовать в секрете.

Норденкранц подал Парламенту семисотстраничный с анализом причин финансового кризиса в стране. “Полон яда и так скучен, что начинаешь зевать на третьей странице и засыпаешь на десятой”, – писал об этом докладе граф Тессин. Автор обвинял правительственных служащих в некомпетентности и предлагал каждые два-три года полностью обновлять штаты правительственных учреждений.

Сведенборг счел эти предложения крайне опасными и в очередном докладе Парламенту взял правительство под защиту:

“Ошибки случаются в каждом государстве и с каждым человеком. Но если судить о правительстве только по его ошибкам, это будет все равно, что судить о человеке только по его неудачам и недостаткам... Если бы я стал перечислять все известные мне ошибки правительств Англии или Голландии, я бы, полагаю, смог бы написать целый том; однако же эти

правительства, вместе с правительством Швеции, принадлежат к числу лучших постольку, поскольку каждый житель нашей страны находится в безопасности в собственном доме, и никто из них не является рабом, но обладает полной свободой...”

Далее Сведенборг опровергал пункт за пунктом утверждения Норденкранца и в особенности его предложение обновлять каждые два-три года весь государственный аппарат. Норденкранц также выступал против борьбы фракций в правительстве. Сведенборг указывал, что покончить с борьбой партий в правительстве можно лишь ценой возрождения опасности деспотизма. “Коррупция в свободных правительствах, – писал он, – все равно что мелкая рябь на воде, тогда как в абсолютных монархиях она подобна гигантским волнам; в абсолютных монархиях фавориты и фавориты фаворитов и, воистину, сам монарх склоняются к злоупотреблениям людьми, которые разжигают их страсти, и в подтверждение этого можно привести множество ужасных примеров”. Далее Сведенборг недвусмысленно давал понять, что и сам Норденкранц, самолично назначая членов своего Комитета и налагая на них клятву хранить молчание о своей деятельности в Комитете, поощряет борьбу фракций в правительстве. В конце своей записки Сведенборг советует опубликовать доклад Норденкранца и публично обсудить его.

Норденкранц был человек волевой и решительный, самостоятельно проложивший себе дорогу в жизни. Для своего времени он пытался проводить, можно сказать, прогрессивную политику и при всех своих недостатках противостоял партии войны, которая находилась на грани вполне заслуженного ею краха. Многие в рядах противников Норденкранца понимали необходимость либерализации государственной жизни. Но Сведенборг был против резких перемен в политике, которые могли бы погубить шаткое равновесие политических сил, существовавшее в то время в Швеции. Нет сомнения, что сам он склонялся, скорее, к классическим, испытанным временем, нежели либеральным формам политического устройства. Но он никогда не был человеком партии, и судил о каждом предмете сообразно его достоинствам.

Сведенборг отослал Норденкранцу экземпляр своих “Замечаний по поводу книги Норденкранца”, присовокупив к нему письмо, в котором выражал надежду, что Норденкранц не станет обижаться на него. Он просил извинить его по той причине, что “наш способ управления и наша свобода дороги мне. Мы не найдем повода для резких возражений, ибо я последовал мягкой, а не жесткой манере и не употребил резких слов, предавая суду то, что вы написали в укор правительству с целью пошатнуть то, что является его главной опорой...”

В ответном письме Норденкранц отмел все возражения Сведенборга и в особенности предположение его критика о том, что он покушается на конституционные устои государства. Он требовал опубликовать “Замечания” Сведенборга, чтобы сделать возможным гласное обсуждение их полемики.

“Замечания” Сведенборга были зачитаны в Парламенте 12 января 1762 года, а ответ Норденкранца – неделей позже. Позднее Сведенборг гласно в Парламенте и в личном письме Норденкранцу выразил недоумение тем, что Норденкранц воспринял критику доклада как выпад против него лично и приглашал барона посетить весной его сад. В ответ Норденкранц вновь обвинял Сведенборга в клевете, затрагивающей его честь, и угрожал подать на своего критика в суд, если “Замечания” Сведенборга получат хождение в столичном обществе.

Сведенборг, по-видимому, был очень расстроен раздраженным ответом барона и составил несколько черновиков своего третьего письма к нему. Дело, кажется, было улажено, когда на одном из заседаний Дворянского Соборания Сведенборг снял все свои возражения против Норденкранца. “Упаси меня и его Бог от этого! -- воскликнул он тогда. – Я лишь выбрал из книги то, что касается нашего правительства и написал к этому свой комментарий. Большого я делать не намерен; ибо в противном случае я буду спорить о то, что и так ясно, не имея противника в споре”.

Острейший финансовый кризис и обесценение наводнивших страну бумажных денег вынудили главу правительства графа фон Гопкена и его ближайших сподвижников уйти в отставку как главных виновников неудачной войны с Пруссией. Это случилось 28 февраля 1762 года. Сведенборг считал отставку фон Гопкена столь несправедливой, что подал Парламенту доклад в его защиту. В докладе он напоминал, что фон Гопкен предлагал послать в Померанию шесть тысяч солдат и что именно Государственный Совет настоял на посылке туда двадцатитысячного войска, заботиться о котором впоследствии пришлось, естественно, главе правительства. Если бы было принято предложение фон Гопкена, Швеция была бы избавлена от непомерных расходов на содержание армии. В любом случае фон Гопкен честно служил своей стране и впредь по-прежнему должен пользоваться доверием Парламента.

В другом докладе Сведенборг указывал на катастрофические последствия возможного восстановления в Швеции абсолютной монархии. Монарх, как и любой другой человек, может от рождения иметь порочные наклонности. Никто не должен отрекаться от права на жизнь и имущество ради безграничного власти одного лица, ибо один Бог – Господин в этом мире, и все должны служить только Ему. “Я вздрагиваю при мысли о том, что может случиться, если чьи-то частные интересы возобладают здесь, – писал Сведенборг. – Кроме того, я не вижу разницы между королем Швеции, обладающим абсолютной властью, и идолом, ибо и тот, и другой притязают на сердца и души всех людей”.

По мнению Сведенборга, союз с Францией был бы лучшей защитой для Швеции в случае возникновения опасности войны с кем-либо из ее соседей. Франция находится далеко от Швеции, так что между двумя государствами вряд ли возможно соперничество из-за территориальных споров или выгод торговли.

Партия фон Гопкена, ратовавшая за продолжение войны, еще некоторое время оставалась у власти, но ее дни уже были сочтены. 17 мая 1762 года при посредничестве Англии Швеция и Пруссия заключили мир.

Сведенборг ненавидел войну и никогда не поддерживал любителей повоевать в своей стране. В 1740 году он выступил против войны с Россией, и на сей раз он тоже призывал к скорейшему прекращению войны с Пруссией. “Мир на земле – да придет он!” – записал он в своем дневнике.

Фон Гопкен оценил вклад Сведенборга в политику своего времени в следующих словах: “Он высказывал убедительные суждения по всем вопросам; он видел все ясно и оценивал здраво любой предмет. Лучшие докладные записки в Парламенте в 1761 году по финансовым вопросам принадлежали его перу”.

Желание Сведенборга помириться с Норденкранцем осуществилось год спустя, на Новый год, когда друг ассессора, Николас фон Ольрих написал ему:

“Советник по делам торговли, господин Норденкранц, приглашает господина Ассессора и меня придти завтра в церковь в 10 часов утра, а затем отобедать с ним. Он пошлет для этого карету и в вышеуказанное время я заеду к господину Ассессору в этой карете. Мне бы очень хотелось, чтобы вы стали добрыми друзьями”.

Глава

Подобно дракону

Первые десять лет, отданных Сведенборгом осуществлению своего духовного призвания, он прожил затворником в своем тихом пригородном доме. Следующие два года принесли ему широкую известность человека, обладающего неоспоримыми психическими силами. Последним же десяти годам его жизни суждено было стать годами ожесточенных нападков и осуждений, первая волна которых пришла из Германии.

Что полагают, что книги Сведенборга остались почти незамеченными его современниками. В действительности все обстояло прямо противоположным образом. О нем часто писали в

периодике того времени, и это верно в отношении как его богословских, так и естественнонаучных сочинений. Отзывы на его позднейшие работы, однако, носят крайне негативный тон. Могла ли быть иная реакция на книги, содержащие столь неудобоваримые известия о духовном мире?

Сведенборг рассылал экземпляры своих книг известным людям и библиотекам, родственникам и друзьям. “Небесные Тайны”, если не считать довольно сочувственного отклика в немецком журнале “Gelehrte Anzeigen”, не привлекло внимания прессы вплоть до публикации последнего пятого тома. Но едва лишь этот том увидел свет, как все издание подверглось уничтожающей критике.

Первая, и самая яростная, атака была начата известным ученым Йоханном Эрнести в первом же номере его нового журнала “Новая Теологическая Библиотека”. Эрнести был профессором прежде всего “красноречия”, а потом уже теологии Лейпцигского университета, где его прозвали “Цицероном немцев”. Этот вождь ортодоксальных лютеран был весьма злоязычным спорщиком и неутомимым разоблачителем всевозможных ересей. Он прокладывал свой узкий сектантский курс в богословии, руководствуясь тем принципом, что Библию нужно толковать только в ее собственных понятиях, неискаженных человеческим пониманием, и это толкование должно во всяком случае быть свободным от всяких мистических идей и аллегорий.

Легко видеть, что книга Сведенборга была для Эрнести что пресловутая красная тряпка для быка. На обложке его журнала был изображен медведь, выходящий из берлоги после зимней спячки, во время которой он сосал собственную лапу! Надпись к этому рисунку, гласившая: “*Ipse alimentia sibi*” (“Сам себе пища”) могла бы служить лучшей иллюстрацией к словам Сведенборга: “Медведи означают букву Писания, оторванную от внутреннего смысла”.

Эрнести видел почти все теологические труды Сведенборга и купил для себя экземпляр “Небесных Тайн”, ибо он считал своим долгом “дать читателям некоторое представление об этой книге, хорошо зная, что вряд ли найдет человек, столь презирующий свои деньги, чтобы выбросить тридцать талеров на “Небесные секреты”... А что касается самого Эрнести, то “тайны так же мало интересуют его, как знатока врачебного ремесла”. Книга обошлась ему дешевле тридцати серебряных монет, но Эрнести не понял главного: она была написана для того, чтобы *раскрыть* тайны, а не создать их!

Эрнести не обнаружил в книгах Сведенборга никакой “системы” и постоянно выражает возмущение тем, что принужден искать какой-то “внутренний” смысл, которого он не видит в простом и ясном языке Библии. Когда же он переходит к учению Сведенборга о посмертном воскрешении, он замечает: “Все, что он рассказывает здесь, он узнал в состоянии транса. Повествование настолько сбивчиво и темно, что становится очевидным, что, когда он писал это, он не владел своими чувствами”.

Статья заканчивается словами: “Нетрудно видеть, что автор пытается в столь фантастичной форме представить свои философские и естественнонаучные понятия. Это роман нового типа, который можно сравнить с “Подземными похождениями Климма” (фантастическая комедия, принадлежавшая перу популярного в то время писателя Людвиг Хольберга. – Пер.) Но если последнее произведение – безобидная выдумка, то автор первого, поскольку он извращает Священное Писание своим притязанием на некий внутренний смысл, заслуживает самого сурового наказания...”

Неизвестно, читал ли Сведенборг статью Эрнести и оказала ли она какое-либо влияние на его работу. Но можно не сомневаться, что Эрнести был одним из тех “заслоняющих истину духов”, которые, по описанию Сведенборга, образуют в потустороннем мире темное облако, напоминающее Дракона, которое не дает духовному свету пролиться на людей.

*

Весной 1763 года журнал “Шведский Меркурий” поместил заметку, в которой говорилось, что “господин ассессор Сведенборг, известный своими учеными трудами, несмотря на солидный

возраст (75 лет) отправился морем в Голландию”, целью же его путешествия было “опубликование нескольких новых трудов по вопросам доктрины”.

Перед отъездом в это новое, восьмое по счету, путешествие Сведенборг встретился с “высоко образованным английским господином”, неким мистером Грином, другом немецкого философа Иммануила Канта. Грин провел предыдущее лето в Кенигсберге, где сверхъестественные способности Сведенборга служили популярной темой для ученых бесед.

Канта описывают как искреннего, преданного истине и возвышенного мыслителя, который был страстно увлечен вопросом о природе человеческого разума и пытался найти ответы на вопросы: Есть ли польза от логики? Являются ли пространство и время всего лишь иллюзиями? Способен ли разум к чисто рациональному познанию или он становится бессилён, когда дело касается божественных вещей? Кант пришел к выводу, что и разум, и опыт человека не могут предоставить надежные доказательства сверхъестественной реальности.

Кант был не из тех, на кого могли произвести впечатление опровержения Эрнести или рассказы о чудесных случаях. Но подтвержденные многими свидетелями известия о сверхъестественных способностях Сведенборга не давали ему покоя, и он написал ясновидцу письмо, в котором спрашивал его, на каком основании он утверждает, что общается с духами. Письмо было доставлено английским купцом, и ассессор вежливо обещал ответить на него. Но поскольку Кант так и не получил ответа, он попросил мистера Грина посетить Сведенборга и узнать причину его молчания.

Сведенборг произвел на англичанина очень благоприятное впечатление. Когда Грин напомнил Сведенборгу о письме Канта, тот ответил, что уже давно отправил бы ответ немецкому философу, если бы не был занят сейчас подготовкой к печати книги, которая во всех отношениях может служить ответом на вопрос Канта.

В тот же год в Голландии Сведенборг опубликовал книгу “Божественная любовь и мудрость”, в которой он разъясняет природу духовной реальности и тем самым содержит ответы на вопросы, интересовавшие Канта.

Трудно поверить в то, что вещи, которые мы видим и слышим, менее реальны чем то, что остается невидимым для нас. И тем не менее исследование причин явлений может убедить в нас в том, что дело обстоит именно так. Любовь и мудрость – это не какие-то тонкие сущности, растворенные в эфире, а самые настоящие субстанции и формы – фактически, сама реальность. Вселенная действительно была сотворена из божественной субстанции, но не из Бога. Это значит, что Божественное может входить в вещи, но вещи не могут стать частью Божественного, ибо они конечны. Бог в своей сущности непостижим и недостижим ни для ангелов, ни для людей. Бог есть единственная независимая субстанция, и творение было совершено посредством Его Божественной Любви и Его Божественной Мудрости. Первая фраза книги гласит: “Человек знает, что любовь существует, но он не знает, что такое любовь”. Только Бог есть сама любовь, потому что он есть сама жизнь, а ангелы и люди получают жизнь от него. А те, кто считают, что природа происходит сама от себя, полагаются на восприятие, а не на понимание. Их подход, однако, глубоко ошибочен, ибо “Мышление, отправляющееся от взора, закрывает понимание, а мышление, отправляющееся от понимания, открывает взор”.

Творение свершилось посредством Духовного Солнца, которое пребывает вне пространства и времени. Жар Духовного Солнца есть любовь, а его свет – истина. От Духовного Солнца происходят духовные атмосферы, имеющие три степени. Эти атмосферы передают Любовь и Мудрость Бога конечным вещам подобно тому, как природная атмосфера распространяет физические свет и тепло нашего Солнца. (№184)

“Принципы” Сведенборга содержат множество иллюстраций этих философских понятий. Упорядоченная эволюция форм составляет самый стержень системы Сведенборга, но идея самостоятельного развития человеческого интеллекта из природного материала совершенно чужда ей.

“Все сущее сотворено Господом посредством живого Солнца, и ничто не

могло быть создано мертвым солнцем... Природа не может сообщить жизнь чему бы то ни было, ибо она совершенно инертна...” (№166)

В “Божественной Любви и Мудрости” подробно рассматриваются различные “дискретные ступени”, или уровни, человеческого разума и то, каким образом они постепенно открываются. Дополнением к “Божественной Любви и Мудрости” является опубликованная в том же году книга “Божественное Провидение”, в которой разъясняется, как Бог бережет мир, ибо Божественное Провидение есть правление Его Божественной Любви и Мудрости.

Цель Провидения состоит в том, чтобы из человеческого рода образовались небеса. Главный закон Провидения – свобода человека, наделенного способностью действовать разумно. Поэтому человек должен отринуть от себя зло внешней жизни *как от самого себя*. Только таким образом Господь может устранить все зло во внутренней жизни человека. Бог никого не понуждает. Только добровольное сотрудничество человека с Богом может принести ему спасение, в противном случае Господь отвернется от него. Святость не достигается посредством ухода от мира. “Жизнь, ведущая на небеса, это жизнь не затворничества, а действия в мире”. Истинная благотворительность – то есть, истинная духовная жизнь – заключается в том, чтобы в каждой ситуации поступать искренне и справедливо и в действии из внутреннего убеждения в том, что оно соответствует Божественному закону. Жизнь простого благочестия уводит от неба, а не ведет к нему, утверждает Сведенборг.

Каждый человек может измениться, и предопределения не существует. Божественное Провидение действует постоянно с момента его рождения до самой смерти и потом вечно. Но не может быть мгновенного спасения из чистого милосердия или по благодати без покаяния, ибо разум представляет собой органическую структуру, и покаяние предполагает изменение в этой структуре. Покаяние ничего не значит для того, кто верит, что может быть спасен простой милостью Божьей независимо от того, как он прожил жизнь. Сама идея спасения из милости приписывает жестокосердие Богу, позволяющему муки грешников в аду.

Человек не может видеть действие Провидения. Ему кажется, что его добрые чувства и побуждения принадлежат ему самому, тогда как на самом деле они идут от Господа. “Все, кто ведомы Божественным Провидением Господа, поднимаются над собой и видят, что все данное человеку Богом навеки принадлежит Ему и никогда самому человеку. Всякий, полагающий иначе, уподобляется слуге, которому вверили надзор за вещами господина, тогда как сам он утверждает, что является хозяином этих вещей...” (№ 316)

Прежде чем опубликовать эти две глубокие работы, которые здесь за недостатком места были рассмотрены слишком кратко, Сведенборг издал также четыре трактата, которые известны как “Четыре главенствующих учения”. Они включают в себя материал, взятый в основном из неопубликованного толкования на Апокалипсис.

Первое из них озаглавлено “Учение Господа”, и Сведенборг поместил в нем предисловие, в котором прямо объявляет, что Господь установит Новую Церковь, поскольку старая церковь пришла к своему концу. “Учение Господа” посвящено тезису о том, что Господь Сам есть Слово, ставшее плотью. Бог един, как в лице, так и в сущности, и Господь есть этот Бог – смелый выпад против общепринятого учения о Троице. (Впрочем, все, высказанное в Афанасьевском исповедании веры, говорит он, верно, если только принять во внимание, что вместо троицы Лиц здесь говорится о троице Лица.) Святой Дух есть Божественное, которое проистекает от Господа и, следовательно, является Господом, Его присутствием с человеком, просвещающее и научающее его. Троица Отца, Сына и Святого Духа целиком содержится в Господе Иисусе Христе.

Толкование Сведенборгом искупления столь же радикально отличалось от ортодоксальных взглядов:

“В церкви верят, что Господь был послан Отцом для искупления грехов человечества и что он предотвратил своими крестными муками справедливую месть Отца”, и что эта заслуга переходит на людей просто благодаря их вере в это. Напротив, говорит Сведенборг, ничего из заслуг Господа не может перейти на людей, но спасение может быть даровано каждому человеку после того, как он покается в своих грехах и отвернулся от них. Это Господь сделал возможным благодаря своей победе над адом и осуществлению всего предначертанного Законом вплоть до страданий на кресте.

Сведенборг прекрасно сознавал, что проповедует взгляды поистине революционные. Он заявляет в своей книге “Учение Священного Писания”, что священство Слова происходит от его внутреннего или духовного смысла. До сих пор этот смысл был совершенно закрыт от людей, и поэтому многие стали сомневаться в истинности Библии. Когда люди встречаются в книге так много обыкновенных земных предметов, вроде холмов и деревьев, коз и овец, они спрашивают себя: “Что тут святого? Что тут божественного?” Сомнения эти возникают из-за незнания учения о соответствиях, в соответствии с которым написано Священное Писание (№ 1-6).

“Всякая религия от жизни, и жизнь религии есть делание добра”, – говорит Сведенборг в сочинении “Учение о жизни”. Он показывает то, что признается всеми, а именно: что человек, ведущий праведную жизнь, спасется, а тот, кто творит зло, будет проклят, но утверждает он, *никто не может вести праведную жизнь до тех пор, пока он не отринет от себя дурные дела как свои грехи*. Как следствие, не вера спасает человека, ибо он может иметь веру лишь в той мере, в какой он духовен, то есть отринул от себя зло. “Вера злого человека – это вера чисто от ума, в которой совсем нет добра, желаемого самим человеком” (№46). Но постольку, поскольку каждый из нас отрицается убийства или ненависти, он имеет любовь к ближнему; в той мере, в какой он отвергает прелюбодеяние, он любит целомудрие: насколько он отвергает воровство, он любит честность, и в той мере, в какой он отвергает ложь, он любит правду. Если человек отвергает зло не потому, что это грех, а по какой-либо другой причине, он в действительности не отрицается их, но просто не дает им быть воочию зримыми в мире. Так его учение не оставляло никакого места для идеи спасения только верой.

Те же мысли развиваются им в книге “Учение о вере”. Вера – это внутреннее признание правды, которой никто не может владеть, если он не преисполнен милосердия. Сведенборг не признает никакой веры, которая не была бы доступна разуму, и для него на небесах нет места для слепой веры. Духовные идеи могут быть поняты всеми людьми, учеными и неучеными, если только они восприимчивы к правде. Быть просвещенным означает не что иное, как способность видеть истину.

“Если кто-нибудь подумает про себя или скажет кому-нибудь: “Кто может иметь внутреннее знание правды, которая есть вера? Только не я!”, позвольте мне сказать ему, как он может эту способность обрести: отриньте зло как грех и придите к Господу, и вы получите ее столько, сколько пожелаете” (№12).

*

Опубликовав эти сочинения в Амстердаме, Сведенборг отправился в Англию с экземплярами своих новых книг, которые он преподнес членам Королевского Общества в Лондоне. Запись в его “Духовном дневнике” под номером 6098 дает представление о том, какой прием для своих книг он ожидал в Англии. Он описывает здесь свою встречу в мире духов с неким английским епископом, который сказал Сведенборгу, что его труды будут полностью отвергнуты в Англии. Епископ поведал о разных хитрых приемах, к которым он прибег для того, чтобы свести на нет воздействие книг Сведенборга на британских лордов и оксфордских священников.

Многие полагают, что враждебное отношение духовенства и известных людей Англии к его книгам побудили Сведенборга продолжить печатание своих трудов в Амстердаме. Другая причина состояла в том, что его бывший издатель, Джон Льюис, умер, и Сведенборг, встретив

его в потустороннем мире, узнал, что тот был неискренен; для него путь на небо преграждал завал из больших бревен.

Партнер Лыса, господин Харт, который и занимался печатанием “Небесных Тайн”, тоже уже умер. Харт был человек совсем иного склада, нежели Льюис. Он был личным другом Сведенборга, с которым Сведенборг провел вместе немало вечеров в Лондоне. Сведенборг души не чаял во внучке Харта, которой тогда шел десятый год. Поэтому было совершенно естественно, что Сведенборг, приехав снова в Лондон, посетил дом своего друга. Ему открыл сын покойного, который рассказывает, что, когда он впустил Сведенборга в дом и сказал ему, что отец скончался, гость ответил ему:

“Я это отлично знаю, ибо видел его в мире духов, когда был в Голландии, а также на пути в Англию. Он сейчас не на небе, но ему уготовлено хорошее будущее”.

Вдова и сын покойного были потрясены. Они знали, что Сведенборг не скажет и слова неправды даже под ради спасения своей жизни.

*

Сведенборг, по-видимому, возвратился из своего восьмого заграничного путешествия в конце лета 1764 года. К тому времени в нескольких журналах уже появились отклики на его книги, опубликованные в Амстердаме. Не удивительно, что в первых рядах их критиков мы видим все того же Эрнести, который отзывается о “Четырех учениях” столь же презрительно и несправедливо, как он когда-то отозвался о “Небесах и аде”. Эрнести нигде не называет автора книг по имени, хотя утверждает, что оно известно ему.

Наибольшее раздражение Эрнести вызывает трактовка Сведенборгом Бога-Отца. Для него очевидно, что точка зрения Сведенборга устраняет из христианства идею возмездия, ибо “если Христос есть Бог, не остается никакого Бога, который мог бы осуществить возмездие по отношению к человеческому роду”.

Называя “Учение о Священном Писании” в целом “запутанным и варварским”, Эрнести признает, кое-что в нем “неплохо сказано”. “Учение о жизни” тоже содержит много хороших положений, хотя оно основано “на ошибочном представлении о том, что добродетельная жизнь является причиной вечного блаженства”. Но “Учение о вере” совершенно неверно! Истинное соотношение веры и доброты, утверждает Эрнести, поставлено Сведенборгом с ног на голову.

“Он обвиняет нас в проповеди веры без любви – пишет Эрнести о Сведенборге. – Он упрекает нас за то, что мы заявляем, что добрые дела не приносят спасения, и в целом не признает учения о том, что понимание должно быть поставлено на службу вере... Легко догадаться, откуда идет исходят эти яростные нападки на Протестантское учение”.

Стали появляться заметки о книгах Сведенборга и в других изданиях. В голландском журнале “Библиотека наук и изящных искусств” в конце 1763 года была напечатана статья, которая открывалась словами: “Никогда еще теология не заслуживала такого внимания и уважения, если верно, как часто повторяет автор, что она вдохновлена непосредственным откровением”.

Обозреватель обращает особенное внимание на встречи автора с французским королем Людовиком XIV, который в земной жизни отличался большим благочестием и обладает столь же большим авторитетом в духовном мире, где он возглавляет лучшее сообщество французов.

Другой французский журнал, касаясь то же темы, писал, что “невозможно вообразить мотив опубликования этой книги и описанного в ней множества видений”.

В Англии “Ежемесячное обозрение” высмеяло новые сочинения, заметив, что бывают театральные представления, которые дают по приказу Его Величества, но еще не бывало книг, которые были написаны по приказу самого Господа; что же касается рассказов Сведенборга о потустороннем мире, то они были названы домыслами лунатика.

Эта заметка имела печальные последствия. В ней была упомянута оценка Сведенборгом лондонской общины выходцев из Моравии. В небольшом сочинении “Продолжение Страшного Суда” Сведенборг обвинял членов этой общины в ханжестве и в неуважении к Библии и заявлял, что на том свете они изгнаны из христианских сообществ в пустыню.

Некоторые старые знакомые Сведенборга из этой общины без труда догадались, кто был автором этого памфлета. Кристофер Спрингер, один из ближайших друзей Сведенборга в Лондоне, сообщает, что бывший домовладелец Сведенборга Брокмер “не мог простить Сведенборгу того, что тот написал о моравской общине и поклялся отомстить ему. “Сектанты не любят, когда с них срывают маску”, – прибавляет Спрингер.

*

Шведская печать была более благосклонна к богословским сочинениям Сведенборга. Первая заметка появилась в “Избранной теологической библиотеке” Самуэля Алнандера, а следующая – в январском выпуске журнала “Шведский Меркурий” за 1763 год. Редактор журнала, помощник библиотекаря Королевской Библиотеки в Стокгольме Карл Кристоффер Гьёрвель писал, что “ассессор Эмануэль Сведенборг предпринял попытку объяснить Слово Божие посредством данного ему нового откровения”, но содержание его богословских книг “далеко превосходит наше скромное разумение”. Гьёрвель перечислил в журнале названия первых шести сочинений, изданных в Лондоне. На следующий год, когда вышли в свет еще четыре книги, Гьёрвель решил нанести визит их автору, чтобы самому составить мнение о столь необычном человеке.

И вот 28 августа 1764 год библиотекарь отворил ворота дома Сведенборга и вошел в сад, где в воздухе носились ароматы редких цветов. Там гость и застал хозяина. Он имел долгую беседу с ассессором, содержание которой записал сразу же по возвращении домой. Рассказ Гьёрвеля представляет особый интерес, поскольку содержит один из самых достоверных портретов Сведенборга, уже достигшего к тому времени весьма почтенного возраста в семьдесят шесть лет. Вот что записал Гьёрвель:

“Королевская библиотека, август, 28-го дня. Некоторое время тому назад я, нижеподписавшийся, вернулся от ассессора Эмануэля Сведенборга, которого я посетил с целью получения для Королевской Библиотеки экземпляров его книг, недавно напечатанных в Голландии.

Я встретил его в саду его дома, где он ухаживал за цветами одетый в простое платье. Он живет в невысоком деревянном доме, напоминающем садовый домик. Еще не зная меня и цели моего визита, он спросил с улыбкой:

“Быть может, вы желаете пройтись по саду?”

Я ответил, что хотел иметь честь посетить его и попросить экземпляры его последних книг для Королевской Библиотеки с тем, чтобы мы располагали полным собранием его сочинений.

“Охотно выполню вашу просьбу – ответил он. – Я и сам намеревался послать книги в библиотеку, ибо я опубликовал их для того, чтобы они стали известны всем и попали в руки умных людей”.

Я поблагодарил его за доброту, после чего он показал мне эти труды и повел меня на прогулку по саду.

Хотя он был уже пожилой человек, и седые волосы вылезали во всех местах из-под его парика, он двигался легко, был разговорчив и говорил с воодушевлением. Он был довольно худ, но весел и улыбчив. Постепенно он сам заговорил о своих взглядах; и поскольку это было в действительностью второй целью моего визита, я слушал его с жадностью, не возражая ни единому слову, но лишь задавая вопросы, как бы желая лучше понять его.

Его система теологии, которую он в согласии с другими христианами основывает на нашем общем откровении, Священном Писании, состоит в основном из следующих положений: Что спасение только верой – порочное учение и добрые дела суть должное средство улучшения своей судьбы и обретения вечного блаженства; Что для того, чтобы обрести способность делать добрые дела, – я использую везде слова самого Сведенборга – требуется молитва единому Богу и что человек также должен работать над собой, ибо Бог ни к чему не понуждает нас и не творит чудес ради нашего обращения. Что до остального, то человек должен жить в отведенном ему месте, усваивая такое же знание и ведя такую же жизнь, как другие честные и скромные

люди, которые живут покойно и благочестиво. О возмездии и нашем Спасителе он не сказал ни слова. Жаль, что я не спросил его об этом. Он также сказал, что доктор Лютер в настоящее время страдает в том мире из-за того, что он распространил учение о спасении только верой; хотя он не находится среди проклятых.

Переход к его собственному откровению произошел очень легко, ибо он сказал, что часто виделся и разговаривал с доктором Лютером. Его принцип познания – это сверхъестественное видение и слышание, и критерий истинности его откровений заключается в следующем: что Бог открыл Себя ему в мае 1744 года, когда он был в Лондоне и что до того времени Бог готовил его посредством досконального познания физических и моральных сил этого мира к восприятию этого откровения. И с тех пор он находился в постоянном общении с Богом, которого он видит своим (духовным) взором как солнце. Он беседует с ангелами и душами умерших и знает все, что происходит в потустороннем мире, как на небе, так и в аду, но он не знает будущего.

Его миссия состоит в передаче этого нового света мира, и всякий, желающий воспринять его, способен сделать это. Господь дал ему откровение, чтобы он мог сообщить о нем людям; и он делает это на латыни – самом общем языке на свете. Всякий, кто не отвергает этот свет и не противится этому откровению, получает его; и это откровение есть живая истина. Цель его в том, чтобы создать Новый Иерусалим среди людей, смысл же его в том, что грядет Новая Церковь, природа которой и способ вхождению в которую описаны в его сочинениях.

Обо всем этом он говорил очень убежденно, сделав особенное ударение на следующих словах: “Все это я вижу и знаю без каких-либо галлюцинаций и не будучи фанатиком. Но когда я один, моя душа как бы покидает тело и попадает в другой мир. Во всех отношениях я нахожусь там так же, как я нахожусь здесь. Когда же я думаю о том, что я должен писать, я переживаю совершенное вдохновение, ибо в противном случае написанное принадлежало бы мне самому. Но нынче я знаю доподлинно, что написанное мною есть живая истина Бога”.

Когда человек умирает, его душа не освобождается от своих пристрастий, а берет их с собой. Я не удержался и спросил его, чем занимается сейчас профессор Нильс Валлериус (профессор Валлериус, известный своими лекциями по философии, умер за две недели до встречи Гьёрвеля и Сведенборга. – прим. авт.)

“Он все еще дает лекции”, – последовал ответ.

Прежде работы Сведенборга печатались в Лондоне, а последние книги опубликованы в Амстердаме. Но он ездил в Англию и преподнес экземпляры своих трудов Королевскому Обществу, а по пути домой преподнес их в Копенгагене датскому королю. На прошлой неделе он преподнес свои книги Их Величествам королю и королеве Швеции. Его книги везде были приняты благосклонно. У него осталось только двенадцать экземпляров его сочинений, четыре из них предназначены для публичных библиотек, а еще четыре для самых известных епископов.

То, что все вышесказанное является словами самого Сведенборга и что все написанное я видел собственными глазами и слышал собственными ушами я удостоверяю своей подписью:

Карл Кристоффер Гьёрвель.

Глава

Посетители молодые и старые

Широкая известность влекла к Сведенборгу множество людей. Большинство из них приходили просто из любопытства, а некоторые – в надежде узнать что-либо о посмертной судьбе какого-нибудь близкого друга. Сведенборг легко и непринужденно говорил о своем духовном опыте, как путешественник, побывавший в Индии, мог бы говорить о жизни на Ганге. Для него это было чем-то вполне обычным, знакомым ему в течение вот уже двадцати трех лет. Иногда, но отнюдь не всегда, он удовлетворял любопытство просителей.

Одним из тех, кто пришел на порог дома Сведенборга как раз после возвращения последнего из заграничного путешествия летом 1766 года, был девятнадцатилетний юноша по имени Николас Коллин. Он был тогда семейным учителем в доме стокгольмского знакомого Сведенборга Нильса Цельсиуса и часто слышал разговоры о ясновидце, но никогда не видел его лично. В библиотеке упсальского университета Коллин наткнулся на богословские труды Сведенборга и с интересом прочитал их. Его младший брат недавно умер, и, возможно, эта смерть побудила Коллина поскорее нанести визит ассессору.

Он увидел перед собой пожилого господина, бодрого и живого, несколько хрупкого сложения и с бледной кожей, наружность которого несмотря на весьма преклонный возраст была все еще приятна и даже со следами красоты. Такое же впечатление производят и портреты Сведенборга, сделанные в те годы, вероятно, по настоянию его друзей.

Николас заверил хозяина, что, осмелившись нанести ему визит без приглашения, он руководствовался не юношескими фантазиями, но неодолимым желанием побеседовать со столь знаменитым человеком. Сведенборг радушно принял гостя и, поскольку это было во втором часу пополудни, угостил его по шведскому обычаю чашкой вкусного кофе. После этого они беседовали в течение почти двух часов о природе человеческой души, сопоставляя взгляды различных ученых авторов по этому вопросу. Когда же речь зашла об общении Сведенборга с душами умерших, Коллин осмелился попросить, в качестве величайшей услуги, чтобы Сведенборг переговорил с его братом, который умер несколько месяцев тому назад.

Сведенборг объяснил, что, поскольку Бог по мудрым и добрым причинам отделил мир духов от нашего мира, такая встреча никогда не дается без очень серьезных к тому оснований. Почему молодой человек так желает этого? Коллин признался, что у него не было никаких причин для этого помимо горячей любви к брату и столь же большого желания узнать больше о столь интересном предмете. Сведенборг ответил, что, хотя мотивы его посетителя благородны, этого недостаточно.

Потом он показал Коллину сад и летний домик с его библиотекой. Впоследствии Коллин описал его как “некое подобие храма, где хозяин часто уединялся для созерцания, которому его устройство и смутный религиозный свет весьма благоприятствовали”.

Позднее, став пастором, Коллин уехал в Пеннсильванию, где он был священником шведского прихода. Он был близким другом Бенджамина Франклина, основателя Американского Философского Общества. Взгляды Коллина по вопросам как религии, так и политики, были очень либеральными, но он не стал последователем учений Сведенборга. Когда же в 1784 году Джеймс Глен выступил в Филадельфии с первыми в Америке публичными лекциями о Сведенборге, сведения о шведском пасторе, лично знавшем Сведенборга, достигли Европы, и Коллина попросили написать воспоминания о своем знаменитом соотечественнике. В 1801 году в шведской ежедневной газете “Газетт”, были опубликованы пять статей Коллина, перепечатанных многими другими изданиями. Хотя воспоминания Коллина были написаны спустя тридцать семь лет после его встречи со Сведенборгом, они ценны тем, что позволяют представить, какое впечатление Сведенборг производил на современников. Коллин пишет:

“Будучи убежденным в том, что Бог указал ему создать новую систему религии, Сведенборг не имел желания вводить ее насильственными мерами, а также не стремился приобрести последователей иначе как посредством своих сочинений. Что касается Швеции, то он никогда не хотел быть главой секты, но питал надежду, что церковные учреждения благодаря тихому, постепенному просветлению примут форму его Новой Церкви”.

По словам Коллина, Сведенборг не стремился показать себя в каком бы то ни было смысле святым. Его платье было аккуратным и соответствовало общепринятой моде. “Он соблюдал правила хорошего тона и поддерживал общий разговор, где бы ни находился, насколько это было разумно. Будучи умеренным во всем, он не придерживался каких-то особых правил в еде и питье...”

Радужие Сведенборга проступает особенно наглядно в его вежливом поведении на публике. Он любезно встречал посетителей и даже позволял незнакомцем осмотреть его сад с его чужеземными диковинами, но запрещал садовнику пускать в сад детей без сопровождения взрослых, чтобы они из озорства не причинили урон насаждениям – необходимая мера самозащиты.

Робзам рассказывает, что летом 1767 года Сведенборг для развлечения посетителей устроил в своем саду некоторые новшества. В центре сада, где сходились четыре дорожки, стоял павильон квадратной формы с круглыми скамейками в каждом углу и, по-видимому, столиком в середине. Дорожка на юг от павильона вела к вольере, где обитало множество редких птиц. А в конце дорожки, ведущей на север, он поставил маленький трехстенный домик с тремя двойными дверями и тремя окнами, выходящими в сад. Домик стоял таким образом, что, когда все двери были распахнуты в зеркале, висевшем в дальнем углу домика, отражались сразу три сада – приятный сюрприз для тех, кто открывал дверь в “другой сад” Сведенборга, который, как он настаивал, был прекрасней первого. Сведенборг сам с удовольствием забавлялся этим зеркалом, особенно когда его посещали молодые особы.

Сохранился милый рассказ о молодой дочери соседа Сведенборга Грете Аскбом. Однажды Грета попросила “дядю Сведенборга” показать ей ангела, и тот в конце концов согласился. Он подвел ее к занавесу и сказал: “Сейчас ты увидишь ангела!” С этими словами он распахнул занавес, и девочка увидела... свое отражение в зеркале!

В юго-западном углу сада находился подвал для хранения овощей. Перед ним Сведенборг соорудил из досок лабиринт для увеселения посетителей, в особенности их детей. Он принимал всех гостей с неподдельной веселостью и радовался, когда и им было весело. В то же время, рассказывает Робзам, Сведенборг “никогда не приглашал в свою комнату дам без сопровождения своего слуги, и когда какая-нибудь дама, наносила ему визит, особенно безутешная вдова, желавшая знать судьбу мужа после смерти, или другие, считавшие его прорицателем, он всегда просил кого-нибудь присутствовать при их разговоре. Ибо женщины хитры, говорил он, и могут сделать вид, что я желал быть с ними слишком близок; к тому же хорошо известно, что они искажают сказанное, ибо не понимают его смысла...”

Робзам сообщает много подробностей о домашнем быте Сведенборга. Он работал, не слишком обращая внимания на день и ночь. “Когда мне хочется спать, я отправляюсь в постель”, – говорил он. Он не требовал многого от слуг. Мария готовила ему постель и ставила в прихожей большой кувшин с водой. Он сам варил себе кофе в кабинете и пил его в большом количестве с сахаром в любое время дня и ночи. Когда он не уезжал в гости, его обед состоял всего лишь из булки, облитой кипяченым молоком. Он никогда не пил дома вина или чего-нибудь покрепче и не ел вечером, но в обществе ел умеренно и мог выпить стакан вина.

“Огонь в камине его кабинета никогда не гас в течение всей зимы, но его спальня никогда не отапливалась, и, ложась спать, он накрывался, в зависимости от погоды, тремя или четырьмя шерстяными одеялами. Проснувшись, он тут же шел в кабинет, подкладывал дров на искрящиеся угли вместе с пригорошней березовой коры, чтобы огонь быстрее разгорелся и он смог сварить себе кофе, который он пил без молока или сливок. После этого он сразу же садился писать.

В его комнате было прибрано и чисто, но обставлена она была просто. То же можно сказать о его платье. Правда, случалось, что, когда он уходил в гости и его слуги забывали проверить его одежду, в ней чего-нибудь не хватало. Однажды он пришел на обед к отцу Робзама с разными башмаками на ногах к вящей радости девочек в доме, всласть посмеявшихся над забавным стариком.

Он был весел и добродушен в обществе и в часы досуга с удовольствием беседовал с учеными людьми, которые всегда хорошо принимали и уважали его. Он умел вежливо и непринужденно направить в другое русло ту разновидность любопытства, которая часто стремится отвернуться от рассмотрения серьезных вещей.

Его холостяцкая жизнь, говорит Робзам, не была следствием его равнодушия к женскому полу, ибо “он ценил общество прекрасной и умной женщины как один из самых чистых источников наслаждения, но его углубленные занятия требовали, чтобы в его доме днем и ночью царил полный покой”.

В жизни Сведенборга можно заметить немало следов его интереса к образованным и умным женщинам. В своих ранних стихах Сведенборг выражает восхищение одной знакомой ему английской поэтессой и еще одной шведской. Эмерентия Польхем, подруга его юности, написала книгу стихов. Она умерла в 1759 году, и когда некоторое время спустя ее дочери вместе с их мужьями нанесли Сведенборгу визит, он заверил их, что “беседует с их матерью столько, сколько хочет”, что может означать,

что его теплые чувства к Эмерентии никогда не проходили. Рассказывают, что в последние годы он завел близкое знакомство с некоторыми “синими чулками” в Голландии. Во всяком случае, друзья Сведенборга сообщают, что он имел духовную связь с писательницей Елизаветой Стьернкрона.

Сведенборг отличался крепким здоровьем и почти не болел. “Поскольку он был всегда доволен внутри себя и своими обстоятельствами, он прожил жизнь во всех отношениях счастливую и, поистине, в высшей степени счастливую” – свидетельствует современник.

*

Вот так счастливо текла жизнь Сведенборга в 1766-1768 годах, когда он писал книгу “О супружеской любви”, в которой он рассказывает об ангельском блаженстве и мире. Никто на земле, говорит он, не знал еще происхождения и смысла любви в супружестве, секреты которой были открыты ему ангелами.

Книга была закончена весной 1768 года, и 27 мая того же года автор покинул родину, чтобы напечатать ее в Голландии. Как раз когда он отъезжал в карете от своего дома, ему повстречался его сосед Карл Робзам, не без удивления спросивший Сведенборга: “Как может тот, кому уже под восемьдесят, осмелиться на столь дальнее путешествие?”

“Не беспокойтесь об этом, – ответил Сведенборг. – Если вы будете живы, мы непременно еще увидимся, ибо мне предстоит отправиться в такое путешествие еще раз”.

Во время этого путешествия Сведенборг и встретил человека, которому было суждено стать одним из самых энергичных его последователей – генерал-майора Кристиана Туксена, таможенного инспектора в датском порту Элсинор, где проходил досмотр судов, курсировавших между портами Балтики и Атлантики. В течение многих лет Туксен был тайным агентом датского короля, доставлявшим датскому двору сведения о положении в России. Он давно уже интересовался трудами и личностью знаменитого шведа, а шведский посол в Дании Фредерик фон Гопкен, младший брат премьер-министра Гопкена, заверил его, что Сведенборг принадлежит к числу образованнейших людей Европы. Туксен смог встретиться со Сведенборгом в доме шведского консула, когда корабль, на котором плыл Сведенборг, последнего ненадолго остановился в Элсиноре. Туксен тогда спросил Сведенборга, как может человек, которой уверен, что искренен в своем служении Богу и ближним, быть уверен в том, что он на правильной дороге к спасению?

Сведенборг ответил:

“Это очень легко. Такому человеку следует лишь присмотреться к себе и своим мыслям согласно Десяти Заповедям, а именно, например: любит ли и боится ли он Бога; счастлив ли он, видя благополучие других, и не завидует ли он им; может ли он, будучи обижен другими так, что в нем вызвали гнев и чувство мести, впоследствии изменить свое состояние, поскольку Бог сказал, что отмщение принадлежит Ему, и т.д. Тогда он может быть уверен, что находится на пути в небо. Но если он обнаруживает в себе противоположные чувства он на пути в ад”.

“Это побудило меня подумать о себе, а равно и о других”, – комментирует Туксон.

Новая книга, которую Сведенборг собирался напечатать в Голландии, была посвящена супружеству. Так как все его богословские сочинения касались установления Царства Божьего, каждая из них имела свое особое отношение к этой цели. “Небесные тайны” с их скрупулезными толкованиями показали, что все Священное Писание, взятое в его внутреннем смысле, указывает на это Царствие. “О небесах и об аде” рассказано о жизни после смерти. “Божественная любовь и мудрость” и “Божественное провидение” указали пути, которые ведут человека в небесное Царствие, а “Четыре учения” и “Апокалипсис раскрытый” разъяснили природу Новой Церкви, которая должна появиться, чтобы на земле установилось Царство Господне. Теперь к этим трудам Сведенборг добавил еще один, в котором он описал блаженство, ожидающее тех, кто достигнут небесной цели: любовь, из которой небеса черпают вечную радость и счастье, – истинную супружескую любовь. Для того, чтобы придать этому предмету новую, совершенно особую ценность и отделить его от общераспространенной идеи любви, он ввел новое понятие, обозначающее эту небесную любовь – “любовь в супружестве” (*)

В своей новой книге Сведенборг мало говорит о моральном значении супружества. Здесь, как и везде, его интересуют корни, а не ветви. Он рассматривает во всех подробностях происхождение и природу истинной супружеской любви, которая, как он говорит, является основанием любви неба и земли, порождающей все прочие радости подобно тому, как сладкие воды вытекают из источника. Любовь эта ныне столь редка на земле, что о ней можно узнать только из уст ангелов, которые в ней пребывают. Эта любовь свята, чиста и превосходит всякую другую человеческую любовь, ибо имеет духовный и божественный исток. Она происходит из союза Божественной Любви и Божественной Мудрости в Самом Господе. Причина того, что в наше время на земле можно найти только остатки истинной любви, заключается в том, что супружество больше не считают вечным. Но если из супружества вынута идея вечности, любовь лишается своего стержня и может совсем исчезнуть с лица земли.

Главные препятствия для идеи супружества на небесах создают те богословы, которые утверждают, что души могут соединиться только после окончательного воскрешения. Но если жизнь не имеет продолжения после смерти, то, естественно, не может продолжаться и супружество. Идеи Сведенборга проделывают большую брешь в ортодоксальной теологии. Жизнь продолжается после смерти как прежде, сказал он, в согласии с инстинктивной склонностью поэтов и влюбленных, которым их внутреннее убеждение говорит, что их любовь переживет смерть и что они будут жить снова и любить снова в человеческом облике.

Но на небесах нет браков, объявляли ортодоксальные священники, ссылаясь на евангельские слова: “По воскрешении не женятся и не выдаются замуж” (Мф. XXII, 30). Нет, сказал Сведенборг. Писание указывает не на подлинный брак, а на извращенные представления о нем, господствовавшие в умах слушателей Христа. В духовном смысле слова Господа относятся к возрождению, или к союзу блага и истины в умах людей. До тех пор пока *это* не свершилось в земной жизни человека, этого не произойдет и после его смерти. Души наделены телами даже в потустороннем мире, и признаки пола свойственны духу как же, как телу. “Любовь пола – самая всеобщая из всех видов любви, ибо она врождена душе каждого человека от самого творения, и из нее происходит сущность всего человека”.

Он рассуждает о различии между мужчиной и женщиной. Мужчина рождается с природной склонностью к знанию, пониманию и мудрости, тогда как женщина наделена любовью к мудрости. Мужчина хранит в себе любовь, которая выражается в форме мудрости, а женщина по своему внутреннему образу есть мудрость мужчины, которая выражается в форме любви.

Поэтому от творения в каждом поле заложено стремление слиться воедино с другим полом, что символизируется библейским рассказом о сотворении женщины из ребра мужчины.

“В каждом поле любовь проявляется по-разному. Никто не может увидеть бесконечное разнообразие этой любви, если он не знает, какой была она “когда, вместе с жизнью от Бога”, она была вложена в каждого человека.

Никакая любовь не может быть совершенно чиста, будь то среди людей или среди ангелов, и это относится также к супружеской любви. Но поскольку Господь судит прежде всего намерения человека, то в той мере, в какой каждый стремится к благу и настойчив в своем стремлении, его любовь становится чистой и святой. Каждый человек рождается телесным, становится чувственным, потом природным, впоследствии разумным, и если он не останавливается в своем развитии, он может стать также духовным.

Хотя супружеская любовь была утеряна на земле, Сведенборг обещает, что она возродится в Новой Церкви, которая должна стать духовной и истинно христианской Церковью. Он говорит и том, каким образом это станет возможным. Прежде нужно отречься, как от преисподней, от ее противоположности. “Распутная любовь и ее безумные удовольствия” составляет вторую часть этой удивительной книги. Прелюбодеяние исходит из ада и прямо противоположно целомудренной, небесной любви в супружестве. Ее многочисленные разновидности анализируются здесь с тщательностью, которую Сведенборг демонстрирует в своих анатомических трудах, когда он рассматривает болезни тканей. Различные степени распутства соответствуют “удовольствиям безумства”. Но никто не может понять противоположное и его адскую природу, если он сначала не постигнет природу истинной супружеской любви. Если прелюбодеяние есть прямая противоположность супружеской любви, которую она уничтожает, то блуд есть зло природного человека, унаследованный от родителей, и оно может быть превращено в истинную человеческую любовь.

Проповедуя возвышенные идеалы душевной чистоты, Сведенборг признает, что человек подвержен похоти, и он определяет различные степени этого зла. Здесь, как и всюду в трудах Сведенборга, можно увидеть его учение о том, что мотив, намерение и цель являются теми критериями, по которым следует судить поступки человека, ибо так действует Божественная милость. Вступать в половую связь с женщиной, которая не является женой, всегда зло, но зло возрастает в той мере, в какой эта связь подрывает стремление к истинной супружеской любви. Спасительная сила Господа такова, что Он может проникнуть в любую душу, полную смятения, чтобы выявить и собрать там остатки всего доброго, что было в ней, и тем самым дать человеку возможность спастись. Эта надежда, которую Сведенборг открывает в своем исследовании извращенных отношений между полами, зиждется на том, может ли человек выдержать испытание любовью к духовному и вечному в браке, ибо супружество в духе есть единственный вид супружества, который признается подлинным в свете небесной жизни. В истинно христианской церкви пребывают только те души, которые возродились, то есть освободились от господства корыстных и суетных страстей и прониклись высшей любовью к Богу и друг к другу.

Партнеры в супружестве обычно соединяются после смерти и живут вместе, как в этом мире. Но те, кто не имели партнеров согласно их наклонностям, расходятся и обретают соответствующих им партнеров. Настоящая природа человека проявляется тогда, когда он сбрасывает свою личину, свою лицемерную и неискреннюю внешность и начинает жить согласно своим внутренним желаниям. Это случается с каждым после смерти.

Но прежде всего, что такое вечное блаженство? Представления о небесных наслаждениях весьма разнообразны. Одно верят, что блаженство состоит в бесконечной беседе, другие считают, что его дарит ощущение безграничного могущества. Одни уповают на вечный покой,

другие – на вечный пир в обществе Авраама, Исаака и Якова. Одни представляют себе небеса в образе рай, другие уподобляют его бесконечной службе в церкви. Чем бы ни были небеса, в потустороннем мире каждому позволено видеть небеса такими, какими он представлял их себе или хотел видеть. Духи на своем опыте узнают, что небеса – это не место, а состояние духа и что счастье там, как и здесь, состоит в честном исполнении своего призвания. В сознании каждого человека заложено стремление сделать что-то для других, “быть полезным”. Когда это желание претворяется в дело, человек счастлив и, поистине, находится на небесах. Тогда он живет в раю, тогда его духовное тело получает пищу, и тогда он “царствует с Христом” в Его небесном “царстве служения”.

Глава Слуга Господа

Главная тема “Истинной христианской религии” – высшая божественность Господа Иисуса Христа. На протяжении полутора тысяч лет, говорит Сведенборг, эта идея была утрачена в Церкви, и теперь она должна быть восстановлена. Христианская церковь прошла в своей истории несколько ступеней от детства до старости. Когда первоначальная церковь была еще в младенчестве и Апостолы проповедовали по всему миру покаяние, еще не существовало веры в существование трех лиц в Боге. Но теперь, от истинной веры почти не осталось следа. Люди объявляют себя верующими в единого Бога, но в их мыслях присутствуют три бога. Так получилось потому, что Божественная Троица была разделена на *три лица*, каждое из которых есть Бог и Господь.

Идея Сведенборга, таким образом, состоит в том, чтобы восстановить истинное представление о Боге. Ибо Троица присутствует в Господе Боге Спасителе Иисусе Христе, как душа, тело и действие в человеке.

В первой главе книги, посвященной Богу-Творцу, Сведенборг касается тех возвышенных тем, которые он обещал рассмотреть еще в 1763 году: бесконечности Бога, Его вечности, всемогущества, всезнания и вездесущности. Под Господом Икупителем, говорит он, имеется в виду Бог Иегова в Человеческом облике, который он принял, чтобы искупить грехи человечества. Дух Святой объясняется как Божественное Действие, которое проистекает из Бога-Отца. Это Божественная Истина, исходящая от Господа, особенно в Слове. Святой Дух имеет ту же сущность, что и Слово, подобно тому, как то, что исходит от человека, – его действия, его мысли – едино сущностью самого человека. Этот Дух преобразует человека и возрождает его, очищает и спасает его.

Далее в “Истинной христианской религии” рассматриваются Священное Писание, Десять Заповедей и учение, которое ведет к спасению. Под Верой Апостолы понимали веру в Господа Иисуса Христа. Такую веру имел в виду апостол Павел, когда он написал свою часто цитируемую и еще чаще превратно толкуемую фразу: “Следовательно, мы заключаем, что человек спасается верой помимо Закона”. Никакая вера не действительна, пока она не соединена с милосердием, ибо она состоит не только в том, чтобы поступать хорошо, но и в том, чтобы *желать добро* ближнему. Обычно полагают, что милосердие заключается в жертвовании бедным, помощи нуждающимся и проч. Однако милосердие подлинно лишь в той мере, в какой человек побеждает любовь к себе и к миру, ибо никто не может творить добро, покуда он не очистился от своих грехов.

Официальное церковное учение утверждало, что в духовных делах человек подобен камню или соляному столпу. Совершенно противоположным этому взгляду было учение Сведенборга о том, что возрождение человека зависит от его свободного выбора. Отнять от человека духовную свободу, заявлял Сведенборг – это все равно что снять с машины колеса, или крылья с мельницы, или паруса с корабля, ибо жизнь человеческого духа состоит в свободном выборе духовных вещей. Никто не может достичь преобразования, не пребывая в свободе и разумности.

Учение о предопределении вошло в церковь как следствие ложного представления о том, что человек спасается благодатью или доброй волей. “Можно ли вообразить что-либо более жестокое по отношению к Богу, чем то, что некоторые из рода человеческого прокляты по предопределению? И не будет ли жестокой вера, которая утверждает, что Господь, который есть сама любовь, хочет, чтобы множество людей рождались для того, чтобы попасть в ад?.. (№486)

В последующих главах рассматриваются покаяние, преобразование и возрождение. Поскольку человек рождается с предрасположенностью ко всяческому злу, и поскольку никто не может быть спасен без покаяния в своих грехах, каждый должен судить себя, признавать свои грехи, молить Господа и начинать новую жизнь.

Два таинства, Крещение и Святое Причастие, являются самыми святыми предметами поклонения, поскольку они соответствуют возрождению и спасению. Крещение, однако, не дает спасения, а остается лишь знаком того, что человек может смыть с себя грехи и тем самым спастись. Святое Причастие также является знаком того, что человек, подходящий к нему, соединяется с Господом и входит в сонм тех, кто составляет Его Тело, то есть тех, кто верует в Него и претворяет Его волю.

Сведенборг рассказывает, что ему было видение прекрасного храма, стены которого были “как сплошные хрустальные окна”. Внутри храма лежало раскрытое Писание, сияние которого озаряло пюпитр. В центре храма стоял золотой херувим, державший в руке меч. Храм означал Новую Церковь; раскрытая книга означала откровение внутреннего смысла Писания; херувим означал смысл букв, посредством которых можно выразить суть разных учений. Надпись на воротах храма гласила:

“Nunc licet”

“что означает, что теперь дозволено войти с помощью разума в тайны веры”.

А по поводу Второго Пришествия Господа он говорит:

“Поскольку Господь не может явиться Сам... и тем не менее предсказал, что он придет и создаст Новую Церковь, каковая есть Новый Иерусалим, отсюда следует, что Он сделает это посредством человека, который не только воспринять это учение разумом, но и издать их в печатном виде. То, что Господь явил Себя мне, Его слуге, и поручил мне это задание, что Он открыл мое духовное зрение и тем самым ввел меня в духовный мир и даровал мне способность видеть небеса и ад и разговаривать с ангелами и духами, я утверждаю поистине...”

*

Сведенборг приехал в Лондон в начале сентября 1771 года и тут же направился в дом Ширсмита на Грейт Бат стрит. Комнаты, в которых он жил раньше, оказались занятыми другой семьей, но люди, проживавшие в них – совершенно

не зная Сведенборга – тотчас выразили готовность освободить их для почтенного гостя.

Ширсмита относились к Сведенборгу не просто как к постояльцу, но как к другу и подлинному благодеею для их дома, святому человеку, отмеченному милостью Божьей. Барон, как его всегда называли в Англии, ценил доброту этих милых людей, ибо он сам был человеком радушным и непритязательным. Он не требовал никакого внимания. А время ничего не значило для него. Если ему хотелось писать, он мог писать ночь напролет, а потом спать целые сутки. Никто не должен был когда бы то ни было беспокоить его. Такова была его единственная просьба, и Ширсмита старались исполнить ее.

Хозяин дома был совершенно уверен, что его гость мог общаться с душами умерших. Поначалу это очень поразило, даже испугало его, но со временем он стал относиться к этому как к “божественному инстинкту”, каким-то образом действующему на сознание Барона. “Я думаю, он был выбран для какого-то необыкновенного труда”, – говорил Ширсмит о Сведенборге, и добавлял: “В его облике было что-то очень искреннее и невинное”.

Барон часто стоял между двумя комнатами, как если бы он разговаривал с кем-то, хотя рядом с ним никого не было. Такие беседы часто затягивались до двух-трех часов утра. Ширсмит не понимал смысла этих бесед, ибо они велись на каком-то неизвестном языке, но ему казалось, что речь в них шла о Втором Пришествии Христа и создании новой церкви. По этой причине люди в доме стали называть Сведенборга “господином Нового Иерусалима”.

Сведенборг работал за круглым столом, стоявшим посреди гостиной. Стол был вечно завален рукописями, к которым хозяин добавлял все новые листы. Когда господин Ферелиус вместе с пастором датской церкви пришел к нему в первый раз, он работал над сочинением, в котором доказывалось, что Христос есть единственный истинный Бог. Перед ним лежала раскрытая еврейская Библия, которая вместе с латинским изданием Библии составляла всю его библиотеку. Показав на место перед собой, Сведенборг сказал гостям, что здесь только что был апостол Павел. “Недавно здесь были все апостолы. Вообще они часто посещают меня”, – добавил Сведенборг.

Когда его спросили, почему никто кроме него не может беседовать с духами, Сведенборг ответил, что на это способен каждый, как во времена Ветхого Завета, единственным же препятствием к этому является чрезмерная приверженность современных людей к плотскому.

Один из шведских друзей Сведенборга, консул Кристофер Спрингер, свидетельствует, что Сведенборг имел “богатый дар от Бога”. Сведенборг поразил Спрингера детальным знанием положения его друзей и врагов в потустороннем мире и сообщил ему о многих тайных сторонах его отношений с ними. Это было почти невероятно!

Один из старых противников Спрингера был граф Клаес Экеблад, который умер в октябре 1771 года. Сведенборг рассказал Спрингеру о том, как однажды тот чуть было не затеял дуэль с Экебладом и как Экеблад предлагал ему большую взятку, что было с негодованием отвергнуто Спрингером. Оба факта были известны только Спрингеру и покойному Экебладу. Более того, Сведенборг рассказал Спрингеру во всех подробностях о том, что произошло девять лет тому назад, когда Спрингер был нанят английским правительством для роли посредника в переговорах между Швецией и Пруссией по поводу заключения мирного договора. Сведенборг точно пересказал Спрингеру во всех

подробностях его действия во время переговоров – нечто, хранившееся в глубокой тайне всеми сторонами.

На вопрос Спрингера, откуда Сведенборгу известны все эти факты, которые, как он доподлинно знал, не были известны никому из посторонних, тот ответил с улыбкой:

“Вы ведь не можете отрицать, что все, рассказанное мною, – правда?”

В эти месяцы Сведенборг был занят переводами своих трудов на английский язык и часто принимал у себя нанятого им переводчика. Его ближайший друг, священник Томас Хартли, тоже часто бывал у него и часами беседовал с ним на латыни. Именно Хартли закончил перевод “О небесах и об аде”, начатый Кукворти.

Незадолго до Рождества в 1771 году Сведенборг перенес удар, в результате который он пролежал около трех недель почти без сознания. Все это время он только пил чай или холодную воду. Он поведал Спрингеру, что во время болезни потерял свое духовное зрение, и это было для него самым большим огорчением. Через некоторое время, однако, способность видеть духов вернулась к нему, и он снова стал весел и радужен.

В те дни Спрингер часто спрашивал Сведенборга о том, когда, по его мнению, воцарится Новый Иерусалим, или Новая Церковь Бога. На что Сведенборг отвечал, что никто из смертных и даже высшие ангелы не могут предсказать это время. “Прочтите Книгу Откровений, XXI,2 и Книгу Зехарии, XIV,19 и вы увидите, что Новый Иерусалим, несомненно, появится на земле”, – добавлял он.

Вспоминал ли престарелый ясновидец, лежа без движения в своей постели, то время, когда он лежал, пораженный почти смертельным недугом, и, страдая от мучительной боли, уже готовился расстаться с жизнью? Это было в 1765 году, когда он разъяснял 11-ую главу Апокалипсиса, где говорилось о двух пророчествующих Свидетелях, которые стояли на земле, как две свечи перед Богом. Он тоже стоял как свеча, свидетельствующая о Боге. “Духовный смысл Слова был открыт мне Богом... Это превосходит все откровения, которые были даны людям со времен сотворения мира”. Так написал он в своем последнем сочинении.

Был ли Сведенборг убежден в том, что он выразил свои откровения об истинной христианской религии так ясно и так просто, что их мог счесть правдой любой читатель? Или же нужен был еще один свидетель для того, чтобы записанное им казалось достоверным?

“Свидетельствование одного не истинно. Если я свидетельствую о себе, мое свидетельство не истинно... Есть еще, кто свидетельствует обо мне” – сказал Иисус о своей миссии (От Иоанна, V, 31-38). Что было этим вторым свидетелем для Сведенборга, если не небесное откровение в сознании читателя, который воспринимает все религиозное учение как соответствующее тому, что он признает как *благо*? На это указывает разговор, который случился вскоре после приезда Сведенборга в Лондон.

Священник Фрэнсис Оукли был дьяконом Моравской церкви и другом Джона Уэсли, основателя Методизма. Оукли познакомился с трудами Сведенборга в 1768 году и многое в них воспринял как высшее откровение. Но он признался Сведенборгу, что не в состоянии понять “Истинную христианскую религию”. Тогда Сведенборг холодно сказал ему, что эту книгу нельзя понять без

божественного озарения. После этого разговора Оукли написал Уэсли письмо, в котором поделился своими сомнениями относительно прозрений престарелого ясновидца. Что касается самого Уэсли, то он внимательно прочитал некоторые книги Сведенборга и позднее написал в своем дневнике, что Сведенборг – “один из самых оригинальных и увлекательных сумасшедших, когда-либо бравшихся за перо. Но его сны наяву столь странны, столь далеки как от Писания, так и от здравого смысла, что с равным успехом можно читать рассказы о Мальчике с пальчик или о Джэке-Великане”.

В один из дней февраля Уэсли неожиданно получил записку от шведского ясновидца:

“Сэр, я узнал в мире духов, что вы имеете сильное желание поговорить со мной. Я буду счастлив видеть вас, если вы окажете мне честь своим визитом. Ваш покорный слуга, Эман.Сведенборг”.

Посоветовавшись с друзьями-священниками, Уэсли написал Сведенборгу, что в настоящее время он не располагает временем для визита, так как готовится к путешествию, которое продлится шесть месяцев, но после возвращения в Лондон он будет рад посетить барона Сведенборга.

На это Сведенборг ответил, что через шесть месяцев будет уже поздно, так как он уйдет в мир духов двадцать девятого числа следующего месяца и более не вернется. Об этой переписке свидетельствует близкий друг Уэсли священник Самуэль Смит, человек, как все методисты, очень далекий от всякой мистики.

Элизабет Рейнолдс тоже свидетельствует, что за три месяца до своей кончины Сведенборг предсказал ее точную дату. Он утверждала, что он “был так рад, словно его ожидал праздник”.

Мистер Хартли во время своего последнего визита к Сведенборга был рад засвидетельствовать, что к его другу вернулось его духовное видение. Он попросил Сведенборга лично засвидетельствовать, что все написанное им не содержит ничего кроме правды.

“Я написал только правду и ничего кроме правды”, – сказал в ответ Сведенборг.

Во время болезни Сведенборга за ним ухаживали доктора Месситер и Гампе, врач из Ганновера, состоявший лекарем при принце Уэльском. Доктора считали его недуг не относящимся к прерогативам собственно медицины и прописали ему только бутылочку капель, которых больной тотчас отказался принимать. Во время последнего посещения Сведенборга он взял с собой рукопись из 72 страниц, половина из которых по странному стечению обстоятельств пропала. Оставшаяся часть была позднее напечатана под заголовком “Венец, или Дополнение к Истинной Христианской Религии”. Сохранившиеся части работы касаются древних церквей, предшествовавших христианству.

За два дня до смерти Сведенборга его посетил еще один друг, швед Эрик Бергстрём, владелец таверны. Сведенборг сказал Бергстрёму, что, поскольку Богу было угодно сделать бесполезной его руку, пораженную параличом, его тело было пригодно теперь только для того, чтобы лечь в могилу. Бергстрём спросил Сведенборга, не хочет ли он причаститься Святых даров и кто-то предложил позвать Аарона Матесиуса, официального священника шведской церкви. Но Сведенборг отверг кандидатуру Матесиуса, поскольку он распространял слухи о том, что Сведенборг сумасшедший, и согласился принять пастора Ферелиуса, несколько раз навещавшего его во время болезни. Когда Бергстрём вернулся в сопровождении священника, Сведенборг встретил их веселой улыбкой.

“Добро пожаловать, уважаемый Сэр! -- сказал он Ферелиусу. – Бог ныне избавил меня от злых духов, с которыми я боролся несколько дней. Теперь ко мне вернулись добрые духи!”

“Вы полагаете, что умираете? -- обратился к нему Ферелиус, и Сведенборг ответил:

“Да”.

Готовясь к совершению причастия, Ферелиус спросил умиравшего, не хочет ли он перед смертью отказаться от чего-то написанного им, поскольку многие полагают, что целью обнародования им нового религиозного учения было единственно жажда личной славы.

В ответ Сведенборг приподнялся в постели и, положив здоровую руку на грудь, сказал со всей решительностью:

“Так же истинно, как вы видите меня перед собой, истинно все, что я написал; и я мог бы сказать больше, если бы мне было позволено. Когда вы войдете в вечность, вы увидите все сами, и тогда у нас будет много поводов для разговора”.

Затем Ферелиус спросил умирающего, желает ли он причаститься Святых даров, и тот ответил: “С благодарностью”. Еще он добавил, что, будучи обитателем иного мира, он не нуждался в этом обряде, но что он совершит его ради того, чтобы показать тесную связь, которая существует между церковью вверху и здесь внизу. Священник спросил его, считает ли он себя грешником.

“Конечно, покуда я влачу это греховное тело”, – ответил Сведенборг.

Затем с большой преданностью, сложив руки и обнажив голову, он прочел исповедание грехов и приготовился к принятию Святых даров. Он попросил священника “произнести только благословение и прочее предоставить ему, ибо он очень хорошо знал, что это значило”.

Ферелиус так и поступил. В благодарность за его внимание Сведенборг подарил ему один из немногих оставшихся у него экземпляров “Небесных тайн” и посоветовал ему принять учение Нового Иерусалима “невзирая на возможное сопротивление людей, в особенности Аарона Матсиуса”.

На следующий день 29 марта – в предсказанный день – чета Ширсмитов и Элизабет сидели у его постели. Подходила к концу тихая весенняя суббота. Вскоре колокола Лондона должны были зазвонить к вечерне, заглушая птичий щебет в соседнем парке Клеркенвелл.

Сведенборг услышал бой часов и спросил, который час пробило. Когда ему ответили: “Пятый”, он сказал:

“Хорошо. Я благодарю вас. Да благословит вас Бог!” Он тихо вздохнул и скончался.

Слуга Господа завершил свою миссию и покинул этот мир. На столе остались лежать его перо и лист бумаги с незаконченным посланием:

“Приглашение к Новой Церкви, обращенное ко всему христианскому миру и призыв к людям пойти встретить Господа...”

Отныне они не должны зваться евангелистами, протестантами и еще менее лютеранами или кальвинистами, но Христианами”.

Похороны Сведенборга состоялись 5 апреля 1772 года в шведской церкви Ульрики Элеаноры. Панихиду отслужил пастор Ферелиус – это была его последняя официальная служба перед возвращением на родину. Хор пропел

шведский гимн, когда тело покойного, запечатанное в трех гробах, – один из них свинцовый – опускали в нишу под алтарем. Церковь была полна народу. И все же не Лондон стал местом окончательного успокоения останков великого ясновидца. В 1908 году по просьбе шведского правительства прах Сведенборга был перенесен в Швецию и с тех пор покоится в соборе Упсалы рядом с могилой его великого современника Карла Линнея.

